

Первая часть.

БУНТАРЬ (1896- 1931)

- Глава I. Между молотом и наковальней
- Глава II. Август 1917 года
- Глава III. Из изгнания к анархизму
- Глава IV. "Справедливые" - LOS JUSTICIEROS
- Глава V. Терроризм правительства
- Глава VI. Сарагоса, 1922 год
- Глава VII. "Солидарные" - LOS SOLIDARIOS
- Глава VIII. Хосе Регераль и кардинал Сольдевила
- Глава IX. К диктатуре Примо де Риверы
- Глава X. Революционный центр Парижа
- Глава XI. Герильерос в Южной Америке
- Глава XII. От Симона Радовицкого к Борису Владимировичу
- Глава XIII. "Странники" (LOS ERRANTES) в Буэнос-Айресе, 1925 год
- Глава XIV. В Париж: 1926 год
- Глава XV. Заговор против Альфонсо XIII
- Глава XVI. Интернациональный комитет защиты анархистов
- Глава XVII. Союз анархистов и правительство Пуанкарé
- Глава XVIII. Антипарламентаризм Луи Лекуана
- Глава XIX. Эмилианне, Берта и Нестор Махно

- Глава XX. Лион, или Снова в тюрьме
- Глава XXI. Подпольно через Европу
- Глава XXII. Падение Примо де Риверы
- Глава XXIII. Убийство Фермина Галана
- Глава XXIV. Да здравствует Масиá! Долой Камбо!
- Глава XXV. Новое правительство и его политическая программа

Глава I. Между молотом и наковальней

4 июня 1923 года, в четыре часа пополудни, напротив здания Эскуэла Асило де Сан-Пабло в пригороде столицы Арагона неизвестные лица открывают огонь по автомобилю чёрного цвета с номером 135, зарегистрированному в Сарагосе. Один из тринадцати выстрелов, сделанных нападающими, попал в сердце одного из пассажиров. Жертвой атаки оказался кардинал, архиепископ Сарагосы дон Хуан Сольдевила Ромеро. Новость о смерти прелата ужаснула местные власти и обрадовала бедных людей. Как только прошли первые моменты ступора, полиция начала действовать. Нежелание местных жителей сотрудничать с полицией усложнило следствие. «Эль Эральдо де Арагон» (El Heraldo de Aragón), единственная вечерняя газета города, полностью переделала свою первую страницу. «Беспрецедентное и отвратительное покушение» — таков был заголовок с фотографией тела жертвы на всю страницу.

В Гражданском правительстве царил недоумение. Главный начальник полиции и начальник Гражданской гвардии полностью пали духом и не знали, что им предпринять. Сам губернатор в ожидании приказов из Мадрида всем своим видом показывал полное бездействие, парализующее его сотрудников. К восьми часам вечера были получены две телеграммы: король Альфонсо XIII выражал свои соболезнования, а министр внутренних дел требовал пролить свет на совершённое преступление.

В то же самое время местная Федерация синдикатов от НКТ распространяла по всей столице листовку с угрозами всеобщей забастовки и снятием с себя ответственности за последствия ареста невинных рабочих в связи с обвинением в убийстве. Синдикалисты столицы Арагона, как и власти, не сомкнули глаз. Последние не решились начать репрессии. В то же самое время люди, против которых эти репрессии могли бы быть направлены, не остались ночевать дома из опасений быть арестованными. На следующий день газеты (каждая согласно своей фантазии и вкусу) поведали о покушении. El Heraldo de Aragón считала, что преступление совершено не синдикалистами, а напротив — анархистами. «Ла Аксьон» (La Acci3n) была более безапелляционной: здесь замешана банда террористов под руководством анархиста Дуррути. За этим следовал нескончаемый список уголовных деяний, совершённых этим «ужасным убийцей». В заключение газета требовала от правительства принять необходимые меры, чтобы покончить с «этим наказанием рока».

В середине XIX века Леон, как и другие столицы испанского плоскогорья, представлял из себя не что иное, как анахроничную картину самой Испании: застойную, клерикальную и монархическую. Старый город разрастался вокруг своего старинного обветшалого собора. Жизнь в Леоне, подобно колесу обозрения, вращалась вокруг этого здания. Сельское хозяйство Леона, как и всей Старой Кастилии, было единственным источником доходов;

леонцы жили в полной зависимости от земли, ожидая небесного благословения для лучших времён. Выпас скота, как и во времена Месты⁴⁴, и примитивное ремесло по выделке кожи и шерстопрядству завершали картину промышленности города с 10-тысячным населением, ориентированным на выживание.

В этой суровой местности родился Буэнавентура Дуррути⁴⁵ — дитя брака Анастасии Думанхе и Сантьяго Дуррути. Второй по счёту ребёнок появился на свет 14 июля 1896 года, в десять часов утра, в доме номер 9 на площади Санта-Ана. Вместе с шестью братьями и сестрой Хосе Буэнавентура рос «жизнерадостным и крепким мальчиком»⁴⁶. Испания переживала трудные времена. Тяжёлый кризис коснулся не только промышленности, но и всех общественных институтов той эпохи. Остатки древней колониальной империи восстали против деспотической власти военных и религиозной верхушки, которые действовали в основном в колониальных странах. Кубинцы под руководством Хосе Марти⁴⁷ подняли бунт против метрополии. Для подавления этого восстания регентша Мария Кристина⁴⁸ приказала своему министру Кановасу дель Кастильо не жалеть жёстких мер для подавления. Посланнику испанской короны генералу Вейлеру был дан конкретный приказ: быстро покончить с мятежом. И он нашёл способ для выполнения задания — превратив весь остров в огромный концентрационный лагерь. Одновременно с Карибским регионом против господства метрополии восставали филиппинцы, в частности против доминиканских монахов, во власти которых находилась экономика островов. Репрессия, в ходе которой был расстрелян поэт-патриот Хосе Рисаль, также отличалась своей жестокостью⁴⁹. На всём Иберийском полуострове царило недовольство. Крестьяне Андалузии, не выдерживая эксплуатации землевладельцев, не прекращали выступать с протестами, иногда более походившими на настоящие классовые войны. Та же атмосфера наблюдалась в горнорудных бассейнах Андалузии и Астурии. Демонстрации и забастовки рабочих в промышленных областях Страны Басков и Каталонии проходили почти непрерывно. Правительство применяло в этих районах жестокие репрессии: тюрьмы наполнились рабочими активистами, частыми были расстрелы. Кульминационный момент 1898 года выразился в потере последних колоний (Куба, Филиппины, Пуэрто-Рико), что повлекло за собой экономический кризис вследствие утраты прибыли от эксплуатации заморских ресурсов и торговли.

Два года спустя, когда кризис достиг апогея, Хосе Буэнавентура Дуррути и его старший брат Сантьяго начали посещать школу на улице Мисерикордиа (Misericordia), которой руководил учитель Мануэль Фернандес. Первый школьный этап длился до восьмилетнего возраста Хосе Буэнавентуры. У нас очень мало сведений об этом времени. Одно из них — краткая характеристика нашего героя, данная его учителем: «Шаловливый мальчик, но благородного характера и очень ласковый». Уже потом, в письме к сестре Розе, Дуррути говорит о своём детстве: «С самого раннего возраста первым, что я увидел вокруг себя, было страдание — не только нашей семьи, но и соседних. В моей душе уже росло сопротивление. Я думаю, ещё тогда определился мой жизненный путь»⁵⁰.

Может быть, это признание Дуррути было связано с одним происшествием, когда мальчику было всего семь лет: оно наверняка сильно поразило детский ум и объясняет, как он говорит, его инстинктивное прозрение. Речь идёт об аресте отца, принимавшего активное участие в забастовке кожевенных ремесленников в Леоне в 1903 году. Эта забастовка

длилась девять месяцев. Она представляла собой первый значимый социальный конфликт в Леоне. Решительность кожевенных рабочих повлекла за собой голод и жёсткие репрессии. Тем не менее рабочий класс одержал своего рода победу, потому что его выступление было первым камнем в здании пролетарской организации этого региона страны.

Точкой отсчёта в пробуждении леонских рабочих послужило событие, произошедшее четыре года назад — в 1899 году, — когда Игнасио Дуррути, дядя Буэнавентуры, основал первую рабочую организацию на улице Бадильо. У нас нет достаточной информации об этой ячейке. Она была построена на основе взаимопомощи и солидарности рабочих кожевенной отрасли, которые раз в месяц собирались для обсуждения своих профессиональных проблем⁵¹.

До 1900 года самым прогрессивным слоем населения Леона являлась небольшая группа интеллектуалов-республиканцев, чья умеренная и податливая на уговоры идеология не была способна напугать местные власти и религиозных лидеров. С начала века благодаря строительству железнодорожной ветки направления Вальядолид – Леон положение вещей несколько изменилось: из этого района и шахтёрской области Леон-Астуриас в город начали поступать первые социалистические и анархические публикации. Знакомство с этими текстами наверняка воодушевило кружок кожевенных ремесленников, друзей Игнасио. Из них стало известно о волнениях по всей Испании, в частности в Бильбао и Барселоне. Первым пунктом в списке требований рабочих стоял восьмичасовой рабочий день, чего уже добились портные Мадрида. Таким образом, логично, что все эти обстоятельства повлияли на сознание кожевенных рабочих, поскольку вскоре они предъявили хозяевам требования по увеличению зарплаты и уменьшению рабочего дня; ведь этот сектор промышленности постоянно развивался, и прибыли возрастали.

До тех пор зарплата для трёх категорий работников отрасли была в размере от 1,25 до 1,75 песеты за полный рабочий день — как говорится, «от рассвета до заката». Рабочие требовали общего увеличения заработка на 50 сантимов и десятичасовой рабочий день. Членам Центрального комитета было поручено объявить работодателям об этих требованиях. Составляли этот руководящий орган Игнасио Дуррути, Сантьяго Дуррути (отец Хосе), Антонио Кинтин и Мельхиор Антон. Хозяева решили, что рабочие запросили слишком много, и тогда те объявили забастовку, имевшую большое значение в силу важности кожевенной отрасли — почти единственной местной индустрии, приостановление действий которой означало парализацию города. Власти ответили репрессиями и арестовали тех, кого сочли подстрекателями бунта. Население рабочих районов с удивлением наблюдало, как почтенные труженики попадали в тюрьму, словно обычные уголовники, и все заявили о своей поддержке заключённых. Народная реакция заставила местные власти задуматься, и, вероятно, сам епископ (согласно народной молве, сторонник репрессий) вмешался, советуя освободить задержанных. Но они всё же провели пятнадцать дней в заключении. Забастовка длилась целых девять месяцев. Ни кредиты местных торговцев забастовщикам, ни солидарность со стороны Лоренсо Дуррути, владельца небольшой закусочной, ни деньги от продажи изделий мастерской Игнасио Дуррути на нужды бастовавших — ничто не смогло победить голод в семьях трудящихся... Тогда и начал убывать бунтарский дух, проявившийся в первые дни забастовки. Забастовщики понемногу отступали и, к большому удовольствию буржуазии, объявили о конце стачки. Тем не менее некоторые рабочие, в том

числе отец Буэнавентуры, предпочли сменить профессию⁵². Когда Дуррути напомнил об этих событиях своей сестре Розе, он отдавал себе отчёт о последствиях упомянутого конфликта для их семьи. До тех пор, несмотря на скудный заработок отца, можно было считать, что их семья жила намного лучше, чем соседи, благодаря поддержке от собственного дела Лоренсо, Педро и Игнасио. Но внезапно их жизнь изменилась: Лоренсо был вынужден закрыть закусную; Игнасио без всяких объяснений исчез из Леона (говорили, что отправился в Америку). Что касается Педро Думанхе, отца жены Сантьяго, то его торговля постепенно сходила на нет из-за нескрываемого бойкота местных влиятельных людей. С той поры планы семьи в отношении образования детей изменились. Поначалу дед Педро строил планы о продолжении обучения Буэнавентуры, с тем чтобы в будущем тот смог возглавить семейное ткацкое дело. Позже, если планы и изменились, то оставалось твёрдым намерение в том, что парень будет продолжать учёбу. Однако мечты не стали явью в связи с нехваткой денег в семейном бюджете (который составлял дневной заработок плотника Сантьяго). С двумя песетами в день невозможно было мечтать о частной школе — ведь, кроме того, нужно было прокормить целую ватагу ребятишек. Именно поэтому родители решили послать своих детей в школу, более подходящую для их социального уровня. Это была школа дона Рикардо Фанхуля.

На втором этапе школьного обучения Буэнавентура не отличался успехами. Напротив, он считался посредственным учеником. Однако был не без способностей. По окончании учёбы учитель Фанхуль написал в табеле с оценками: «Мальчик с живым умом, способен к литературе»⁵³.

Когда ему исполнилось четырнадцать лет, перед семьёй встал вопрос о будущем подростка. Дед Педро, очень любивший Буэнавентуру, настаивал на учёбе в Вальядолиде, обещая платить за всё. Но юноша отказался от предложенного, огорчив этим деда. Парень хотел быть рабочим, как его отец, и выучиться на механика. В 1910 году он начал работать учеником механика в мастерской Мельхиора Мартинеса, который был известен как яростный революционер благодаря чтению в барах на виду у всех газеты El Socialista. Говоря откровенно, социализм Мельхиора Мартинеса был довольно размытым и его последовательность оставляла желать лучшего. Поначалу он был рабочим активистом в Бильбао, а когда состарился, восхищаясь взглядами Пабло Иглесиаса⁵⁴, переехал в Леон. Там он оборудовал небольшую подсобку, более похожую на кузню, чем на механическую мастерскую, в которой обычно собиралась небольшая группа рабочих социалистических взглядов, чтобы обсудить и прокомментировать со стариком Мельхиором успехи и действия Социалистической партии. На те времена Леон достиг кое-какого прогресса в области рабочих организаций. Две из них принадлежали к Всеобщему союзу трудящихся: Союз железнодорожных рабочих и Союз рабочих металлургии. С другой стороны, молодёжь постепенно отдалялась от влияния церкви.

Когда Буэнавентуре было двенадцать лет, он сказал матери, что больше не будет посещать по четвергам уроки религии под руководством местного священника в церкви Санта-Ана. С тех пор он больше не ходил в церковную школу и на следующий год даже отказался от причастия во время церковного празднования Пасхи, что в те времена считалось большим скандалом. Из-за этих событий, и других, последовавших за ними, соседи считали его озорником. Мельхиор Мартинес, до которого дошли слухи о поведении подростка, сразу же

почувствовал симпатию к своему подмастерью и сказал отцу Дуррути: «Сделаю твоего сына хорошим механиком, но и социалистом тоже»⁵⁵. Когда ученик и учитель встретились лицом к лицу, старик на мгновение задумался, а затем приблизил его к горну, взял щипцы и поворошил покрасневшее железо. Потом принялся стучать по наковальне, приговаривая: «Это будет твоя работа: бить по железу, когда оно покраснеет, пока не придашь ему нужную тебе форму. Но не забывай: удары должны наноситься с точностью. Недостаточно быть сильным — нужен ум, чтобы знать, куда нужно нанести удар». Впоследствии он позаботился о культурном развитии подмастерья и посоветовал записаться в вечернюю школу «Лос Амигос дель Паис» (Los Amigos del País — «Друзья Страны»), чтобы пополнить знания⁵⁶.

Буэнавентура проработал в мастерской два года. Там он научился основам механики и идеям социализма. Однажды учитель сказал ему: «Я уже не могу тебя больше научить ничему новому: ни механике, ни социализму», — и Буэнавентуре пришлось сменить мастерскую. Он поступил к Антонио Михе́, где обучался сборке механических аппаратов для промывания руды в шахтах. Через год юноша был уже на третьем месте по мастерству, и Михе́ присвоил ему звание токаря второго разряда. Именно тогда, в апреле 1913 года, он стал членом Союза рабочих металлургии, с билетом номер 12 57. С этого момента жизнь Дуррути как рабочего и синдикалиста шли бок о бок. Его стройная фигура появлялась среди металлургических рабочих, членов Союза. На собраниях он был наблюдателем, очень редко принимая участие в спорах.

В то время теоретиком леонского социализма был Иглесиас Мунис; спустя три года он начнёт издавать первую социалистическую газету в этом городе — «Эль Сосиалиста Леонес» (El Socialista Leonés)⁵⁸. Мунис в основном выступал в роли учителя, и его слова воспринимались слушателями как откровения оракула. В самом начале Буэнавентура подражал другим рабочим, но постепенно стал освобождаться от этого влияния, чтобы самому анализировать проблемы рабочего класса.

В одной из образовательных бесед Иглесиас рассказал о развитии социализма в Испании, подчёркивая победы Социалистической партии на выборах, несмотря на оппозицию рабочих — членов НКТ. Поскольку лектор не дал достаточно полного объяснения, Буэнавентура спросил его о воздержании от голосования со стороны сенетистских рабочих. Ответ был неправильным, и, хотя Буэнавентура не остался доволен разъяснением, он не придавал большого значения этому факту. Именно с этого момента Дуррути начал участвовать в дискуссиях, замечая реакции со стороны руководителей Комитета. Его упрекали в революционном нетерпении и советовали практиковать умеренность. Буэнавентура отвечал на эти призывы так: «Социализм или активен, или это не социализм». А также: «Если мы боремся за освобождение рабочего класса, и оно не может быть достигнуто без яростной борьбы против буржуазии, это означает, что мы не можем остановить наше революционное дело до тех пор, пока не разрушим капиталистическую систему». Руководители приводили доводы политической возможности. Тем не менее Буэнавентура настаивал, что борьба рабочего класса не может быть обусловлена удобными случаями буржуазной политики. В этих условиях споры между Буэнавентурой и лидерами кружка практически не прекращались, но его слова находили отклик в сердцах молодёжи Союза — молодые члены организации, так же, как и он, с нетерпением склонялись к срочным революционным

действиям и восставали против «вечных советов быть умереннее», постоянно утверждавших, «что условия ещё не созрели»⁵⁹. Споры на эти темы продолжались до 1914 года, когда в результате Первой мировой войны экономическое положение Испании изменилось.

Испания занимала нейтральное положение в этом военном конфликте и превратилась в страну, где воюющие стороны стремились приобрести всевозможные товары — как готовые, так и сырьё, — необходимые для тех тяжёлых времён. Испанская буржуазия совершала крупные сделки, ведя торговлю с союзниками и Германией одновременно.

Промышленность, торговля и морской транспорт росли быстрыми темпами. В частности, это касалось металлургической промышленности и добычи ископаемых. В этой связи открывались старые предприятия, и работа на шахтах становилась более интенсивной. Новый ритм производства привёл к увеличению числа рабочих на фабриках и в шахтах; заметно усилилась миграция сельских жителей в промышленные центры. В свою очередь, этот феномен увеличил значение и влияние пролетариата. Барселона — важный центр такой миграции — определила значительное увеличение профсоюзного движения. В Леоне и горнорудном бассейне оживление производства было таким же, как и по всей стране. Шахты работали на полную мощность, и механические мастерские Антонио Михе утроили свой производственный потенциал. Но и это не помогло им выполнять все заказы. Таким образом, ввиду невозможности обслужить всех желающих рабочие были командированы в шахтёрские центры Матальяна, Понферрада и Ла Робла, чтобы установить там механические аппараты для промывки руды. Буэнавентура был назначен руководителем одной из таких групп — в Матальяна. Для него и двух его товарищей это был долгожданный момент начала контактов со знаменитыми астурийскими шахтёрами. Первые дни, насыщенные трудом, пронеслись незаметно. Тем не менее вскоре работа в шахте приостановилась из-за забастовки, объявленной рабочими, недовольными грубым отношением к ним одного из инженеров. Руководство шахты не приняло требование рабочих уволить инженера. Остальные шахты региона поддержали бастующих — и забастовка стала всеобщей. Буэнавентура заметил, что «если руководство шахты не справляется с отмытием руды, это означает, что ей крайне необходимо, чтобы механики закончили сборку аппаратов. Забастовка не вредит интересам Шахтовой компании, а напротив, идёт ей на руку, так как экономит зарплаты, - до тех пор, пока работают механики. Другими словами, разрешение конфликта зависит от завершения сборки аппаратов. Парализуя нашу работу, мы поставим Компанию перед выбором: удовлетворить требования бастующих рабочих или задержать заказы клиентов».

Управляющие шахты призвали механиков к порядку, напоминая им о контракте, но Буэнавентура ответил, что они не возобновят работу, пока шахта будет бездействовать. Последовали угрозы, но перед лицом твёрдой позиции механиков руководство шахты пошло на уступки, что означало победу шахтёров и перевод инженера на другое место⁶⁰.

Поведение молодых леонцев, особенно «здоровилы» (как обычно называли Буэнавентуру), впечатлило шахтёров, которые после случившегося сблизились с ними и начали называть Дуррути по имени. Так, когда Буэнавентура пишет: «Дуррути — это клич, зародившийся в Астурии», он говорит о реальных событиях⁶¹. Когда монтаж оборудования был закончен, и

парни вернулись в Леон, Буэнавентуру ждал сюрприз. Михé вызвал его в кабинет, чтобы сделать выскание за поведение в шахтёрском районе. Кроме этого, он предупредил Дуррути о том, что Гражданская гвардия наводила о нём справки, и порекомендовал ему усмирить свои порывы, так как «Леон — это тебе не Барселона». В Союзе рабочих металлургии также стало известно о происшествии. Руководители предупредили Дуррути о неприемлемости его поведения. Однако молодёжь встретила его с энтузиазмом, завидуя участию в шахтёрской забастовке.

Его старый учитель Мельхиор Мартинес был немногословен. Он посоветовал ему покинуть Леон, потому что подполковник Гражданской гвардии Хосе Гонсалес Регераль, который фактически был губернатором провинции, и команданте Арлеги не терпели экстремистов. Когда Буэнавентура пришёл домой, его ждал ещё один сюрприз. Его отец, уже очень больной, с радостью поделился новостью с сыном: для него нашли место механика-наладчика в передвижных мастерских Железнодорожной северной компании. Всё это противоречило его планам, но, имея в виду положение семьи, он сделал выбор и принял предложение. Такими были обстоятельства, когда началась знаменитая забастовка августа 1917 года.

Глава II. Август 1917 года

Пролетариат, уже сильный и многочисленный в результате промышленной экспансии, вступал в открытый революционный процесс. Его кульминационными моментами были май и июнь 1917 года, когда Испания находилась на грани всеобщей революции.

С начала века промышленная буржуазия Каталонии и Страны Басков чётко уяснила для себя, что основным препятствием для её развития являлись экономические и политические структуры страны и что, пока политическая власть была монополизирована блоком консервативных и традиционных сил (духовенство, аристократия и каста военных), Испания не могла выйти из тупика. Эти слои буржуазии перешли в наступление с целью сдвинуть с позиций власти те партии, которые поочерёдно к ней приходили. Их стратегия была построена на психологической основе стремлений каталонцев и басков к автономии, которые вскоре приобрели националистский и сепаратистский характер. Эти чувства населения были использованы для политических целей лидером каталонской буржуазии Франческом Камбó и явили собой настоящий вызов центральным властям Мадрида.

Первая мировая война подтолкнула буржуазию к изменению её недавних требований: она полностью занялась накоплением богатств, не утруждая себя ни задачами модернизации индустрии, ни принятием своевременных мер по предотвращению неминуемого кризиса после закрытия каналов внешней торговли. В 1916 году, в разгаре войны в Европе, Испания поняла весь ужас создавшегося положения: ситуация была безнадёжной — не только из-за более чем миллиардного дефицита, но также в связи с тем, что стране нужно было финансировать продолжение неудавшейся военной кампании в Марокко. В то время как государство тратило последние запасы, монополистическая олигархия обогащалась. Тогда правительство обратилось с мольбой к промышленникам Каталонии и Страны Басков: помочь ему сдвинуться с мёртвой точки. Для этого министр финансов, консерватор Сантьяго Альба, разработал проект налоговой реформы, устанавливая прямой налог на дополнительные доходы компаний и частных лиц. Этот проект имел один недостаток, сразу же замеченный промышленной буржуазией. Он заключался в освобождении землевладельцев от уплаты налога, что ещё раз доказывало феодальное влияние на государственную политику.

Принимая во внимание эту ошибку, Франческ Камбó от имени упомянутого меньшинства буржуазии предпринял серию атак проекта в Кортесах (испанский парламент), что привело не только к провалу самой реформы, но и к падению правительства во главе с графом Романонесом². Сама буржуазия всё быстрее приближалась к кризису, так как в 1917 году закупки из-за рубежа снизились. Спад в прибыли после окончания Первой мировой войны предвещал начало непоправимой ситуации для Испании.

Буржуазия показала себя неспособной осознать все обстоятельства момента. Кроме того, в отношении идеологии она занимала ту же позицию, что и консерваторы. Её появление на

политической арене напоминало секретную практику камарильи — весьма в духе испанских традиций. Уже в 1916 году, в качестве протеста против подорожания жизни, рабочий класс организовал стачку, которая всколыхнула всю страну и, конечно же, правящие круги. Впервые НКТ (Национальная конфедерация труда) и ВСТ (Всеобщий союз трудящихся) подписали соглашение, в котором ясно шла речь о социальной революции⁶³.

Этот факт содействовал перемирию между сторонами, ранее имевшими разногласия, — и буржуазия, особенно каталонская, вновь проявила свой реакционный и неуступчивый характер в отношении справедливых требований рабочих. Именно поэтому борьба приняла характер настоящей социальной войны.

Кроме того, к уже непростой ситуации прибавились два момента, пошатнувшие основы политической передышки. Одним из них была русская революция — беспрецедентный исторический факт, когда рабочий класс и крестьянство впервые добивались возможности самим решать свою судьбу. В Испании эта новость послужила детонирующим импульсом — и народная волна энтузиазма вылилась за пределы городов, чтобы укорениться на селе. Повсюду происходили спонтанные демонстрации, провозглашающие: «Да здравствуют Советы!»

Объективные условия для укрепления революции постепенно конкретизировались, и казалось, в мае 1917 года их было вполне достаточно для её свершения. Кроме того, часть армии (пехота) подняла мятеж. Причины не носили строго политического характера. Речь шла о чисто временной реакции против фаворитизма монархии по отношению к военной камарилье, действовавшей в Африке, которая намеревалась продолжать войну в Марокко⁶⁴.

Такая предреволюционная ситуация заставила руководителей НКТ и ВСТ, выполняя договор о совместных действиях, подписанный в 1916 году, учитывать происходящие события, для чего было необходимо отрегулировать общие силы для совместного действия. С самого начала политическая ситуация не была однозначной. Для НКТ положение было ясным: необходимо срочно воспользоваться противоречиями в буржуазных партиях и извлечь как можно большую выгоду из разногласий между армией и государством, чтобы разрушить монархическую систему и провозгласить передовую республику. Для ВСТ с ориентацией на Социалистическую партию ситуация не представляла социального размаха, а напротив, имела политические цели. Представлялось важным сформировать блок оппозиции, с тем чтобы привести к власти либеральное правительство, не затрагивающее основы монархии. Именно из-за этих двух подходов обе организации не смогли найти общий язык на переговорах. Спустя некоторое время совместные действия потерпели фиаско. Социалистическая партия с помощью ВСТ сдерживала народный энтузиазм и препятствовала моменту выступления масс, объясняя представителям НКТ, что ВСТ не готов полностью принять мощь рабочего движения и выйти с протестами на улицы было бы преждевременным — это привело к уменьшению рядов сторонников революции. Первым событием было начало участия в правительстве Эдуардо Дато⁶⁵, который поспешил удовлетворить требования высших военных чинов пехотных войск (июнь), восстанавливая таким образом армейскую дисциплину. С другой стороны, в Барселоне был созван Съезд парламентариев с целью образования Временного правительства. Этот съезд, узнав о том, что рабочий класс города построил баррикады на улицах и поднял над ними красные

знамёна, распался. Таким образом, с того момента революционные рабочие оказались в руках репрессивного аппарата (19 июля 1917 года). Перед лицом роспуска съезда и политического проекта соцпартии, которая инструментов своей победы считала успех Съезде парламентариев, ВСТ оказался безоружным и без определённой стратегии в отношении социальных волнений, быстро набирающих силу. Испуганные лидеры соцпартии и ВСТ не нашли другого выхода, как затормозить порыв рабочего класса. Пабло Иглесиас посоветовал провести всеобщую мирную демонстрацию, с тем чтобы успокоить волнение масс. С того момента Всеобщий союз трудящихся действовал в таком направлении, присваивая исключительно себе (и отстраняя НКТ) ответственность за руководство рабочим движением. ВСТ назначил Национальный забастовочный комитет, который спустя несколько часов после объявления всеобщей забастовки 13 августа 1917 года попал в застенки полиции.

Один из очевидцев так передаёт свои впечатления: «Всё началось без конкретной задачи и продолжалось одну неделю. Астурийские рабочие, чей героизм был беспримерным, продлили забастовки ещё на восемь дней. В Вискайе погибло много людей. Движение прошло по всей стране и было таким единодушным, что во всём мире до тех пор не наблюдалось такого размаха. Жертвы со стороны рабочих исчислялись сотнями на всей территории полуострова»⁶⁶.

Один историк дополняет: «...были мобилизованы военные, и против бастующих применялись пулемёты. (...) Войска действовали с особой жестокостью (.); армия и король превратились в единственную действенную силу»⁶⁷.

И в завершение лидер соцпартии Индалесио Прието, спустя несколько месяцев отвечая на упреки в том, что они намеревались инициировать революцию в Испании, заявил в Кортес: «Это правда, что мы дали оружие народу и что могли бы победить в этой схватке, но мы не обеспечили людей боеприпасами. Что же вы жалуетесь?»⁶⁸

Сделав общий анализ событий того национального рабочего движения, теперь можем рассмотреть конкретную ситуацию в Леоне.

Забастовка там была такой же единодушной, как и во всей Испании, и вовлекла самую мятежную молодёжь, среди которой выделялся Буэнавентура. Эта небольшая группа молодых рабочих после активного участия в протестах и по их окончании присоединилась к астурийским рабочим, которые, как мы ранее отметили, продлили свою борьбу на восемь дней, блокируя работу поездов в той области. Многие рабочие, следуя примеру молодых людей, поддержали действия саботажа: поджигали локомотивы и склады с оборудованием, сдвигали рельсы. Лидеры соцпартии в Леоне, видя, что стачка и действия рабочих начинают выходить из-под их контроля, поспешили отменить забастовку и, кроме того, публично осудили такие действия, объявляя их чуждыми рабочему классу.

Действительно, таким образом, деятельность саботажной бригады была запрещена, и её участники оказались под угрозой полицейских репрессий. В дни подрывных акций часто наблюдались столкновения с Гражданской гвардией. Неоднократно у входа в железнодорожные мастерские пикетчики, за неимением других снарядов, забрасывали

полицейских камнями.

В таких операциях была задействована не только мятежная молодёжь, но также довольно большое число рабочих, которые не понимали приказа вернуться на рабочие места, когда стало известно, что в Астуриас по бастующим открывали огонь из пулемётов. Постепенно все эти акции протеста теряли свой накал. Возобновилась работа в цехах, но бойкоты на железнодорожных путях продолжались, и ситуация оставалась беспокойной до тех пор, пока не узнали о конце протестов в Астурии.

С нормализацией обстановки начались репрессии по месту работы. Железнодорожная компания объявила о массовом увольнении и о новой подаче заявлений для приёма на работу. Такая мера означала потерю прежних прав. Кроме того, Компания могла заново провести отбор персонала. Самые непокорные, конечно же (!), оказались на улице, среди них был и Буэнавентура.

Кроме того, Союз железнодорожных рабочих дополнил репрессии и исключил из организации группу молодых людей — костяк протестующих. Буэнавентура Дуррути возглавлял этот список. В заявлении, объясняющем применение такой меры, принятой руководящим советом односторонне, говорилось: «Речь шла о мирной забастовке, в которой рабочий класс должен был дисциплинированно показать буржуазии свою силу. Действия этих молодых людей идут вразрез с практикой нашего Союза, и вследствие этого они исключаются из его рядов за несоблюдение дисциплины»⁶⁹.

Группа молодых рабочих, исключённых из организации, не смогла защитить себя от этих мер. Сам Союз указывал на их прямое участие в саботаже и тем самым облегчал работу полиции. При таких обстоятельствах оставалось лишь два выхода: либо попасть в руки репрессивных структур, либо покинуть город и переждать в другом месте до лучших времён.

Глава III. Из изгнания к анархизму

В первых числах сентября Буэнавентура вместе со своим другом Эль Тото скрывался в Хихоне, что означало возобновление отношений между ним и астурийскими шахтёрами после событий в Матальяне.

Его пребывание там было коротким. В декабре семья Дуррути получила почтовую открытку с маркой из Валь-ле-Бен (Ардеш), в которой он успокаивал родных, сообщая, что у него «всё очень хорошо благодаря помощи одной испанской семьи по фамилии Мартинес»⁷⁰. За то короткое время в Хихоне наверняка произошли события, которые могли бы объяснить действия Буэнавентуры во Франции. Положение Дуррути и его друга не было одинаковым. Эль Тото находился в полицейском розыске из-за саботажных акций во время забастовки. Но у Буэнавентуры был ещё один непогашенный долг — дезертирство из армии. За несколько дней до начала забастовки его записали во второй резерв 1917 года солдатом-артиллеристом второго класса с направлением в артиллерийский полк Сан-Себастьяна. Дуррути должен был прибыть туда в конце августа. Потом он напишет своей сестре: «У меня почти не было желания служить родине, но даже и этот небольшой энтузиазм исчез при общении с одним сержантом, командиром резервистов. Он с нами обращался так, будто мы уже служили в казармах. Покидая контору, где проходило зачисление на военную службу, я сказал сам себе: у Альфонсо XIII будет одним солдатом меньше, но одним революционером больше»⁷¹. Возможно, что, когда астурийские шахтёры узнали о факте дезертирства Буэнавентуры, они решили предоставить ему убежище и помочь уехать во Францию.

Буэнакаса, который тоже скрывался от полиции, вероятно, в те дни встретился с Буэнавентурой. По его рассказам, «когда мы познакомились, то не понравились друг другу. Я был более прилежным в учёбе. Он — бунтарь. Я не почувствовал симпатии к нему, а он ко мне»⁷². Вплоть до весны 1920 года Буэнакаса ничего не знал о Дуррути. В ту пору они увиделись в Сан-Себастьяне. В этот раз Буэнакаса был поражён «его прогрессом в области теории». Когда он посетил профсоюзы Конфедерации в Сан-Себастьяне, то увидел, что Дуррути имел членский билет НКТ. Когда он вступил в её ряды? Каким образом достиг прогресса в знаниях? Ответ на эти вопросы — в первой эмиграции во Франции, с сентября 1917-го до марта 1919 года.

Из переписки с семьёй известно, что смены места жительства были частыми. То он едет в Марсель, то колесит по югу Франции с Безье до Тулузы, то появляется в Бордо, Биаррице и т.д. Дуррути никогда не упоминает причин столь частых переездов, однако всё выясняется, когда в марте 1919 года его арестовывают в шахтёрском районе Леона⁷³. Когда баски и астурийцы (среди которых был и Дуррути), спасаясь от репрессий, пересекли Пиренеи, в

Южной Франции, особенно в Марселе уже действовали довольно крупные ячейки каталонских экспатриантов. Там же находилась Комиссия по связям с анархистами. Впрочем, Марсель служил важной точкой для связи с Барселоной. Портовые рабочие находились под большим влиянием революционного синдикализма ранней CGT (Confederación General de Trabajo) ВСТ74.

Среди основных действий организации был сбор пожертвований среди испанских эмигрантов для печатной пропаганды, посылаемой в Испанию. Другой, более опасной деятельностью являлось приобретение оружия (пистолеты и боеприпасы), переправляемого в Барселону.

Всё это требовало переездов и огромной активности. Вероятно, Буэнавентура сделал свои первые шаги активиста в качестве связного между Бордо и Марселем, потому что баски и астурийцы благодаря выгодному расположению порта в Бордо организовали конспиративный центр в столице Жиронды.

С другой стороны, известно, что Буэнавентура поддерживал переписку и отношения со своими друзьями из Леона и что, кроме того, Эль Тото, который жил среди астурийцев до 1919 года, не потерял с ним контакт за все годы изгнания75.

Что касается идеологической эволюции Буэнавентуры, которую Буэнакаса называет «прогресс в теории», то, по словам Камински, «он сделал рывок вперёд, и ему понадобилось меньше времени, чем Бакунину, чтобы объявить себя анархистом»76. Наверное, Камински написал это в августе 1939 года, под сильным впечатлением личности Дуррути. Правда в том, что Буэнавентура не совершил «перехода» от социализма к анархизму, так как последний всегда жил в его сердце.

Испанский марксизм с приездом Поля Лафарга в 1872 году характеризовался как оппортунистский и вскоре превратился в реформизм. За исключением традиционного понятия партии, всё остальное было забыто Социалистической партией. И если один из её лидеров, Ларго Кабальеро, с большим опозданием заговорил о взятии власти рабочим классом, то это были слова, произнесённые без веры и неубедительно. Кроме вклада группы под руководством Андреу Нина77 традиционный идеологический уровень испанских марксистов походил на немецкую или французскую социал-демократию тридцатых годов.

Анархизм, напротив, развивался на подходящей и плодотворной земле. Его основные идеи нашли благодатную почву. В стране, где всё подталкивает к децентрализованной федерации и где рабочие с недовольством принимали парламентские манёвры, отрицание государства как такового было понято полностью.

Когда Буэнавентура познакомился с анархизмом — сначала на практике, а впоследствии и в теории, — он принял его как активную революционную социалистическую доктрину, о которой он уже говорил в Леоне. Поэтому наверняка лучше употребить термин «теоретический прогресс», как это делает Буэнакаса, а не «переход».

В марте 1919 года Буэнавентура лежал в военном госпитале Бургоса. В письме родственникам он утверждал: «Когда я собирался приехать к вам, меня взяли на службу в

полк. Я прошёл военную комиссию, и меня направили в составе армии в Марокко, но затем на медосмотре у меня обнаружили грыжу, и поэтому я сейчас в госпитале, но ненадолго. Не хотелось бы мне отъехать в Марокко и не повидать друзей, которых вы знаете. Пусть они срочно приедут»⁷⁸. В этом письме он маскирует свои намерения. Его арест был связан с миссией в Испании, в тесном контакте с друзьями из Бордо.

В начале января 1919 года Буэнавентура пересёк границу с целью информировать организацию в Хихоне об оперативном плане во Франции. Закончив задание и принимая во внимание перспективы работы, намечающиеся в Астурии, он решил остаться на некоторое время в Испании. Эль Тото рассказал ему о проделанной работе в Леоне. Группа молодёжи, исключённая из Союза железнодорожников, среди которых выделялся Техерина, основала анархистскую ячейку и Профсоюз общих профессий в НКТ, где уже насчитывалось большое число членов. НКТ переживала особый подъём по всей Испании, особенно в Барселоне, где движение синдикализма под руководством Сальвадора Сеги и Анхеля Пестаньи устрашало буржуазию. Каждый второй рабочий состоял в рядах Конфедерации, и поэтому эта организация насчитывала 375 000 членов.

Дуррути устроился на работу механиком в Ла Фильгера — центре рабочих-металлургов, где анархо-синдикализм имел большое влияние. Там ему выдали первый членский билет НКТ. Время, проведённое в Ла Фильгера, было очень важным, но коротким. Буэнавентура вскоре переехал в шахтёрский район Леона, так как в местности Ла Робла вспыхнул конфликт, в частности на шахтёрском предприятии с участием английского капитала. В тот период шахтёрский синдикат Астурии сталкивался с многочисленными протестами-забастовками в этой области и не мог командировать своих людей в Ла Робла. Эль Тото, до тех пор работавший с контактами из Леона, уже три месяца находился в Вальядолиде. Нужно было срочно организовать операцию саботажа на шахтах, и кандидатура Буэнавентуры была наиболее подходящей, так как его там никто не знал. С ним в Ла Робла выехали активисты, приехавшие из Ла Корунья. Как и ожидалось, после протеста, руководство шахты пошло на уступки.

Так как до Леона было очень близко, Буэнавентура планировал встретиться со старыми друзьями для обмена впечатлениями. Назначили встречу в Сантьяго де Компостэла, но в пути его задержала Гражданская гвардия, как подозрительное лицо. Дуррути был отправлен в Ла Корунья, где обнаружился факт его дезертирства из армии. Его отправили в Сан-Себастьян, где после заседания Военного совета он сослался на заболевание грыжи, чтобы выиграть время и затем сбежать. Благодаря помощи друзей из Леона, предупреждённых письмом к сестре Розе, удалось устроить побег. Несколько дней Буэнавентура прятался в горах, а в июне снова эмигрировал во Францию. На этот раз он переехал в Париж и работал в мастерских компании «Рено». В течение этого второго периода ссылки Дуррути вёл редкую переписку. В посланных открытках — по-видимому, намеренно для прочтения чужими — он пишет, что живёт один, в изоляции от всех, и работает механиком. Фотографии этого периода его жизни опровергают написанное, так как на них он появляется в окружении многих друзей. Нам неизвестно о его действиях в тот период времени. Он часто переписывался с Техериной, секретарём леонской анархистской группы⁷⁹.

Алеjandro Хилаберт в брошюре о жизни Дуррути пишет, что «товарищи прилежно сообщали ему о политическом и общественном положении в стране». Основная цель этих писем заключалась в «регулярных новостях о прогрессе анархистского движения», а также в информации о соглашениях анархистских групп, подписанных на Национальной конференции, о членстве в Национальной конфедерации труда⁸⁰. Хилаберт добавляет, «что такое решение групп было связано в особенности с тем, что полиция и правительство занимались организацией «пистолерос» для охоты за синдикалистами»⁸¹. Согласно Хилаберту, благодаря помощи друзей Дуррути было известно в деталях о «важном съезде, проведённом НКТ в Мадриде в декабре 1919 года, где участвовали представители приблизительно одного миллиона рабочих, и о решении съезда вступить в Интернационал, а также о том, что Анхель Пестанья был избран делегатом на III съезд Коминтерна в Москве (1920)»⁸².

Хилаберт добавляет в своём биографическом очерке, что все эти радостные новости побудили Буэнавентуру весной 1920 года вернуться в Испанию. Победа русского народа над царизмом в 1917 году, как известно, оказала огромное влияние на Испанию и увеличила размах августовской забастовки. Это воздействие можно оценить, принимая во внимание позицию НКТ с сильными анархистскими характеристиками. Русская революция была принята анархистами как подлинная диктатура пролетариата, разрушившая власть буржуазии и царской аристократии⁸³.

Буэнавентура не избежал такого влияния, и вполне вероятно, что его решение о возвращении в Испанию могло быть результатом энтузиазма в послевоенной Европе. Многие молодые люди, так же, как и Буэнавентура, поддались влиянию событий в России до такой степени, что их методы несли на себе некоторый отпечаток большевизма. То, что чётко отличало эту молодёжь от большевистского образа действия, было формой понимания самой испанской революции, которая, по их мнению, имела собственный путь в рамках исторических условий её созревания. Со временем — после разоблачения бюрократического и авторитарного характера большевистской диктатуры — большевиков будут упрекать в желании насадить большевистский путь в Испании, не принимая во внимание социально-исторические условия страны. В целом, можно сказать, что все эти идеи и эмоции в то время были не вполне ясными.

Итальянский теоретик анархизма Малатеста, в письме своему другу Луиджи Фаббри хорошо описывает это неприятное замешательство:

“ «Наши большевизирующие друзья понимают под выражением диктатура пролетариата революционное действие, через которое рабочие овладевают землёй и орудиями труда и пытаются построить общество, в котором не было бы места классу эксплуататоров и угнетателей самих производителей. В этом случае диктатура пролетариата означала бы диктатуру всех и не была бы диктатурой, таким же образом, как и правительство всех — уже не правительство в авторитарном, историческом и практическом смысле этого слова».

Однако Малатеста чётко представлял смысл большевистской диктатуры:

“ «На деле речь идёт о диктатуре одной партии или руководителей партии. Ленин, Троцкий и их товарищи — наверняка искренние революционеры, в рамках их понимания революции, и не предадут её, но они готовят правительственные кадры, которые будут служить тем, которые придут после, чтобы использовать революцию для своей выгоды и разрушить её. История повторяется: *mutatis mutandis*, есть диктатура Робеспьера, которая приводит его на гильотину и готовит дорогу Наполеону».

Но, несмотря на это, Малатеста добавляет, несколько исправляя предыдущую мысль (он сам в плену миража эпохи):

“ «Может быть также, что многие вещи, кажущиеся нам плохими, являются продуктом данной ситуации и что в особых обстоятельствах России было бы невозможно поступить иначе. Лучше подождать, поскольку то, что мы будем говорить, никоим образом не повлияет на развитие событий в России, и в Италии может быть истолковано неверно — в том смысле, что мы повторяем клевету реакционных кругов».

Это письмо было опубликовано лишь в 1922 году — изза причин, объяснённых самим автором. Но как бы то ни было, мысли автора не позволяют исказить себя. Позиция анархистов всегда была ясной:

“ «Мы уважаем в большевиках их марксистскую честность и восхищаемся их энергией, но мы никогда не разделяли их теоретические идеи и также не смогли бы поддержать их, когда от теории они переходят к практике»⁸⁴.

Весной 1920 года ничего из происходящего в России не было известно достоверно. Единственное, что преобладало, — это волны клеветы о русских революционерах на рынке буржуазной прессы. Поэтому классовые товарищи всех стран защищали их. Единственный способ помочь русской революции — совершение революционных восстаний в остальных странах. Как мы уже говорили ранее, нам известно, что этот факт повлиял на возвращение Буэнавентуры Дуррути в Испанию.

Глава IV. "Справедливые" - LOS JUSTICIEROS

Когда Буэнавентура прибыл в Сан-Себастьян, НКТ едва начинала свою деятельность в местности, где ранее преобладало влияние соцпартии и её профсоюзного объединения — ВСТ. До второго съезда НКТ действия анархизма в Стране Басков ограничивались пропагандой в печатных изданиях, выпускаемых редкими группами, существовавшими в этом регионе. Но после забастовки августа 1917 года и сильного роста анархо-синдикализма по всей Испании анархистские группы в Сан-Себастьяне и Бильбао перешли к открытой борьбе и заложили прочные основы своих организаций. В то время на берегу реки Урумеа, в самом её устье, началось строительство казино Эль Гран Курзал. На эту стройку прибыла рабочая сила из Арагона и Логроньо. Анархистская группа из СанСебастьяна, возглавляемая Мойсесом Руисом, полностью посвятила себя организации профсоюзов среди новоприбывших рабочих. Им помогали, конечно, активисты из Сарагосы и Логроньо, среди которых особо выделялись следующие: Марселино дель Кампо, Грегорио Субервьела, Виктор Элисондо, Хосе Руис, Иносенсьо Пина, Клементе Мангадо и Альбадетреку85. Группа была полна энтузиазма, но им не хватало организации. Мойсес Руис, анархист со стажем, быстро понял, что некоторые тактические приёмы не будут встречены жителями этой местности с одобрением, так как те привыкли к подслащённой практике социалистов. Он задумал противостоять социалистической партии на идеологической почве, и для этого прибёг к помощи своего доброго друга Буэнакаса и вызвал его из Барселоны в Сан-Себастьян. У того было врождённое чувство организации и систематизации, известное всем товарищам. В скором времени, как и ожидал Руис, его влияние стало заметным как в обучении активистов, так и в основании первого профсоюза рабочих-строителей. В качестве пропагандиста он выступал на конференциях и не раз вызывал социалистов на открытый спор. Члены соцпартии сразу же заметили «опасность», угрожающую Сан-Себастьяну. В свою очередь, они призвали на помощь своих активистов из других областей, и таким образом в Стране Басков между социалистами и анархистами разгорелась упорная борьба. Баскская буржуазия воспользовалась возможностью этого конфликта, чтобы подорвать единство рабочего класса, и поддерживала парламентский социализм; она разделяла, чтобы властвовать.

“ «Однажды, — пишет Буэнакаса, — к нам в профсоюз пришёл парень — высокий, сильный, с весёлыми глазами. Он поздоровался с нами так доверительно, будто знал нас очень давно. Без долгих вступлений он сообщил нам, показывая членский билет НКТ, что только что приехал в столицу и что ему нужно было устроиться на работу. Как всегда в таких случаях, мы помогли и нашли ему место в механической мастерской в Рентерии. С тех пор и достаточно регулярно после работы он обычно

заходил к нам. Усаживался в уголке, брал со стола из кучи газеты и читал. Он почти не участвовал в дискуссиях и уже поздно вечером уходил в небольшую гостиницу, где мы ему нашли место»

Выражение его лица поразило Буэнакасу. Немного поразмыслив, он наконец вспомнил об их знакомстве. Это был тот неприятный парень, с которым он встретился в Хихоне три года назад. «И вот тогда мне захотелось познакомиться с ним поближе и подружиться». Из наших первых бесед единственное, что я мог узнать, — это то, что несколько лет он прожил во Франции. Но он мне не сказал о причинах и тоже не упомянул о нашей встрече в Хихоне. Я был уверен, что он узнал меня, и мне стало любопытно узнать, почему он не вспоминал об этом эпизоде. Может, потому, что у нас обоих ещё оставалось неприятное ощущение от нашего знакомства? Как бы там ни было, но ни один из нас не упомянул о встрече в Хихоне». Буэнакаса, всегда считавшийся «знатоком людей», продолжает: «Ему нравилось беседовать, но не вести дискуссии. При разговорах он избегал длинных рассуждений и конкретно обсуждал саму тему. Не был ни упрямым, ни фанатичным, а открытым, всегда соглашался со своими ошибками. У него было редкое качество — слушать, принимая во внимание доводы собеседника и соглашаясь с ними там, где он считал нужным. Его работа в профсоюзе была бесшумной, но интересной. Вместе с другими рабочими-металлургами из нашего Профсоюза общих профессий, которые тоже являлись членами Союза металлургов от ВСТ, Дуррути организовал внутри этой организации оппозиционную группу. На собраниях Союза металлургов его голос слышался всё чаще, и не раз руководители-социалисты чувствовали беспокойство, когда он просил слова. Его выступления, происходившие после митингов, были короткими, но действенными. Он выражал идеи просто и, когда называл вещи своими именами, делал это с такой силой и решимостью, что не оставалось места для возражений».

“ «Его кандидатура была выдвинута на ответственные посты в Союзе металлургов, но он никогда не захотел занять их. Его ответ товарищам был таков: меньше всего его интересовали звания. А то, что на самом деле являлось важным, — контроль с низов, с тем чтобы сидящие наверху не забывали о выполнении своих обязательств и не превращались в бюрократов».

“ «Прошло два месяца, наша искренняя дружба всё крепла, и он уже рассказывал о себе. Я со своей стороны, стараясь делать это незаметно, пытался подвести к нему самых лучших активистов из Сан-Себастьяна, которые вскоре завязали добрые отношения с молчаливым леонцем»⁸⁶.

Этими активистами, о которых упоминает Буэнакаса, были: Грегорио Субервьела, бригадир в шахтах; Марселино дель Кампо, каменщик и сын школьного учителя; Руис, сын начальника станции; и Альбадетреку, выходец из буржуазной семьи в Бильбао, порвавший с родственниками из-за идей анархизма. Кроме взаимной симпатии, объединившей их, они основали группу «Справедливые», которая действовала одновременно в Сарагосе и Сан-Себастьяне.

Когда образовалась эта группа, волнения шахтёров и рабочихметаллургов на севере были очень сильными. Росла настоящая эпидемия забастовок, простые работники выходили из подчинения руководства. Правительство Мадрида, которое перед лицом растущей нестабильности назначало военных и местных правителей правителями провинции, поставило на временный пост губернатора Вискайи подполковника Хосе Регералю, ничем не отличавшегося от генерала Мартинеса Анидо, или от подполковника Гражданской гвардии Арлеги. Его первым действием было заявление перед журналистами о намерении «заткнуть синдикализм за пояс». Сразу же за этим и с целью подтверждения своего намерения посредством устрашения он лично избивал заключённых и проводил многочисленные административные аресты⁸⁷.

В Барселоне положение было ещё труднее. Систематические репрессии постепенно достигали своей цели, придавая профсоюзным протестам характер социальной войны. За лидерами рабочего движения буквально охотились банды наёмных «пистолерос», проплаченных буржуазией. Полиция постоянно применяла так называемый закон «расстрела при попытке к бегству». Наиболее подготовленные пролетарские активисты Каталонии находились в застенках. Лишь молодые активисты могли выстоять в этом ожесточённом бою, так как их лица пока не были известны ни полиции, ни «пистолерос».

Национальный комитет НКТ, находившийся в подполье, не мог разрешить создавшуюся проблему и обратился ко всем испанским активистам с призывом предоставить средства и способы сопротивления атакам буржуазии и полиции в Барселоне. Но всё было напрасным. За линчеванием в общественных местах следовало беспощадное и непрерывное преследование со стороны властей. «Цвет наших активистов, — пишет Буэнакаса, — оказывался перед однозначной угрозой: убивать самим, бежать или попасть в тюрьму. Наиболее рьяные защищали свою жизнь и убивали; стоики и храбрецы умирают, получая выстрел в спину; трусы и осторожные бегут или прячутся; а беспечные погибают в тюрьмах»⁸⁸. Такое наступление правительства и предпринимателей являлось одной из самых крайних и отчаянных мер, которые применяли правящие классы против подъёма синдикализма в Барселоне и роста политической зрелости пролетариата. Итак, буржуазия, в конце 1919 года бросившая на улицу 200 тыс. безработных и вынужденная отступить, теперь прибегала к этой вопиющей агрессии.

«Справедливых» не могли не затронуть призывы, поступавшие из Барселоны, — они решили, что «наиболее действенным способом оказания помощи товарищам будет превращение всей Испании в огромную Барселону»; но для этого «необходимо действовать согласно стратегическому плану, который нельзя пока осуществить». Тем не менее они часто намеревались «отправиться в Барселону, чтобы занять пустующие в результате борьбы посты»⁸⁹. Не один раз Буэнакаса должен был вмешаться, применяя свой моральный авторитет, чтобы сдержать юношеские порывы, рекомендуя парням остаться в Сан-Себастьяне, где социальная борьба имела такое же важное значение, как и в Барселоне, хотя и не казалась столь захватывающей»⁹⁰. Событие, произошедшее в Валенсии 4 августа 1920 года, сильно повлияло на «Справедливых». Речь шла о покушении, совершённом группой анархистов против бывшего губернатора Барселоны Хосе Маестре де Лаборде, графа де Сальватьерра. Во время его правления в правительстве каталонской столицы он позволил применение «расстрела при попытке к бегству» по отношению к 33

синдикалистам. В ответ на эту репрессию анархисты из Валенсии решили ликвидировать его. Само правительство было глубоко потрясено этим фактом. Делая попытки сдержать злоупотребления своих чиновников на местах, оно не могло скрыть того факта, что его власть и резолюции действовали лишь в пределах министерства внутренних дел, в то время как в Барселоне жестокость властей росла с каждым днём.

Для группы «Справедливых» это покушение было образцовым. Вскоре они приступили к организации другой акции — против губернатора Бильбао Регераля, чьи репрессии были чрезмерно жестокими. Активисты были заняты подготовкой акта, когда узнали о присутствии Альфонсо XIII на открытии казино Эль Гран Курзал. План «Регераль» был отменён. «Мы решили, что покушение на Альфонсо XIII принесёт бóльшую пользу делу пролетариев»⁹¹. А наиболее удобным способом привести план в действие, казалось, была установка мины в зале, где планировалось провести приём гостей. Под руководством Субервьелы и с территории ближайшего дома начались подземные работы. Дуррути поручили приобретение взрывных материалов и их хранение⁹².

Работы были тяжёлыми и изнурительными; когда дошли до фундамента здания, продвигаться дальше стало трудно. Место, откуда начинался туннель, было замаскировано под склад угля. Тем не менее полиция заподозрила неладное из-за большого количества мешков с землёй, извлекаемых оттуда. Проверка обнаружила заговор. Группа, занятая на рытье туннеля, после перестрелки была вынуждена скрыться. Дуррути в то время находился в Хихоне, и по возвращении его ждал неприятный сюрприз: после раскрытия плана он, Субервьела и Марселино дель Кампо обвинялись как заговорщики. «При таких обстоятельствах, — сказал им Буэнакаса, — вам нельзя оставаться в Сан-Себастьяне. Я всё устроил для вашего отъезда в Барселону»⁹³.

Отъезд из Сан-Себастьяна был нелёгким. Вся полиция искала «трёх опасных анархистов, разоблачённых местной прессой»⁹⁴. Железнодорожные рабочие, хорошие знакомые Буэнакасы, помогли преследуемым скрыться в грузовом составе, державшем путь на Сарагосу; таким образом товарищам удалось обмануть охрану⁹⁵.

Глава V. Терроризм правительства

Марселино и Грегорио были известны в Сарагосе, но Буэнавентура впервые ступал на арагонские земли. Они прибыли на место рано и поэтому решили идти не к Иносенсьо Пина — одному из группы «Справедливые» в Сарагосе, — а в здание, где размещались профсоюзы, на улице Агустин. Поднявшись на второй этаж и шагнув за порог, Буэнавентура увидел абсолютно другой мир — совсем не такой, который он привык видеть. Помещение профсоюза в Сан-Себастьяне было очень маленьким, в то время как Центр социальных исследований в Хихоне, руководимый Кинтанильей, был практически неизвестен Дуррути⁹⁶. Впервые Буэнавентура находился в просторном помещении, приспособленном для профсоюзных мероприятий. В Центре социальных исследований Сарагосы имели место все виды деятельности, включая интеллектуальную. В комнатах висели различные таблички с указаниями: «Продовольствие», «Металлургия», «Электричество», «Освещение и газ», «Официанты» и т.д. Очень полная библиотека и совсем близко — помещение газеты *El Comunista* — орган Центра социальных исследований, представитель рабочих профсоюзов региона и защитник международного пролетариата. Рядом с *El Comunista* располагалось помещение *Cultura y Acción*, — органа профсоюзов НКТ в регионе.

Когда трое парней прибыли на место, в Центре находились только его президент Сантолария, директор газеты Зенон Канудо и консьерж⁹⁷. Грегорио, который был знаком с присутствующими, представил Марселино и Буэнавентуру (как сказал, товарища из Астурии). Канудо и Сантолария заговорили об Аскасо (молодом активисте, в ту пору незнакомом Дуррути): с декабря 1920 года он находился в тюрьме *Predicadores* («Предикадорес»), ожидая неизбежного смертного приговора; его обвиняли в убийстве главного редактора газеты *El Heraldo de Aragón*⁹⁸. В ходе беседы, прибывших наконец проинформировали о положении вещей в Сарагосе⁹⁹. Когда разговор уже подходил к концу, вошёл Хосе Чуэка, редактор *El Comunista*, который, нервничая, поведал о необычайном факте: в Сан-Себастьяне раскрыли заговор против Альфонсо XIII; все говорили, что предположительно виновниками были три парня-анархисты; когда Чуэка назвал их имена, (присутствовавших, с которыми он не был знаком), все рассмеялись. Такая реакция разозлила редактора: — он даже и не думал о совпадении. Сантолария, перед уходом, посоветовал троим друзьям «лучше избегать повторных визитов в Центр, который наверняка находится, или вскоре будет находиться под наблюдением полиции».

К вечеру, Буэнавентура и его друзья встретились с Иносенсьо Пиной. В его доме за пределами города побеседовали с Торресом Эскартином¹⁰⁰. Им подробно рассказали о положении некоторых активистов. В тюрьме были: Мануэль Санчо, Клементе Мангадо и Альбадетреку, обвиняемые в покушении на жизнь Иларио Бернала, директора компании *Química S.A.*, фактически — руководителя буржуазии в Сарагосе¹⁰¹; и также находился в

заклучении Франсиско Аскасо, под угрозой смертного приговора. Все четверо входили в группу, создавшуюся после объединения “Voluntad” («Воля») и “Los Justicieros” («Справедливые»).

“ «Чтобы избежать смертных приговоров или тюремных заключений, необходимо, — говорил Пина, — оказать сопротивление буржуазии и властям, мобилизуя общественное мнение, в частности, рабочих. Для проведения всей этой работы, группа располагает только двумя активистами (Пина и Эскартин); два человека — недостаточно для такой задачи. Вам теперь решать, — сказал он в заключении, — что лучше в этой ситуации: продолжить ваш путь или остаться в Сарагосе»».

“ «На самом деле — пишет Мангадо, комментируя это событие, — Буэнавентура и его друзья уже приняли решение, так как оставлять друзей не в наших правилах. С этого момента, «парень из Астурии», как называли Дуррути первое время в Сарагосе, и его друзья вошли в состав передовой борьбы в этом городе»¹⁰².

Буржуазия, посредством замаскированных увольнений на предприятиях, мстила за те уступки, на которые была вынуждена пойти после забастовок секции «Освещение и Газ», а также «Официанты» и «Трамваи», в прошлом году¹⁰³. Приводя в качестве аргумента экономический кризис, работодатели сокращали число штатов и проводили систематические преследования при поддержке графа Коэльо и Португаль, губернатора провинции, и также кардинала Сольдевилли. При таких обстоятельствах, трём беженцам было очень трудно найти работу; хотя Буэнавентура, благодаря мастерству в своей профессии, быстро устроился в механические мастерские Escoriaza, то Пине пришлось поддержать двух других, нанимая их в свой скромный ларёк по продаже овощей и фруктов.

В те времена Сарагоса, несмотря ни на что, переживала социальную передышку, во время которой рабочие и буржуазия реорганизовывали свои ряды. Силы пролетариата, несмотря на репрессии, пережитые за весь 1920 год, были мощными. Профсоюзы действовали в нормальном режиме и даже увеличили число своих членов. Рабочая пресса, хотя и терпела преследования и ножницы цензуры, но всё же выходила в свет. Жизнь, казалось, текла размеренно, за исключением растущей забастовки. Это кажущееся и поверхностное спокойствие Сарагосы резко отличалось от открытой борьбы в Барселоне, где Мартинес Анидо, гражданский губернатор каталонской провинции, руководил широкой операцией систематических убийств. Профсоюзы работали в подполье, активисты были брошены в тюрьмы (среди них, Анхель Пестанья, только что вернувшийся из поездки в СССР), и т.д. Молодёжь, организованная в анархистских группах, руководила подпольными профсоюзами и организациями НКТ и боролась с полицией. «Чистки» вынудили провести преждевременное продвижение некоторых активистов, ещё не имевших должного опыта. Когда, в марте 1921 года, Национальный комитет был арестован, возникла необходимость срочно создать новый руководящий орган, члены которого были либо ненадёжными, либо недавно вступившими в НКТ, как, например, Андреу Нин, состоявший в рядах НКТ всего лишь два года. У Эухенио Боалю, Генерального секретаря НКТ, во время его ареста,

находился отчёт Анхеля Пестаньи, переданный из тюремных застенков, в котором он докладывал о его действиях и впечатлениях на III Съезде Коминтерна, прошедшем в Москве, в августе 1920 года. Пестанья указывал в документе, что «по различным причинам, и особенно в силу так называемых 21 условия¹⁰⁴, НКТ было необходимо провести пересмотр своего вступления в III Интернационал; такое решение было принято под наплывом энтузиазма в 1919 году». Боаль не успел передать отчёт профсоюзам. Таким образом, документ был в руках у нового руководства во главе с Нином; его передачу членам организации задержали, дословно трактуя Устав Конфедерации. Они сочли правильным, что профсоюзам не надлежало изменять решения съезда и что, до проведения очередного съезда, соглашения 1919 года оставались в силе. Новая команда и её пробольшевицкие трактовки, интриги, связанные с этим вопросом, и трудности момента, причинённые репрессиями, тормозили продвижение НКТ вперёд.

В то время, в Сарагосе всё внимание было сосредоточено на необходимости наладить работу Федерации анархистов на Иберийском полуострове. Для этой цели на конференцию съехались местные анархистские группы («Свободный путь», «Коммунист», «Справедливые», «Воля» и «Импульс»). На этом собрании было решено направить делегацию в южную, центральную и восточную области страны, с тем, чтобы сравнить имеющиеся мнения и разработать проект. Буэнавентура Дуррути, ответственный за эту работу, в феврале 1921 года выехал из Сарагосы в сопровождении Хульяны Лопес, также делегированной для этой цели, в Андалузию. Впервые наш герой брался за такую ответственную работу. В Андалузии ему удалось убедить активистов создать пробные солидарные договоры среди различных группировок в каждой местности; комитет анархистских отношений должен был координировать все действия в регионе¹⁰⁵. Из Андалузии Дуррути выехал в Мадрид. В этом городе его ждали коекакие неожиданности. За день до его приезда, 8 марта, неизвестные в мотоцикле с коляской, на Paseo de Independencia открыли огонь по автомобилю Эдуардо Дато, который тут же скончался. Повсюду говорили, что виновники не смогли бежать из Мадрида, — и полиция ввела в столице военное положение с оцеплением целых кварталов¹⁰⁶. В создавшейся ситуации представлялось рискованным устанавливать контакты с мадридскими анархистами, поэтому Буэнавентура и Хульяна немедленно покинули сцену. Прибыв в Барселону, они узнали о том, что правительство глубоко шокировано смертью Дато и что оно направило своего эмиссара к Мартинесу Анидо с приказом прекратить преследование синдикалистов¹⁰⁷. Первая беседа Буэнавентуры с Доминго Аскасо прошла в таверне, где тот имел обыкновение обедать; разговор шёл о покушении и его последствиях, а также об Анидо и преследованиях. Оба пришли к выводу, что губернатор Барселоны был человеком, не боявшимся правительства страны. Беседа продолжилась в одном из домов рабочего квартала Пуэбло Нуэво. Дуррути информировали о закрытии всех профсоюзных организаций и тюремном заключении самых выдающихся членов (Сеги, Пестанья, Боаль, Пейро и др.), как и десятков других, менее известных активистов. «Пистолерос» действовали заодно с полицией и носили с собой для опознавания голубой членский билет. Они располагались у дверей фабрик, для устрашения или захвата профсоюзных делегатов, согласно желанию предпринимателей. К тому же, «пистолерос» помогали осведомители. Некоторые из шпионов когда-то входили в ряды Конфедерации, но пошли на уступку перед выбором, исходившим от полицейских: предавать или умереть. «Перед лицом этой внутренней и внешней опасности, анархисты сомкнули свои ряды, отстраняя сомневающихся и посвящая себя таким ярким акциям, как

покушение на Дато, настоящего зачинщика тактики Мартинеса Анидо. За этой акцией последовали другие¹⁰⁸. Аскасо указал, что предложение Дуррути в тот момент было неисполнимым, так как они не могли отклониться от намеченной цели. И добавил:

“ «Передай всё это товарищам из Сарагосы, и предупреди их тоже, что некоторые наиболее известные “пистолерос” обычно скрываются в Сарагосе, наверняка с намерением расширения своих акций на территории этого города»¹⁰⁹.

Вернувшись в Сарагосу, Буэнавентура подвёл итог своей поездки. Кое-где подозрительность усложняло дело. Но в основном, большая часть организаций выразила согласие установить длительные договоренности, что означало сделать первый шаг к созданию Федерации анархистов на Иберийском полуострове. Тотчас же группы из Сарагосы принялись за дело: группе “Via Libre” («Свободный путь») было поручено организовать Национальную конференцию, и пока шёл процесс созыва, его печатное издание должно было действовать как трибуна для обсуждения проблемы анархистской организации. «Справедливые», которым Буэнавентура объяснил необходимость иметь в наличии пистолеты, взялись за эту задачу. Некоторые из них выехали в Бильбао, чтобы достать там оружие.

Буэнавентура и Грегорио, хорошо знавшие баскских активистов, попросили помощи для исполнения этого непростого задания у Сабараина, который всегда занимался вопросами такого склада. Тот поначалу пессимистически отнёсся к миссии и сказал: «С той поры как Регераль правит в Бильбао, можно с уверенностью сказать, что НКТ не вышла из подполья». И добавил: «Профсоюзные фонды сведены на нет, все деньги идут на помощь родственникам арестованных или на судебные процессы. Даже и не думайте о такого рода поддержке»¹¹⁰. Однако, чтобы достать деньги или оружие, кое-что было предпринято товарищами из организации. Итоги были плачевными: достали совсем мало денег и несколько короткоствольных пистолетов, и всё это благодаря самоотверженной солидарности некоторых товарищей из Бильбао, отдавших свои пистолеты «в моменты, когда любое оружие было лучшим свидетельством о личности». Грегорио воспрянув духом и, решив, что «отчаянные времена требуют отчаянных мер», предложил организовать нападение на банки, так как само государство отбирало деньги у рабочих. Торрес Эскартин и Буэнавентура, как всегда, согласились, но с беспокойством заявили о своём недостаточном опыте в таких операциях. Если у них и были столкновения с полицией и «пистолерос» и они также совершали покушения с применением динамита, то никогда не пользовались пистолетом для нападения на банк. Тем не менее, взяв на себя ответственность, Грегорио и Буэнавентура разработали план атаки на Banco de Bilbao. Буэнавентура убедил своего товарища, что им будет трудно провести операцию из-за недостаточного количества средств. Сабараин вывел их из тупика и объяснил, что это не просто кража, а реальный проект. Он заключался в том, чтобы ограбить кассира одного из металлургических центров Эйбара, который, повидимому, перевозил значительную сумму денег. От банка до завода, этот кассир ехал один, только с водителем. Нападение должно было совершиться на открытом шоссе Бильбао — Эйбар. В назначенный день заговорщики инсценировали аварию на дороге. Связали шофёра и водителя в их же машине, а сами

скрылись с крупной добычей.

На следующий день, местная пресса информировала о ловкой краже 300 тысяч песет. Полиция, со своей стороны, подозревала в совершённом преступлении банду каталанских воров. «Справедливые» спрятались в одном из домов квартала «семи улиц». А в то же самое время Сабараин проводил закупку ста пистолетов типа «Стар» (эта модель в те времена называлась «синдикалистским пистолетом»). Остаток денег разделили на две части: одна — для нужд в Бильбао, а другую Хульяна увезла в Сарагосу. Спустя несколько дней, трое друзей выехали в Логроньо¹¹¹.

Глава VI. Сарагоса, 1922

ГОД

В июне 1921, года Сарагоса жила в размеренном ритме. Дуррути работал в мастерской по изготовлению ключей. «Пистолерос» пока ещё не начали действовать. Профсоюзы работали в нормальном режиме, хотя, что касалось закона, без должной стабильности. Только заключённые в тюрьме Предикадорес, томившиеся в ожидании суда, нарушали этот спокойный сценарий. Из застенков доходили кое-какие новости: в результате плохого отношения и влажности в камере, заболел Франсиско Аскасо. Его товарищи написали просьбу в Комитет защиты заключённых усилить пропаганду в поддержку Аскасо¹¹². Когда Буэнавентура слышал разговоры об Аскасо, то восхищался им, как личностью, поскольку Пина и другие товарищи всегда почтительно отзывались о нём. Не один раз Буэнавентура порывался навестить его в тюрьме, но его друзья неизменно выражали несогласие с таким безрассудным поступком.

Дуррути поселился в доме Пины и вёл «отшельнический» образ жизни. Этот период подполья помог полиции забыть об имени Дуррути. Кроме того, Апарисио — начальник полиции Сарагосы, — был известен своими жёсткими мерами против НКТ. Он пытался покончить с этой организацией, пользуясь судебным процессом над Викторьяно Грасией, после взрыва бомбы в кафе Роялти во время забастовки официантов¹¹³. Изоляция пошла на пользу Дуррути: он пополнял свои не очень обширные знания в библиотеке Пины, читал Бакунина и Кропоткина. Позднее, сам Дуррути признается, что «оба мировоззрения помогли ему привести в равновесие его собственные идеи, видя в Кропоткине практическое дополнение Бакунина»¹¹⁴. «Напористый и радикальный Бакунин находил в Кропоткине основы для претворения в жизнь либертарного общества». Испанцы к тому времени уже создали теоретический синтез двух авторов, который включал традиции коллективизма и федерации, присущие этой стране, — таким образом проявлялись особенности иберийского анархизма¹¹⁵.

Признание Дуррути, приведённое выше, было сделано намного позже; именно поэтому, опираясь на данные об его активизме тотчас же после выхода из подполья, мы более склоняемся к тому, что, вопреки его словам, решающее влияние на него в те времена произвёл Бакунин.

Кроме чтения книг, также оказали своё воздействие постоянные дискуссии с Пиной, который придерживался иных взглядов в идеях анархизма. В те времена, Испания переживала новый политический кризис. В сущности, он являлся продолжением старого, неразрешённого конфликта в стране. Критикуемая военная кампания в Марокко провалилась. Войска генерала Сильвестре потерпели поражение от армии Абд-эль-Крима; в битве при Анвале погибло четырнадцать тысяч испанских солдат. Когда 11 августа

поражение стало неотвратимо, народ взорвался в бурном негодовании, требуя не только полного окончания военных действий, но и самого строгого наказания для зачинщиков кровавой бойни и всех политиков, способствовавших африканским военным кампаниям. Народное волнение приняло размеры настоящего восстания, и во всех крупных промышленных городах прошли сильные забастовки. Гражданская гвардия не была способна подавить протест ружьями марки «Маузер», и глава правительства, Альенде Саласар, гонимый нескрываемым страхом, прибыл в Королевский дворец с просьбой об отставке. Альфонсо XIII, известный своим презрением к «черни», занимался чемоданами для отъезда в его летнюю резиденцию, — дворец Deuville, — когда срочно вызвали Мауру. Ему поручили формирование «сильного правительства», с целью заглушить голоса, требующие наказания виновников. Маура должен был действовать вместе с министром обороны, который был бы способен победить на социальном фронте, то есть, не в Марокко и не в войне с арабами, а в самой Испании, и в битве с испанскими трудящимися¹¹⁶.

Маура, опытный и ловкий политик, понял, что Альфонс XIII поручил ему «взять Испанию в ежовые рукавицы»¹¹⁷. Он составил новое правительство и назначил на пост Министра внутренних дел губернатора Сарагосы — графа Коэльо и Португаль. Была намечена политическая программа: репрессии по отношению к рабочему классу и привлечение буржуазии, особенно каталонской, которая посредством дерзкого терроризма, показывала своё явное презрение к центральной власти Мадрида. Мауре удалось «умиротворить» народ: он увеличил расправы в общественных местах, погнал по всей Испании группы заключённых — «цепочки узников»¹¹⁸, закованных в кандалы, заполнил тюрьмы рабочими. Меры для привлечения каталонской буржуазии полностью провалились; она требовала возглавить Министерство финансов, и, не получив его, не поддержала правительство Мауры. В марте 1922 года, в результате нового кризиса, он покинул пост.

Альфонсо XIII задумал следовать примеру Муссолини и решил, что выходом из положения может быть генерал фашистского склада, который бы смог бы контролировать нацию и позволил бы ему «править» в спокойной обстановке. Когда на пост министра назначили Санчеса Герру, то его чётко проинструктировали в этом смысле. Однако, Герра, чувствуя, что его время на посту не будет долгим, напротив, организовал правительство социального перемирия и 22 апреля 1922 года восстановил конституционные гарантии в стране.

К тому времени, Сарагоса и арагонский филиал НКТ уже испытывали на себе трагедию пистолеризма, импортированного из Барселоны графом Коэльо и архиепископом Сольдевиллой¹¹⁹.

Когда местные власти Сарагосы прослышали о том, что после политического поражения Мауры, Санчес Герра может занять его место, то решительно перешли в наступление. Заработала машина правосудия, с тем чтобы быстро закрыть как можно больше судебных дел, пылящихся в архивах. Было объявлено о судах над обвиняемыми (но не осуждёнными) в деле о покушении на Берналя и происшествии с журналистом Гутьерресом; приговоры этих процессов обещали быть серьёзными. «Справедливые» быстро заняли боевые позиции, пользуясь также поддержкой адвокатов — защитников интересов рабочего класса, прибывших из Мадрида и Барселоны. Эдуардо Барриоберо, главный защитник, изложил свою точку зрения перед Комитетом защиты заключённых: «При правительстве,

возглавляемом Санчесом Геррой, произойдут изменения в политике, и, когда будут восстановлены конституционные гарантии, НКТ и другие оппозиционные организации, смогут выйти из подполья. Но если этот судебный процесс разрешится до того момента, как это произойдёт, и обвиняемым будет вынесен приговор, то, несмотря на политику ««перемирия»», это дело не будет пересмотрено, и они будут осуждены на многолетнее заключение. Чтобы успешно выйти из ситуации, и добиться освобождения узников, самой лучшей защитой будет поддержка народа, который потребует освобождения невинных на демонстрациях. Только народное давление может изменить положение в нашу пользу»¹²⁰. Делегат от анархистских групп пояснил Комитету защиты заключённых, что более действенным орудием будут всеобщая забастовка и бурные протесты на улицах. Делегат от НКТ выдвинул аргумент, что «ввиду закрытия профсоюзов, призыв ко всеобщей забастовке не будет поддержан рабочими»¹²¹. Анархистские группы договорились о следующем: в случае непризнания НКТ ответственности за призыв к забастовке, они возьмут на себя инициативу и последствия такого действия. Для этой цели была избрана делегация, в составе которой был и Буэнавентура. Местный комитет НКТ созвал представителей профсоюзов, чтобы на всеобщем собрании проанализировать действия, которые должны быть проведены в Сарагосе. Они стояли перед решающим выбором: если рабочий класс поддержит призыв к забастовке, победа будет полной — как для НКТ, так и для заключённых; но, если забастовка не будет единодушной, НКТ окажется в невыгодном положении и даст повод властям для ужесточения и без того сильных репрессий. Буэнавентура Дуррути, присутствовавший на этом собрании, предложил, что призыв к забастовке должен быть сформулирован анархистскими группами. Если забастовка потерпит поражение, НКТ обвинит эти группы в авантюризме, но, если акция удастся, тогда заслуга будет приписана Конфедерации, которая покажет свои сильные стороны и послужит ориентиром для масс. Предложение было принято, и либертарные группы вместе с НКТ разработали совместный план действий.

Оставалось мало времени для начала действий. Поначалу был парализован городской транспорт, так как на 20-е число было назначено слушание дела о покушении на Берналя. 19 апреля распространили листовки с информацией о самом процессе и о его глубинных причинах, а также о необходимости всеобщей забастовки. Уточнили места сбора: ворота тюрьмы и Аудиенции. В шесть утра вышли первые трамваи с эскортом полиции. Мангадо рассказывает, что частые залпы помешали операции: «Заключённые проснулись от шума оглушающих взрывов. Это продолжилось в течение двух часов, до выхода узников к Аудиенции. Когда те вышли на улицу, огромная толпа встретила их криками: «Да здравствуют честные узники!» и «Да здравствует НКТ!». Дух рабочих не был сломлен холостыми выстрелами полиции. Толпы людей двинулись вместе с осуждёнными к зданию Аудиенции, которое было переполнено людьми. Едва судья объявил о начале слушания, присутствовавшие в зале встали, громко приветствуя заключённых. С улицы доносились те же приветствия и грохот выстрелов. Сразу же стало ясно- (особенно адвокатам-защитникам), что суд был заинтересован в скорейшем завершении процедуры, быть может, под давлением губернатора; скорая победа стала очевидной. В своей речи адвоката-защитника Эдуардо Барриоберо был краток: «Свидетельства невинности моих подзащитных? Не я их предъявляю перед судом. Когда на городской площади протестует весь народ, невинность уже доказана»¹²². Присутствующие на суде подхватили эти слова. Спустя несколько секунд, Берналь, жертва покушения, показал, что не опознаёт виновников

преступления среди осуждаемых. Через час судьи выносили оправдательный приговор заключённым. Когда те вышли из здания суда по направлению к тюрьме, полиция не смогла сдержать напор толпы. Отовсюду слышались возгласы ликования». 22 апреля 1922 года Санчес Герра восстанавливал конституционные гарантии. Тотчас же, не ожидая никаких официальных процедур, народ Сарагосы, открыл двери закрытых профсоюзных организаций. Это возвращение конституционных свобод было отпраздновано, особенно в Барселоне, всеми кругами общества: профсоюзы возобновили деятельность, заключённые по административным обвинениям вышли на свободу, люди вновь могли открыто выражать свои мнения, а и печатные издания вновь стали издаваться.

В этом каталонском городе профсоюзные делегации созывали всеобщие собрания; для этих целей снимались здания кино и театров и кинотеатров. На одно из таких заседаний, наиболее важных, был созван в театре «Виктория» Профсоюз деревообрабатывающей промышленности. Когда зал наполнился, зачитали список: 107 человек, — членов НКТ, — погибших от рук «пистолерос». Либерто Кальехас (Марко Флоро) произнёс имена Эвелино Боалья, Антонио Фелиу, Рамона Арчса и других. Валентин Рой, присутствовавший при этом, рассказывает: «На собрании во всеуслышание был объявлен состав нового Совета профсоюзов; это были должности, сопряжённые с опасностью, так как наёмники Анидо всё ещё охотились за активистами. Одним из кандидатов был Грегорио Ховер, как делегат от местной Федерации единых профсоюзов Барселоны»¹²³.

В остальных каталонских профсоюзах происходили те же события; собрания, как мы уже говорили, созывались повсеместно. На них выбирались ответственные на профсоюзные должности, устраняя таким образом недемократические упущения, совершённые во времена подпольной деятельности. За короткий срок НКТ восстановила прежних членов и даже пополнила свои ряды. Вскоре перед НКТ встала весьма сложная проблема: её отношения с III Интернационалом¹²⁴. Для того, чтобы покончить со всеобщей неразберихой, новоизбранный Национальный комитет и Хуан Пейро, новый секретарь, решили созвать Съезд. Перед этим была организована Национальная профсоюзная конференция, которая прошла 11 июня 1922 года. НКТ, уже работавшая в нормальном режиме по всей стране, с юридической точки зрения, продолжала действовать в подполье. Именно поэтому филиал НКТ Сарагосы прибег к уловке и подал заявку на получение разрешения «национального заседания рабочих, чтобы обсудить общественные темы страны». Викториано Грасия, от имени рабочих Арагона, открыл конференцию; затем, приветствуя рабочий класс Испании, слово взял Хуан Пейро. Вскоре делегат от правительства понял, о чём шла речь на самом деле, и попытался приостановить мероприятие. Грасия с трибуны ответил ему: «Рабочие не могут согласиться с самоуправством», и добавил: «С этого момента мы объявляем всеобщую забастовку». Перед лицом такой угрозы, представитель правительства был вынужден отступить. Собрание завершил гигантский митинг на арене для боя быков.

На конференции широко обсуждался вопрос о III Интернационале¹²⁵. Иларио Арландис подтвердил представительскую легитимность его делегации, назначенной на Пленуме в Лериде¹²⁶. Гастон Леваль и Пестанья зачитали объёмные доклады о своём пребывании в Москве¹²⁷. Заслушав эти три доклада, Конференция констатировала, что делегация в составе Нина, Маурина и Арландиса не оправдала доверия со стороны Национальной конфедерации труда при отягчающих обстоятельствах использования момента репрессий,

который помешал дать отпор их уловкам. Также были одобрены соглашения Конференции в Логроньо¹²⁸ и работа, проведённая Анхелем Пестаньей; в результате, Андреу Нин больше не считался представителем НКТ в Красном интернационале профсоюзов¹²⁹. Проанализировав известные «21 условие», Конференция объявила о неприемлемости участия НКТ в III Интернационале¹³⁰. Напротив, было предложено войти в состав Международной ассоциации трудящихся, недавно воссозданной в Берлине. Поскольку Конференция не располагала полномочиями в принятии решения по этим вопросам, она обратилась к профсоюзам, с тем чтобы они в процессе референдума выразили своё желание по главному пункту: войти или нет в состав III Интернационала¹³¹. Обсуждения были публично оглашены, как мы указали выше, на арене для боя быков в Сарагосе. Сальвадор Сеги, назначенный Генеральным секретарём, в динамичном выступлении заявил во всеуслышание о репрессиях со стороны правительства: «Я обвиняю государственную власть, зачинщицу и ответственную за терроризм в 1920–1922 годы». Викторiano Грасия, взяв после него слово, потребовал освобождения Франсиско Аскасо, жертвы интриг начальника полиции Педро Апарисио.

Испанская пресса отметила большое политическое значение Конференции. «Рабочая солидарность» из Барселоны напечатала передовицу с заголовком: «Мёртвые, убитые вами, находятся в добром здравии». Франсиско Аскасо благодаря давлению рабочих вскоре вышел на свободу. Сразу же на митинге юноша обратился к народу с разоблачениями полицейских интриг. Народ ещё раз обличил Апарисио и его банду соучастников. Буржуазия развязала новое наступление, объявляя бойкот самому Аскасо, что в народе называлось «голодным пактом». События развивались следующим образом: мать Франсиско должна была вернуться в свою родную деревню Альмудебар с младшей дочерью Марией. Двух братьев Аскасо — Алехандро и Доминго — не было в столице. Ему пришлось поселиться на время у двоюродных братьев. Тем не менее Франсиско давно строил планы насчёт встречи с братом Доминго в Барселоне. Он занимался подготовкой отъезда в Барселону, когда получил приглашение от Пины участвовать в собрании «Справедливых» для решения неотложных проблем группы. Там Франсиско познакомился с Торресом Эскартином и Буэнавентурой Дуррути. Они обсудили проблему первого разногласия в группе по вопросам тактики. Что касалось практики революционного авангарда, то Пина занимал большевистскую позицию; он формировался из анархистских групп, призванных поднять революционное восстание. Для этой передовой части Пина предлагал организацию «профессиональных революционеров». Дуррути как в вопросе об авангарде, так и о революционном профессионализме придерживался противоположного мнения. Для него истинным руководителем революции являлся пролетариат. Сильное влияние анархистских групп было достигнуто благодаря радикальному характеру их действий. Великие теоретики, согласно аргументам Дуррути, заимствовали свои идеи из жизни пролетариата, так как он сам и есть бунтарь — инстинктивно и по необходимости; положение эксплуатируемого класса несёт в себе необходимость борьбы для своего освобождения. Освободительная баталия должна опираться на организацию, в основе которой лежит солидарность. Социальная история нашей страны показывает, что до того, как основатели теории разработали решения или руководства для пролетариата, он уже нашёл для себя способ освобождения: посредством объединений групп в цехах и на фабриках и т.д. Для Буэнавентуры вмешательство «профессиональных революционеров»¹³² не могло привести не к чему иному, как к выхолащиванию самого процесса созревания пролетариата. Цель анархистов состояла в

понимании этого естественного процесса. Именно поэтому отделение от рабочего класса под предлогом более эффективной деятельности для его блага является предательством, прелюдией к бюрократизации, так сказать — новой формой эксплуатации¹³³. Аскасо привлекли идеи и сама личность Дуррути. Ранее он изложил своё мнение в статье «Партия и рабочий класс»¹³⁴, опубликованной в *La Voluntad*. Обе точки зрения совпадали и представляли каждая в своё время тормоз «большевизации», бюрократизма и всем тем фальсификациям, исходящим из миража так называемой русской революции. По окончании собрания, соблюдая меры безопасности, участники попарно покинули дом; Буэнавентура и Франсиско вышли на улицу вместе.

Так завязалась их крепкая и глубокая дружба. Впоследствии многочисленные события укрепят их тесные идейные отношения, возникшие с самого начала. Стереотипные различия лишь объединяют общее сходство. Аскасо — худой, нервного склада. Дуррути — атлетического сложения и хладнокровный. Франсиско с его подозрительным взглядом при знакомстве производил неприятное впечатление. Дуррути, несмотря на его кажущееся спокойствие, был по натуре оптимистом и проявляющим свои эмоции человеком. Именно поэтому с самого начала Дуррути полностью отдался дружеским отношениям; Аскасо проявил большую осторожность в ожидании более глубокого знакомства с обеих сторон. Однако, когда между друзьями установилась атмосфера полного доверия, из общения двух революционеров родились великие начинания.

Как-то раз пришло письмо брата Франсиско — Доминго, — где он описывал положение в Барселоне: «Спокойствие — мнимое. Воздух наполнен предвестием драм. Пистолеризм, оплачиваемый предпринимателями, нашёл новую нишу: жёлтый синдикализм, члены которого пользуются такими же привилегиями, что и “пистолерос” Браво Портильо»¹³⁵. И дальше в письме: «Если руководители НКТ и верят этому штилю, то анархистские группы, как я считаю, не обманывают себя, готовясь к новому нападению, которое будет объявлено против синдикализма с минуты на минуту». Затем Доминго отмечает: «Этот новый бой будет решающим, многие товарищи погибнут. Но борьба неизбежна...» и советует своему брату оставаться в Сарагосе до полной поправки, несмотря на трудное положение в этом городе¹³⁶. Аскасо и Дуррути манило в Барселону как магнитом. Они сообщили группе о принятом решении; их поступок был не чем иным, как идейным разрывом с остальными «Справедливыми». Торрес Эскартин, Грегорио Субервьела и Марселино дель Кампо решили присоединиться к ним. Под именем, объединившим их (*Crisol* — «Горнило»), пятеро друзей в середине августа 1922 года начали новую жизнь.

Глава VII. "Солидарные" - LOS SOLIDARIOS

Дуррути и его друзья прибыли в Барселону несколько дней спустя после покушения на известного анархиста Анхеля Пестанью, совершённого «пистолерос», нанятыми буржуазией. В те жаркие августовские дни 1922 года по вине этого события обстановка в городе была нездоровой¹³⁷. В Каталонии рабочие объявили всеобщую забастовку. Одна группа каталонской интеллигенции выступила с публичным осуждением властей в связи с такими недопустимыми нападками со стороны буржуазии. В парламенте (las Cortes) депутат от соцпартии Индалесио Прието обличил вышеназванные факты и потребовал от правительства отставки Мартинеса Анидо. Санчес Герра, глава правительства, под давлением парламента и народного возмущения был вынужден вмешаться. С тех пор «звезда Мартинеса Анидо начала бледнеть»¹³⁸, хотя пистолеризм и продолжал действовать через так называемые Свободные профсоюзы — организации, основанные и управляемые предпринимателями. Церковь, с целью насаждения католического синдикализма, защищала такого рода профсоюзы. Рамон Салес, которому поручили организовать эти новые формы рабочего объединения, в прошлом сам руководил «пистолерос». В связи с этим он учредил в этих профсоюзах свой особый образ действия: хозяева заставляли вступать рабочих в эти новые организации и начали увольнять членов НКТ. «Пистолерос» поддерживали такие меры, сея ужас и террор на улицах и у фабричных входов. Таким образом буржуазия надеялась подавить анархо-синдикализм. Мартинес Анидо продолжал преследование профсоюзов Конфедерации, несмотря на политику социальной передышки, провозглашённой центральной властью. Всё это вместе, несомненно, создавало режим каждодневной тотальной войны. Каталонская интеллигенция (или её значительная часть) под руководством Франческа Масиá выступала против такого положения вещей и вернулась к проекту автономии¹³⁹. Такая позиция оказывала помощь загнанной в тупик Национальной конфедерации труда, вынужденно находящейся в режиме выживания.

Наиболее активным центром НКТ являлся Профсоюз работников деревообрабатывающей отрасли, расположенный на улице СанПабло, где собирались самые радикальные активисты, синдикалисты или анархисты. Именно в этом профсоюзе, Буэнавентура и его друзья подружились с каталонскими активистами. Из этих дружеских отношений впоследствии родится знаменитая группа «Солидарные», основанная в октябре того самого года. Их проект содержал три направления: «Противостоять пистолеризму, сохранить профсоюзные структуры НКТ и образовать Федерацию анархистов, которая бы сплотила все группы в рамках этой идеологии, рассеянные по всему полуострову»¹⁴⁰. Для них проблема организации стояла на первом месте, поскольку считалась необходимым условием для победы революции. Даже борьба против буржуазии и терроризма отходила на второй план перед важностью этой цели. Был основан еженедельник под названием Crisol, в этом

журнале с самого начала сотрудничали Барт (французский мигрант), Фелипе Алаис, Либерто Кальехас, Торрес Трибо и Франсиско Аскасо (администратор издания).

Группа решила организовать покушение на инициаторов антирабочей политики — Мартинеса Анидо и Арлеги. Однако неожиданное событие заставило отложить подготовку этих акций. Оба военных задумали совершить самопокушение, с тем чтобы оправдать перед Мадридом свою политику репрессий. Но один каталонский журналист анонимно помешал этим планам властей; он позвонил председателю Совета министров и сообщил: «Мартинес Анидо подготовил покушение на самого себя, чтобы найти предлог для организации Варфоломеевской ночи против профсоюзных активистов». Санчес Герра, обеспокоенный развитием событий в Барселоне, ранним утром 24 октября связался по телефону с Мартинесом Анидо, чтобы довести до его сведения:

“«Согласно достоверным источникам в Мадриде, полковник Арлеги после всего произошедшего не может оставаться на своей должности — и приказал ему передать управление Главной полицейской префектурой полковнику Гражданской гвардии. Мартинес Анидо, ранее заявлявший, что “не намерен подчиняться приказам из Мадрида”, был вынужден подать в отставку, вручая правление провинцией Председателю Верховного суда»¹⁴¹.

Смена власти вынудила Санчеса Герру восстановить конституционные гарантии в Каталонии, что означало возвращение к нормальной политической и профсоюзной деятельности в этой области страны.

«Солидарные» воспользовались этой ситуацией и созвали анархистскую Конференцию каталонско-балеарского региона. Собралось очень много людей, что показало участие и интерес анархистских групп этой местности к организационному проекту, пропагандируемому «Солидарными» в Crisol. На этой конференции была образована Региональная комиссия анархистских отношений — зачаток будущей Федерации анархистов Иберии (ФАИ).

На этом собрании группы обсудили новую политическую ситуацию и пришли к заключению: в силу различных интересов текущего политического момента в стране и особенно в Каталонии это спокойствие не может длиться долгое время.

“«Репрессия в Каталонии — это не каприз Мартинеса Анидо, а естественный результат классового антагонизма. Мартинес — всего лишь инструмент буржуазии. Факт исчезновения этого персонажа с политической арены не означает отказа буржуазии от своих репрессивных методов. Хотя эти действия и изменили форму, она, согласно своей реакционной природе, будет продолжать применение тактики террора»¹⁴².

Собравшиеся активисты пришли к выводу, что правые нехотя согласились с политикой «социального перемирия», проводимой Санчесом Геррой. Армия пользуется поддержкой

латифундистов и духовенства и только и ждёт удобного момента, чтобы монополизировать государственную власть и насадить военную диктатуру. Монархия будет не в силах сопротивляться этой решительной и мощной тенденции, так как её участь неразрывно связана с вооружёнными силами, и те уже с 1917 года выразили своё намерение возглавить правительство Испании. Боевые организации перед лицом неизбежного военного переворота не нашли другого выхода, кроме ускорения революционного процесса. Они организовали агитационную кампанию в промышленных и сельских регионах. Комиссия анархистских отношений должна была координировать цели и действия на всём полуострове. За этим координационным мероприятием последовало другое: согласование работы органов анархистской пропаганды в Каталонии: Crisol («Горнило»), Fragua Social («Социальная наковальня») и Libertad («Свобода»). Конференция обсудила антимилитаристскую тактику, применявшуюся до сих пор; единственным результатом такой политики являлось значительное сокращение членов организации, так как отказ молодёжи от воинской службы приводил к вынужденной миграции. Было решено действовать более эффективным способом: молодые люди будут нести воинскую службу и одновременно вести революционную работу в казармах. Эти группы будут называться «Антивоенные комитеты» и должны координировать свои действия с анархистскими группами той же местности. С целью пропаганды новых идей среди солдат был создан информационный вестник под названием Hijos del Pueblo («Дети народа»).

В Комиссии анархистских отношений значились три члена от «Солидарных»: Франсиско Аскасо, Аурелио Фернандес и Буэнавентура Дуррути. Франсиско Аскасо, кроме этого, возглавил Генеральный секретариат Комиссии, Аурелио Фернандесу были поручены Антивоенные комитеты, а Буэнавентуре Дуррути доверили организацию военного арсенала и запаса взрывных устройств.

Он вместе с другим рабочим-металлургом — Эусебио Брау — наладил подпольную мастерскую (под видом плавильни) для производства ручных гранат. В других точках также были организованы военные склады, и за короткое время запас вооружения составил 6 тыс. ручных гранат. Аурелио Фернандес со своей стороны проводил работу по внедрению в ряды армии, с успехом агитируя ефрейторов, сержантов и даже офицеров принять идеи революции. В полках, расположенных за пределами области, начали действовать многочисленные комитеты.

Франсиско Аскасо наконец наладил связи с группами на других территориях, вошёл в контакт с различными автономными Региональными комитетами, начавшими свою работу с прошлого года, когда Дуррути побывал в тех местах.

Согласно результатам первоначальных действий, налицо были условия для операций большего масштаба. В этой атмосфере бурной деятельности и явных достижений произошло покушение на Сальвадора Сеги — одну из самых светлых голов испанского анархизма. Покончившие с ним наёмники получили за это убийство значительную сумму денег от Анхеля Грауперá, председателя Федерации работодателей. Среди бела дня на улице Ла Кадена на виду у местных жителей, напуганных вооружёнными пистолерос, хладнокровно были совершены нападения на Noi de Sucre (с каталанского: «Сахарный парень»), как называли в народе Сальвадора Сеги, и сопровождавшего его друга —

Падронаса. Даже буржуазия ужаснулась от содеянного после этого преступления, вызвавшего бурную волну протестов среди народа, поскольку жертва покушения пользовалась огромным авторитетом в кругах рабочих и интеллигенции Барселоны.

Тотчас же НКТ созвала заседание каталонских активистов. Было решено дать категоричный отпор ожесточению давних репрессий и покончить раз и навсегда с пистолеризмом и его главарями. Активисты пришли к соглашению, что необходимо срочно приступить к поиску экономических ресурсов, чтобы решить организационные вопросы¹⁴³, ввиду того, что профсоюзные кассы совсем опустели в результате конфискации средств со стороны властей.

Группа «Солидарные» решила взять на себя ответственность за ликвидацию ряда контрреволюционных персонажей: Мартинеса Анидо, полковника Арлеги, бывших министров Багальяля и графа де Коэльо, губернатора Бильбао Хосе Регералю, а также архиепископакардинала Сарагосы Сольдевилы и всех непосредственно ответственных за политику террора, развязанную в отношении анархистов.

С другой стороны, различные анархистские группы из Барселоны решили организовать нападение на Клуб охотников, где обычно собирались «пистолерос» и самые реакционные предприниматели. Совершённое нападение имело молниеносный психологический эффект: не ожидая такой дерзости от пятнадцати нападавших, которые, стреляя в упор, ворвались в здание, обыватели запросили у полиции охрану для своих домов, а многие «пистолерос» покинули Барселону. Замешательство было полным. Население, поддерживавшее синдикалистов, встречало стрельбой полицейские облавы. Началась беспощадная война. Дуррути и его друзьям пришлось пережить один из самых опасных и драматических эпизодов своей жизни. Один из свидетелей тогдашних событий несколько лет спустя сказал: «То время можно сравнить только с этапом борьбы русских революционеров с 1906 по 1913 год» и продолжил:

“ «Эти юноши, не обращая внимания на советы в осторожности от взрослых, превратились в настоящих справедливых мстителей на всей испанской земле; часто преследуемые репрессивными государственными структурами, они не располагали никакой моральной поддержкой, кроме своих убеждений и революционной веры»¹⁴⁴.

Глава VIII. Хосе Регераль и кардинал Сольдевила

Дуррути, который в своё время выразил неприятие идеям своего друга Пины, сторонника «профессиональных революционеров», в силу быстрой смены событий, так же, как и другие члены группы «Солидарные», превратился в одного из них. Эта новая форма жизни требовала от «Солидарных» радикальной перемены своей деятельности. Тем не менее необходимо отметить, что Дуррути и его товарищи никогда не были «оплачиваемыми революционерами», что их разительно отличает от бюрократов и «бессменных деятелей» социалистических, коммунистических и профсоюзных организаций. В этом смысле полезно будет привести слова Оливера Гарсии на эту тему, сказанные им по прошествии многих лет: «Вступив в 1919 году в ряды НКТ, я прошёл через все этапы борьбы за выживание: организовывал вместе с товарищами кружки, профсоюзы (местные и областные); я сражался днём и ночью, иногда с бóльшим или меньшим успехом; четырнадцать лет моей молодости прошли в местах заключения. Но я никогда не дал своё согласие занять оплачиваемую должность. Я хочу сказать, что профессиональное членство в организации не соответствовало моему мировоззрению, и, наверное, поэтому я никогда не был на посту секретаря местных комитетов в Барселоне, Региональных комитетов Каталонии и Национальных от всей Испании. И это произошло не потому, что мне казалось унижительным жить на скудную зарплату Организации, и не потому, что зарплата рабочего могла быть выше, а потому, что это подорвало бы мой дух независимости»¹⁴⁵.

Группе поначалу пришлось столкнуться с изнурительной проблемой нехватки денег. Все их средства были использованы на приобретение оружия и взрывчатки. Теперь обстоятельства требовали значительной суммы для покрытия новых расходов — не только для личного содержания, но и для новых проектов. Поскольку ресурсы были необходимы без промедления и не было ни средств, ни времени для нападения на какой-либо государственный банк, они прибегли к грабежу служащих Городского совета Барселоны, которые перевозили купюры.

Персонал сопровождался охраной полиции. Тем не менее с огромным риском на перекрёстке улиц Фернандо и Лас-Рамблас, в двух шагах от банка, было совершено нападение, обезоружены полицейские и похищены деньги. По оценкам прессы, речь шла о сумме в сто тысяч песет¹⁴⁶.

Дуррути сразу же выехал в Мадрид — на Конференцию анархистов, созванную группой «Свободный путь» (Via Libre) (1923). В столице он также должен был передать некоторую сумму для оплаты адвокатов, защищавших Педро Матеу и Луиса Николау; оба обвинялись в совершении покушения на Эдуардо Дато — председателя Совета Министров.

Пока Дуррути был в пути, события в Барселоне развивались с головокружительной быстротой. «Солидарные» узнали, где скрывался один из самых известных «пистолерос» по имени Лангия; он был правой рукой Салеса, руководителя Свободных профсоюзов. Предполагалось, что Лангия был непосредственным участником покушения на Сальвадора Сеги и после этого скрылся в Манресе. Аскасо вместе с Оливером Гарсией выехали в тот город, и уже там им стало известно, что Лангия всегда появлялся на людях в сопровождении четырёх «пистолерос» охранников. Так как времени было в обрез, они решили действовать вдвоём; неожиданно появившись в баре, где «пистолерос» часами играли в карты, открыли по ним огонь. Перестрелка была короткой, и активистам удалось быстро скрыться; они тотчас же покинули Манресу, взяв путь на Барселону. Прибыв в столицу Каталонии, прочли в вечерних газетах о покушении на «примерного гражданина, сеньора Лангию»¹⁴⁷.

Смерть этого знаменитого «пистолеро» привела в шок весь преступный мир Барселоны. Салес, глава «пистолерос», отдал приказ своим подчинённым покончить с предполагаемыми авторами покушения — Гарсией Оливером, Аскасо и Дуррути. Эти имена регулярно появлялись на страницах испанских газет как имена зачинщиков нападений, грабежей, и т.д. С того момента, чтобы спастись, этим героям или их друзьям можно было надеяться только на своё чутьё. Засады и неожиданности угрожали им. Несмотря ни на что «Солидарные» были полны решимости продолжать намеченный план. Когда пришла информация о местопребывании Мартинеса Анидо и Хосе Регералы, Аскасо, Торрес Эскартин и Аурелио Фернандес отправились в путь, чтобы разделаться с Мартинесом Анидо. С другой стороны, Грегорио Субервьела и Антонио (Эль Тото) выехали в Леон, убежище Регералы.

Мартинес Анидо находился в Ондаррете — аристократическом районе Сан-Себастьяна. Он жил там в коттедже, днём и ночью под охраной полиции. Однако его образ жизни не был уединённым. Каждый день ближе к полудню он пересекал туннель между Миракончей и Ондарретой и совершал длительную авто прогулку по шоссе вдоль пляжа Ла Конча, а после посещал Военное казино или Гран Курзал.

«Солидарные» располагали точными данными этого маршрута, но с целью проверки решили подождать прибытия генерала в кафе-бар, с которого можно было обозревать всё шоссе, и уж потом принять окончательное решение. По прибытии на место, Торресу Эскартину через некоторое время показался подозрительным тип, который с улицы через занавески смотрел в зал заведения; тогда он быстро вышел, чтобы застать типа с поличным. И неожиданно увидел перед собой самого генерала Мартинеса Анидо в сопровождении двух полицейских, пытавшегося проникнуть в кафе.

Едва оправившись от удивления, он, как смог, скрыл свой шок и вернулся в бар, в то время как фигура Мартинеса Анидо исчезала в глубине улицы. Эскартин рассказал друзьям о происшествии, и все трое пожалели, что оставили оружие в отеле. Франсиско Аскасо — «подозрительная натура» — предположил, что Мартинесу Анидо, должно быть, стало известно о прибытии трёх анархистов в столицу Сан-Себастьяна, а также об их намерениях. Поэтому он предложил иметь наготове оружие, чтобы напасть на генерала в любом удобном для этого месте.

Они побывали в Военном казино, Гран казино и других местах, которые предположительно часто посещал Анидо. Но всё было напрасным. Мартинес Анидо исчез из СанСебастьяна, и единственное, о чём им стало известно, — это то, что он срочно выехал в направлении Ла-Коруньи. Не теряя времени, три товарища (на этот раз каждый в отдельности) купили билеты до галисийской столицы. Прибыв в город, Аскасо в сопровождении Аурелио отправился в порт; ему было нужно встретиться с портовыми рабочими, имевшими сведения о пересылке оружия из Галисии в Барселону, в то время как Торрес Эскартин выходил на связь с другими контактами из НКТ в Ла-Корунье: они договорились встретиться около полудня в одном из центральных кафе города.

Пока Аскасо и его друг прогуливались по территории порта, их задержала полиция. В портовом Комиссариате их тщательно обыскали, подозревая, как потом было выяснено, что задержанные занимаются наркотрафиком. Арестованные смогли убедить начальника полиции, что целью их пребывания в порту было оформление документов для эмиграции в Америку; благодаря этой версии они смогли выйти на свободу, с тем чтобы сразу же покинуть Ла Корунью. На этот раз не Анидо, а они сами попали врасплох¹⁴⁸. Донос о наркотрафикантах исходил от Анидо, и когда он собственной персоной прибыл в полицейский участок для допроса задержанных, то, к своему удивлению, узнал, что после удостоверения личности, задержанные уже на свободе. Этот факт навсегда испортил карьеру комиссару полиции; Анидо заявил, что «речь шла о двух опасных анархистах, выслеживавших его самого»; приговор полицейскому был вынесен: данный промах означал крах его карьеры.

Полиция организовала облавы в гостиницах и задержала целый ряд подозреваемых. Однако «Солидарные» поступили очень умно и тотчас же покинули столицу Галисии; в этот раз их план не удался. Удручённые, они вернулись в Барселону, где их ждали вести об аресте Дуррути в Мадриде.

Дуррути всегда был человеком динамичного темперамента, для него не было ничего более противоестественного, чем покой и ожидание. Бездействие было не в его вкусе, и когда в силу обстоятельств он находился в таком состоянии, то прибегал к многочисленным попыткам делами компенсировать избыток энергии¹⁴⁹.

Когда Дуррути прибыл в Мадрид, то узнал, что Конференцию анархистских движений пришлось отложить на неделю; этот факт выбил его из колеи. Вместо того чтобы спокойно дожидаться объявления нового срока, он воспользовался свободным временем, чтобы выполнить часть своей миссии и проведать друга Буэнакасу, с которым ему надо было уладить вопрос о процессе, упомянутом выше.

При встрече, Буэнакаса не узнал Дуррути из-за «его стиля одежды по английской моде и очков в толстой оправе». После разговора о судебном процессе и передаче денежных средств на расходы тот выразил желание посетить заключённых. Буэнакаса приложил невероятные усилия убедить друга, что это слишком дерзкий замысел и что лучше было бы ему самому, заранее связанному по рукам и ногам, сдать полицию. Но ничто не могло переубедить Дуррути — он сказал, что «свидание с заключёнными подкрепит его дух». В конце концов Буэнакаса уступил в надежде, что в таком костюме на иностранный лад тюремщики сочтут его экстравагантным туристом¹⁵⁰.

После посещения тюрьмы страсти Дуррути не улеглись, так как ему удалось встретиться лишь с одним из узников — журналистом Мауро Бахатьеррой¹⁵¹; и с другой стороны, разговор с ним в помещении для свиданий не удался из-за его плохого слуха. Едва выйдя из тюрьмы, Буэнавентура распрощался с Буэнакасой и направился в центр города.

Прогуливаясь по центральной улице Алькалá, сзади себя он неожиданно увидел полицейского. Пытаясь что-либо предпринять, обнаружил, что полностью окружён агентами. Его сразу же затолкали в автомобиль и на всех парах повезли в Центральный полицейский участок.

В участке после опознания Буэнавентура был обвинён в трёх различных преступлениях: вооружённом грабеже коммерсанта по фамилии Мендисабаль в Сан-Себастьяне; в предполагаемом покушении на Альфонсо XIII и в дезертирстве из армии (побег из Военного госпиталя в Бургосе). Предъявив это тройное обвинение, его направили в тюремное заключение Сан-Себастьяна.

Мадридская пресса уделила огромное внимание этому аресту, подчёркивая, что задержан один из главных террористов Испании. Писаки колонки «Происшествия» открыли в арестованном необычайного персонажа, описывая его как законченного бандита, грабителя поездов, опасного террориста и кроме того, обладателя неуравновешенного мозга с признаками прирождённого преступника, типичной личности, описанной «криминалистом» Ломброзо в его экстравагантном исследовании об анархистах¹⁵².

«Солидарные», прочитав эти интригующие рассказы и узнав о пребывании Арлеги в Главном управлении безопасности в Мадриде, сочли, что Дуррути невозможно спасти, так как в его случае в любом месте страны могут применить «закон расстрела при попытке к бегству». Однако Аскасо не впал в пессимистическое настроение и вместе с адвокатом Русиньолом организовал план атаки, с тем чтобы отвоевать у «правосудия» его жертву. Русиньол пришёл к выводу, что наихудшим из всех трёх являлось обвинение в вооружённом грабеже. Что касается двух остальных, то обвинение в покушении на короля было простым предположением, а дезертирство представлялось выгодным, чтобы организовать побег. Он посоветовал Аскасо посетить господина Мендисабала, чтобы убедить его в ошибке, в случае если тот будет настаивать на авторстве Дуррути в совершённом грабеже.

Для уточнения всех этих деталей Франсиско Аскасо и Торрес Эскартин вместе с адвокатом, прихватив всё, что оставалось у них из денег, направились в Сан-Себастьян. Разговор с коммерсантом Мендисабалем закончился весьма положительно. Он заявил, что никогда не подавал заявление против кого-либо по фамилии Дуррути и что вполне может подтвердить этот факт в суде. «После объявления невиновности в деле Мендисабала, при неясном положении дел в покушении на короля и при щедрых гонорарах адвокат подал ходатайство об освобождении своего клиента, на что судья выразил согласие; однако Дуррути всё ещё оставался в заключении в связи с последним обвинением»¹⁵³.

Все эти новости при посещении в тюрьме были доведены до сведения Дуррути. Он пишет в письме сестре Розе:

█

«Уже две недели, как я должен был быть выпущен на свободу, но, кажется, кто-то влюблён в фамилию Дуррути и задерживает меня неизвестно по какой причине. (...) Пишу ночью, при свете маленькой свечки; морской прибой, бьющий в стены тюрьмы, не даёт мне заснуть. (...) Доверяю твоему здравому смыслу, что не позволишь матери опять отправиться в Сан-Себастьян. Эта поездка будет тяжёлой для неё, а мне невыносимо видеть её через решётку. Наверное, она уже очень устала после приезда. Поговори с ней и убеди, что я в порядке и моё освобождение — дело нескольких дней и, может быть, часов»¹⁵⁴.

Пока Дуррути ожидал освобождения, в его родном городе проходил Праздник святого покровителя — тот случай, когда богатые и бедные праздновали своего святого, каждый общественный класс по-своему. Первые ещё больше похвалялись своим могуществом, а вторые тратили свои сбережения на богато накрытые столы и обновки — так хоть раз в году бедные люди могли поесть досыта. В рабочих районах устраивали фейерверки, а в центре города на Бал года в казино или на театральное представление собирались богатые сограждане; для этой цели из Мадрида специально приезжала труппа со спектаклем-сарсуэлой «Король, впавший в ярость»¹⁵⁵.

Премьера этого произведения прошла 17 мая 1923 года, и на неё собрался весь цвет аристократии, богатых граждан и иерархической лестницы города. Прибыл и бывший губернатор Хосе Регераль в сопровождении личной охраны.

Никогда не будет известным, почему в тот вечер Регераль вышел из театра до конца представления, что чрезвычайно облегчило планы Грегорио и Эль Тото, которые прогуливались по площади, слившись с толпой.

Выйдя из здания театра, Регераль на какое-то мгновение задержался на верхней ступеньке лестницы. Позади него стояли двое полицейских из его охраны. На площади праздник был в разгаре, и никто, за исключением «Солидарных», не обращал внимания на хвастуна. Он начал спускаться вниз по лестнице; едва прошёл несколько ступенек, раздались выстрелы, слившиеся с грохотом фейерверков и петард. Регераль пошатнулся и покатился вниз по ступенькам. Смерть наступила мгновенно, и полицейские из его личной охраны не могли определить, кто послал смертоносные пули, застыв в шоке перед бездыханным телом человека, «отличавшегося» своей ненавистью к рабочему классу.

Грегорио и его товарищ, пользуясь обстановкой хаоса, среди шума и криков скрылись в мягкой и звёздной ночи. На следующий день пресса осветила происшествие в сенсационном свете, характерном для журналистов, пишущих, не зная подоплёки события. Одни утверждали, что покушение было совершено анархистской группой из Леона под руководством Буэнавентуры Дуррути, в данный момент находившегося в заключении в СанСебастьяне. Другие, путая действующих лиц, утверждали, что один из зачинщиков уже задержан леонской полицией. Дело было в том, что полиция, будучи не в состоянии найти какую-либо зацепку для расследования, раздавала удары направо и налево, арестовывая кого попало. Среди задержанных оказался один из братьев Дуррути — Сантьяго. Им не удалось забрать немощного и больного старика-отца Буэнавентуры только потому, что

этому воспрепятствовали Анастасия и их соседи. Вместе с Сантьяго затянули в тюрьму всех друзей Буэнавентуры, в том числе Висенте Техерина, секретаря Местного комитета НКТ.

Через сутки после дачи показаний по причине недостаточных улик задержанные вышли на свободу. Так закончилось судебное расследование, и преступление осталось безнаказанным. Полиция никогда не узнала о том, что подлинные исполнители акта прятались в доме поблизости с кафедральным собором и что спустя неделю «под видом простых леонских крестьян вышли на работу в поле, чтобы затем найти новое убежище в Вальядолиде»¹⁵⁶. Власти в Леоне проявили углублённый интерес к делу Дуррути, и новые расследования помешали его выходу из заключения. Торрес Эскартин и Аскасо, продолжавшие ожидать в СанСебастьяне выхода Дуррути из тюрьмы, сочли правильным, что при создавшихся обстоятельствах было бы неосмотрительно оставаться в городе; и, договорившись с адвокатом о дальнейших действиях, выехали в Сарагосу, чтобы там ожидать Буэнавентуру. Сарагоса как для Эскартина, так и для Аскасо не представлялась надёжным местом — местные журналисты ссылались на них как на бандитов. Об этом им рассказали товарищи. Тем не менее, те настояли на своём и нашли убежище у одного каталонского анархиста по имени Далмау. Он снимал простой домик в окрестностях города, где в то время жила давняя активистка анархизма Тереза Клараунт, поселившаяся там, чтобы отдохнуть от поездки по Андалузии с пропагандистскими целями.

Тереза Клараунт была знакома с Аскасо и Эскартином только понаслышке и встретила их очень мрачно, сновывая свою реакцию на субъективной оценке акций насилия, имевших место в арагонской столице в то время. Без предисловий она заговорила о «насильственной смерти одного штрейкбрехера и охранника — отцов многочисленных семейств. Эти действия, сказала она, идут не на пользу, а напротив, наносят вред идеалу рабочего класса, который сам осуждает такие акты. “Если насилие и должно применяться, — продолжила Тереза, — то хорошо продуманное и по отношению к тем, кто сам её провоцирует: руководителям государства, министрам, епископам — к кому угодно, только не к тем несчастным, как тот штрейкбрехер...”¹⁵⁷

Порицаемые стояли раскрыв рот, совсем не понимая, в чём их вина. Аскасо решил, что будет лучше не спорить, а подождать, пока женщина выговорится. Это решение было благоразумным, так как их коллега, высказав свои чувства, пришла в себя, успокоилась и справилась о здоровье Аскасо. Тогда обвиняемые приступили к защите, ясно излагая свои идеи о революционном насилии, не отличавшиеся от анархистской пропаганды. И затем продолжили беседу уже в другом тоне, обсуждая ситуацию, созданную пистолеризмом в Сарагосе.

Каждодневный процесс борьбы создал в Сарагосе такую же атмосферу, что и в Барселоне. «Пистолерос», сбежавшие из Барселоны, найдя убежище в столице Арагона, под руководством одного из главарей совершали всевозможные бесчинства, грабежи и даже преднамеренные убийства. Буржуазная сарагосская пресса обвиняла во всех этих происшествиях синдикалистов, влияя таким образом не только на общественное мнение, но и на суждения таких людей, как Тереза.

Аскасо и Эскартин не отрицали тот факт, что в такого рода борьбе синдикалисты совершали прискорбные ошибки, избежать которых было невозможно в атмосфере страстей, развязанных самой драматической ситуацией. Тем не менее было принято решение обсудить среди активистов Сарагосы наиболее эффективный метод выхода из такого положения вещей. Все пришли к выводу, что один поступок с психологическим эффектом, который бы смог пошатнуть не только местные сословия, но и основы самого государства, был единственной мерой, способной парализовать волну насилия, захлестнувшую Сарагосу, угрожая разложением даже самых здоровых и рассудительных сердец.

Самой ненавистной личностью в столице Арагона был кардинал архиепископ Сольдевила, которого глас народный обвинял в покровительстве игорным домам, а также в насаждении и защите пистолеризма. Кроме того, ходили слухи об оргиях, устраиваемых им каждую неделю в определённом женском монастыре¹⁵⁸.

Было решено, что устранение этого деятеля будет самым значительным действием для наведения порядка в буржуазном беспорядке, захватившем столицу провинции. Взялись за эту задачу Аскасо и Эскартин.

4 июня 1923 года, приблизительно в 15 часов, из гаражной двери архиепископского дворца Сарагосы выехало чёрное авто с номером Z-135. На заднем сиденье за перегородкой сидели двое мужчин, оба священники, одному около сорока лет, другому — восемьдесят. Они о ком-то беседовали; это была мать первого собеседника и сестра второго — богатая дама, как оказалось, уже в состоянии невменяемости. Машина пересекла центр города, выехала к пригороду Лас-Делисиас, в направлении к загородной местности под названием Эль Лерминильо, где располагалась красивая усадьба — «белая, весёлая, окружённая обильной зеленью, известной как Школа-приют для престарелых Сан Пабло (Escuela Asilo de San Pablo)»¹⁵⁹.

Путешественниками были не кто иные, как Его Превосходительство кардинал Сольдевила, его племянник и главный мажордом дон Луис Латре Хорро. Когда машина подъезжала к входным воротам усадьбы, шофёр снизил скорость, ожидая, когда ему откроют. «В этот момент на расстоянии трёх-четырёх метров двое мужчин разрядили свои пистолеты в пассажиров и водителя, по всей видимости, сделав в общей сложности тринадцать выстрелов, один из которых поразил сердце Его Превосходительства кардинала, скончавшегося на месте; его племянник и шофёр были тяжело ранены. Террористы исчезли, как сквозь землю провалились — никто не смог ни предоставить их приметы, ни с точностью указать детали события»¹⁶⁰.

Новость о покушении разнеслась повсюду, и во второй половине дня, когда об этом стало известно в королевском дворце, монарх Альфонсо XIII, глубоко ценивший кардинала Сольдевилу, отправил телеграмму в архиепископство Сарагосы, а также направил одного из секретарей на место происшествия с чётким распоряжением срочно выяснить этот вопрос.

Вся пресса Испании, в частности El Heraldo de Aragón, широко комментировала случившееся. Эта газета выставила на всю страницу такой заголовок: «Беспрецедентное и отвратительное покушение. Вчера был убит кардинал-архиепископ Сарагосы, дон Хуан

Сольдевила Ромеро». На той же самой странице помещалась фотография жертвы. Повествованию о событиях газета уделила три страницы. В описании полицейского расследования говорилось:

“ «Начальник полиции и его агенты прошли предполагаемым маршрутом убийц. В одном месте на тропинке обнаружили пистолет марки “Алькар”, на стволе была надпись “Алькарто”, оружейная фабрика в Гернике. Девятый калибр, и в обойме ни одного патрона. Преследователи последовали далее, через поле до рабочего квартала Лас-Делисиас. Никто из встретившихся им на пути людей не смог сообщить что-либо о преступниках».

Далее в той же газете можно прочесть, что во второй половине дня в понедельник — день, когда было совершено покушение, — прошёл слух об организации демонстрации протеста и закрытии всех торговых точек. Кроме того, El Heraldo de Aragón напечатала комментарии о случившемся из других газет страны, подчёркивая следующие строки мадридского еженедельника: «Это преступление наиболее ярко выражает симптомы ситуации, в которой сейчас находится Испания». В то время как El Heraldo de Aragón утверждала: «Преступление — дело рук не синдикалистов, а анархистов». Все расследования полиции для опознания авторов покушения в ночь с 4 на 5 июня оказались бесполезными. Однако под давлением министра внутренних дел (а тот, в свою очередь, — главы консервативной партии, господина Де-ла-Сиерва) гражданский губернатор Сарагосы господин Фернандес Кобос приказал начальнику полиции, господину Фернандесу, провести детальное расследование и быстрый арест преступников. Полиция направилась в круги анархистов и синдикалистов Сарагосы, с тем чтобы открыть судебный процесс посредством арестов на основе простых предположений. Викторiano Грасия, в то время генеральный секретарь Местной федерации синдикатов от НКТ в столице Арагона, предупредил гражданского губернатора, что «если будет арестован хотя бы один рабочий, фактически не замешанный в покушении, ответственность за последующие события в Сарагосе ляжет только на органы власти и ни на кого более»¹⁶¹.

Перед лицом таких публичных заявлений НКТ, губернатор под их впечатлением, а также в результате психологического давления недавнего отчаянного покушения, вопреки полученным инструкциям отдал приказ полиции не предпринимать арестов без фактических материалов для обвинения и только регистрировать данные для раскрытия состава преступления.

Один за одним задержанные по подозрению в убийстве были выпущены на свободу. Как, например, Сантьяго Алонсо Гарсия и Хосе Мартинес Магорда, восемнадцати и семнадцати лет, задержанные на мадридском шоссе, — они шли в столицу из Витории в поисках работы. Через два дня также были освобождены подозреваемые Сильвино Аситорес и Даниэль Мендоса.

14 июня La Vanguardia из Барселоны напечатала статью. В ней говорилось, что гражданский губернатор Сарагосы сообщил в Министерство внутренних дел об обвинительном заключении в отношении одного недавно задержанного лица по подозрению в участии в

убийстве Сольдевилы.

23 июня суд, занимавшийся этим делом (убийством кардинала Сольдевилы), произвёл различные формальные процедуры, но безрезультатно. Только с 28 числа указанного месяца мадридские власти решили найти искупительную жертву, замешанную (или нет) в преступлении; было приказано произвести всеобщую полицейскую облаву, в результате которой по обвинению в терроризме были задержаны Пестанья и другие анархо-синдикалистские лидеры. Причиной послужила подпольная листовка, распространяемая в казармах, в которой солдаты предупреждались о манёврах своих командующих с целью установить диктаторский режим, и призывались поддержать народную борьбу¹⁶².

В облаве 28 июня полиция Сарагосы арестовала Франсиско Аскасо, которого обвинили в смерти кардинала Сольдевилы, но Аскасо смог доказать, что во время покушения он находился в тюрьме Предикадорес, нанося визит политзаключённым. Тем не менее и несмотря на то что алиби было подтверждено свидетелями, его предали суду как исполнителя преступления; газеты страны на следующий день опубликовали громкую новость об аресте одного из убийц кардинала и что его убийство было организовано знаменитой бандой под руководством террориста Дуррути¹⁶³.

Рядом с этой новостью можно было прочесть следующие заявления политика-консерватора господина Де-ла-Сиерва: «В Барселоне каждый день совершаются покушения и нападения, и виновные не обнаруживаются; так, например, в случае вооружённого грабежа на Управлении по сбору налогов, или покушения, совершённого в Бильбао на адвоката из Альтос-Орнос. Как национальные представители, мы должны спросить у правительства, способно ли оно покончить с этими актами терроризма»¹⁶⁴.

Правительство Испании и местные власти Сарагосы ощущали всё возрастающее давление со стороны церкви, с тем чтобы они дополнили досье и задержали известных анархистов — Эстебана Эутерио Саламеро Бернарда и Хулиану Лопес Маймар. Так как Эстебана найти не смогли, вместо него арестовали его престарелую мать, больную туберкулёзом, как заложницу до тех пор, пока её сын не сдастся полиции.

Через двенадцать часов после опубликования новости об этих скандальных арестах в полицейский участок Сарагосы явился Эстебан Саламеро, обещая сдать правосудию «без страха перед ним»¹⁶⁵ и требуя освободить его мать. Несмотря на это, полиция, перед тем как освободить пожилую женщину, оказала давление на Саламеро, заставив его признаться в пособничестве убийства. Для этого было решено подвергнуть женщину побоям в присутствии сына. Для Саламеро эта пытка была невыносимой, и он признал свою вину, что не помешало ему в день суда публично огласить методы полиции, с тем чтобы добиться от него признания. Но тем временем в ожидании суда органы юстиции смогли подкрепить дело по убийству, обвиняя Франсиско Аскасо, Рафаэля Торреса Эскартина и двух его сообщников — Саламеро и Хулиану Лопес.

Глава IX. К диктатуре

Примо де Риверы

Пока полиция Сарагосы прибегала к целому ряду уловок и давлений, для того чтобы преподнести буржуазии и церкви возможных виновников смерти кардинала Сольдевилы, тот герой, представляемый прессой как центральное действующее лицо событий, «ужасный Дуррути» выходил из застенков Провинциальной тюрьмы Сан-Себастьяна. Неувязки правосудия!

Дуррути пообещал своей матери во время её последнего визита в тюрьму, что, как только он выйдет на свободу, сразу же приедет в Леон, чтобы погостить немного в кругу семьи. Но, узнав об аресте Аскасо и других товарищей из Сарагосы, он отменил поездку и без промедления отправился в Барселону.

Как только Дуррути прибыл в столицу Каталонии, ему стала понятна вся тяжесть тупиковой ситуации, царившей в анархистских и конфедеративных кругах. На первый взгляд просматривались три тенденции, причём каждая из них боролась за главенство в НКТ. Одна из них, занимая ошибочную революционную позицию, желала официально закрепить нападения как метод борьбы и любой ценой намеревалась достигнуть поддержки НКТ. Будучи в оппозиции к этой группировке, Анхель Пестанья разоблачал её методы на собраниях и съездах, называя их чуждыми НКТ и анархизму. Наконец большевики — члены Конфедерации (Нин, Маурин, Арландис) настаивали на своём желании руководить НКТ, параллельно создавая свои Революционные синдикалистские комитеты.

Что касается политики, то положение в стране было ещё более туманным. Политические партии, включая социалистическую, переживали глубокий кризис; одни нуждались в исторической перспективе, а другие страдали от идейного раскола, навязанного Коминтерном. Единственным ведомством, проявляющим себя как нечто крепкое и с обозначенной структурой, была армия; её влияние увеличивалось благодаря поддержке буржуазии и опоре на церковные круги, после смерти кардинала Сольдевилы тесно примкнувшие к военным.

Правительство возглавлял премьер-министр Гарсия Прието, второсортный и малодушный политик, который не мог сомкнуть глаз после передачи ему взрывоопасного досье о положении в Марокко. В процессе расследований генерала Пикассо на основе фактов стало ясно, что ответственность за кровавую бойню в Анвале несли многие политические деятели, включая самого Альфонсо XIII. Гарсия Прието, сознавая, что доклад о событиях не может быть сокрыт от Палаты депутатов, испытывал ужас от неизбежного скандала и откровенно жаждал удобного случая, чтобы подать в отставку. Этот политик настолько раболепствовал перед монархом, что скорее готов был провалиться сквозь землю, чем выразить своё мнение

перед королём.

Желания Гарсии Прието совпадали с намерениями Альфонсо XIII, который давно прокручивал возможные сценарии назначения в стране главы правительства склада Муссолини, по примеру Виктора Мануэля. В его мыслях было несколько кандидатур генералов, на манер сияющих звёзд. Самым сильным блеском обладало светило генерала Примо де Риверы — быть может, из-за их общего презрения к черни (то есть к народу). Одной из важных причин поощрения военного переворота для Альфонсо XIII, кроме его пренебрежения к Конституции, было желание раз и навсегда покончить с шумихой на тему «ответственности за войну в Марокко и его военные катастрофы». Однако возникала необходимость найти предлог — и в этой связи что может быть удобнее замысла покончить раз и навсегда с рабочим «бандитизмом», то есть анархо-синдикализмом? Такой манёвр был бы встречен на ура даже каталонской буржуазией, несмотря на её неприятие центральной власти из Мадрида.

Разногласия в правительственных кругах облегчили планы короля: «африканисты» противостояли сторонникам вывода войск из Марокко. Одним из приверженцев окончания военных действий или, как говорилось, уничтожения марокканской раковой опухоли, был Министр флота Сильвела. Он поручил генералу Кастро Хероне провести переговоры с Абд эль-Кримом (при посредничестве его делегата в Мелилье Дриса Бен Саида) о способе завершения этого военного конфликта. Алькалá Самора, министр обороны правительственного кабинета, и представитель графа Романонеса, главное заинтересованное лицо в продолжении войны в Африке, наложил вето на усилия Сильвелы. Такой запрет включал требование отставки последнего. Так и произошло. Новый министр назначил генерала Мартинеса Анидо командующим площади Мелилья, и через несколько дней после его вступления в должность нашли тело Дриса Бен Саида, изрешечённое пулями. Так было покончено с замыслом разрешить конфликт в Марокко мирным путём.

На собрании «Солидарных», назначенном по приезду Дуррути в Барселону, обсудили политическое положение в стране и внутреннюю проблематику в НКТ. На этом собрании присутствовал капитан Алехандро Санчо, технический сотрудник группы. Он проинформировал об атмосфере в военных верхах, где открыто говорилось о неизбежном военном перевороте и даже упоминалось имя генерала Примо де Риверы, как будущего диктатора. Санчо сказал, что со стороны военных практически не предполагалось сопротивления перевороту. Что касается солдат, то их оппозиция была нереальной, так как решения принимались в конечном счёте командующими. О работе Антивоенных комитетов: их недавняя организация не позволяет развернуть широкую деятельность. После того, как в казармах обнаружили печатные издания с призывами к восстанию, слежка усилилась, и стало почти невозможным проводить пропаганду. «Может быть, — сказал в заключение капитан Санчо, — в случае сильного давления со стороны рабочих, требующего вывода войск на улицы, как и в прошлом, могло бы произойти братание среди рабочих и солдат». Ввиду таких мрачных перспектив другие, не обладающие закалкой «Солидарных», может быть, и пали бы духом, но такие настроения не входили в их планы. Поэтому было принято решение упорно работать над организацией всеобщей забастовки с видами на последующее восстание как ответной меры военному перевороту. Для начала было необходимо восстановить ослабевшие профсоюзы рабочих, потерпевших сильные потери в результате

постоянных репрессий. И для реализации восстания было необходимо оружие.

Вновь встал вопрос о денежных средствах как необходимой составляющей плана. Для того чтобы достать нужную сумму, было решено совершить ограбление государственного банка. Исходя из соображений срочности выбор пал на филиал Банка Испании в Хихоне. Для выполнения этой операции назначили Дуррути и Торреса Эскартина; они выехали в астурийский город, планируя заезд в Сарагосу, чтобы разузнать о положении Аскасо и его товарищей в заключении¹⁶⁶.

В Сарагосе они пробыли совсем недолго, так как Дуррути и Торрес Эскартин были там довольно известны, а последний, кроме того, обвинялся в соучастии в покушении на Сольдевилу. Один из товарищей рассказал им новости. Если всё намеченное пойдёт по плану, буржуазия и церковники Сарагосы не дождутся казни Аскасо. Планировался побег узников, ожидавших наиболее строгих мер наказания в тюрьме Предикадорес. Кроме Аскасо среди них был Иносенсьо Пина, арестованный 13 июня того года, после перестрелки. В день его ареста также были задержаны Луис Муньос и Антонио Мур. Положение последних было тяжёлым, так как во время ареста от их рук погиб Лопес Солорсано — один из полицейских, правая рука инспектора Сантьяго Марти Багенаса, начальника¹⁶⁷ Brigada Social¹⁶⁸.

В тот же самый день Дуррути и Эскартин продолжили взятый курс на Бильбао. Один инженер, поддерживавший отношения с группой анархистов в столице Вискайи и помогавший им с покупкой вооружения, пообещал достать необходимое оружие при наличии денег. Нужно было купить тысячу винтовок. Дело было только за наличными.

Прибыв в Хихон и благодаря тому, что полиция города не знала их в лицо, они без особых волнений принялись за разработку плана нападения на банк.

Пока «Солидарные» в Леоне готовились к операции, генерал Примо де Ривера вместе со своим знатным сообщником уточнял план прихода к власти, и также без особых волнений, поскольку полиция, видя его манёвры, сохраняла спокойствие. Единственной силой, с большим интересом следившей за намерениями диктатора, имея на то свои причины, были НКТ и анархисты, так как они хорошо понимали: основной целью этого переворота является уничтожение анархизма и революционного синдикализма. Гарсия Оливер, направленный анархистскими группами из Барселоны, встретился с Национальным комитетом НКТ с целью координации действий для всеобщей революционной забастовки. Результаты этой встречи были неутешительными: кадры НКТ полностью обескровлены, и некоторые профсоюзные организации существуют лишь на бумаге. Волны репрессий, прошедшие одна за другой, демонтировали рабочие профсоюзы. Анхель Пестанья объяснил Гарсии Оливеру:

“ «Революция требует организации. Освобождающие энергии порождают явление творческой спонтанности. Для победы революции необходимо как минимум девяносто процентов организации, а мы находимся за чертой пятидесяти. Причины наших слабостей — потери в результате терроризма предпринимателей, к тому же наши собственные разногласия и губительная роль большевизма в наших рядах, что в некоторых местах, например, в Сабаделе, привело к дезориентации рабочего класса. Сегодня единственной

возможностью противостоять правительственному перевороту является единение всех сил — противников диктатуры, — подвёл итог Пестанья и добавил: — Но где эти силы? ВСТ не проявляет никакого интереса в сопротивлении военному перевороту».

В заключение он сказал:

“ «НКТ осталась в одиночестве перед лицом приближающейся диктатуры, но так как эта диктатура направлена против народных сил страны, а они объединены в НКТ, то при этих обстоятельствах, как всегда и поступал анархосиндикализм, организация отдаст должное своей революционной традиции»¹⁶⁹.

Анхель Пестанья не сказал ничего нового для Гарсии Оливеры, но в те тяжёлые моменты на встрече НКТ с членами анархистских организаций необходимо было выслушать его мнение; так, в августе 1923 года анархистские группы активизировали свои действия.

Из Хихона «Солидарные» получили срочное сообщение от Дуррути и Торреса Эскартина: всё готово, и нужно действовать быстро, чтобы не провалить операцию, потому что в Эйбаре их поджидала тысяча винтовок, заказанных от их имени неким лицом по фамилии Сулета, фабриканту Гáратэ и Анитуа.

Рассказ о крупном нападении, совершённом в Хихоне 1 сентября, мы позаимствовали у журналиста газеты El Imparcial («Беспристрастный»); на первой странице была опубликована статья под заголовком: «Вызывающее нападение на филиал Банка Испании в Хихоне. Воры, причинив тяжёлые ранения директору учреждения, похитили полмиллиона песет».

«Хихон, 1 сентября. В девять часов утра, сразу после открытия филиала Банка Испании, произошло первое в этой местности ограбление финансового учреждения, наиболее дерзкое из всех самых дерзких, до сих пор имевших место в Испании.

События развивались так:

Через главный вход банка вошли шестеро парней, одетые в рабочую одежду, их лиц не было видно из-за беретов и кепок, в руках — пистолеты. В центральном помещении произошла сильная паника среди служащих и посетителей. Один из разбойников встал у двери спиной к входу; в каждой руке — по пистолету. Остальные быстро направились к кассе. Тот, у двери, хриплым голосом громко приказал:

“Руки вверх! Никому не шевелиться!”

Воры, сделав два или три выстрела, с необычайной быстротой открыли кассу, вынули всё содержимое, также прихватив деньги на местах у служащих и на стойке.

На звук выстрелов на верхнем этаже появился директор филиала дон Луис Аскарате Альварес, мужчина пятидесяти девяти лет; перед тем как спуститься, он крикнул:

“Что происходит?”

Бандит — по-видимому, главарь, — ответил:

“Ни с места, не то мы вас прикончим!”

Тем не менее господин Аскарате спустился на несколько ступенек, и бандиты несколько раз выстрелили в него. Одна пуля тяжело ранила директора в шею. Господин Аскарате упал плашмя на пол, истекая кровью. Разбойники спрятали купюры в карманы и направились к двери, держа на прицеле служащих и клиентов банка. На улице они сели в ожидавший их автомобиль с включённым мотором и исчезли.

Перед этим они несколько раз выстрелили в сторону охранника, который попытался преградить им путь. Он хотел выпустить пулю из своего пистолета, но тот дал осечку. Бандиты сделали несколько выстрелов в сторону прохожих, чтобы те не помешали им проехать, и по балконам ближайших домов, на которые вышли зеваки, привлечённые криками и шумом выстрелов.

Охранник Феликс Алонсо, попытавшийся оказать сопротивление ворами, смог различить номер машины в тот момент, когда та притормозила, пропуская авто, пересекавшее улицу. Это был номер 434 — регистрация Овьедо.

Водитель — мастер своего дела, — ловко преодолев препятствия, точно и уверенно развернулся, выехал на улицу Бегонья, пересёк улицу Ковадонга и потом направился к шоссе на Овьедо.

По чистой случайности, — добавляет репортёр, — грабители не прихватили несколько миллионов песет. За несколько секунд до их входа в банк был открыт сейф, в котором хранились резервы — миллионы песет в купюрах.

По всей вероятности, нападение было запланировано, чтобы украсть деньги, предназначенные для платежей Компании ДуроФельгера. Бандиты присвоили 573 000 песет согласно быстрому подсчёту, совершённого сразу после нападения.

Полиция, преследуя бандитов, выехала на шоссе к Овьедо. Одна супружеская пара в сопровождении полицейского агента в трёх километрах от Хихона обнаружила водителя автомобиля. Его арестовали и доставили в Хихон. Вот его показания:

В четверг в Овьедо, шесть человек предложили ему в пятницу за плату съездить в Хихон, но вчера сообщили, что экскурсия откладывалась на более поздний срок, то есть на сегодня. Сегодня утром к нему пришли эти шестеро, с которыми он ранее договорился, и приказали выехать на Хихон. После того как машина подъехала к холму Пинтуелес, на шоссе вышли ещё два человека, и ехавшие в машине дали приказ остановиться. Как только мотор затих, водителю приставили к груди два пистолета. Двое мужчин на дороге приказали ему выйти

из автомобиля и следовать за ними.

Шофёр подчинился и смог увидеть, что один из тех шести сел за руль, — было видно, что он прекрасно знал эту марку автомобиля.

То место, где остались водитель и два разбойника, расположено на взгорье, и оттуда он видел, как удалялась его машина по дороге на Хихон. Когда авто совсем исчезло, два грабителя успокоили его и посоветовали не преследовать их; если он не окажет сопротивление, с ним будет всё в порядке и машину ему вернут на том же месте.

Его завели вглубь леса на холм Пинтуелес, метров на двести от дороги. Ждать долго не пришлось. Через некоторое время разбойники, следившие за всем с опушки холма, увидели машину и побежали с механиком к дороге, но машина проехала быстро и не остановилась. Тогда один из охранявших водителя, сказал ему:

“Видимо, они забыли, что мы их здесь поджидаем. Тебе лучше будет идти вперёд по шоссе, и там увидишь свою пустую машину”. Шофёр, испугавшись, убежал, а его сторожа исчезли. Воры его не обманули. Подойдя к месту километров в пятнадцать от Хихона — Альто де Прубия, — он увидел свою машину.

Какие-то женщины поблизости рассказали ему, что за четверть часа до того шесть человек вышли из автомобиля, спросили о дороге до станции Льянерас и тут же исчезли в указанном направлении.

Гражданская гвардия оцепила всю провинцию и устраивает облавы в горах неподалёку от шоссе. Один наряд полицейских задержал человека по имени Хосе Пуэйо, уроженца Ла Фельгеры, куда он и направлялся. Тот, увидев полицию, выбросил пистолет. Его отвели под конвоем в Хихон».

Так заканчивается заметка в газете — мы её прокомментируем попозже. А сейчас необходимо привести официальную версию происшествия, сообщённую журналистам министром внутренних дел герцогом Альмодоваром-дель-Валье. В его заметке — более правдоподобной, чем вышеприведённого журналиста, — говорится о четырёх грабителях, и это ближе к действительности, так как водитель оставался за рулём, а один из членов группы — у входа в банк. Эта версия отличается от газетной размером похищенной суммы: министр заявляет, что «после быстрого подсчёта было украдено более 700 000 песет». На самом же деле — около 650 000 песет. Можно согласиться, что в таких случаях имеет место игра с числами, ибо потерпевшие никоим образом не хотят упустить свою выгоду.

Что касается директора банка, то в газетах говорилось, что ввиду его тяжёлого состояния, ещё в больнице он составил завещание. Но это также не соответствует истине, ибо ранение было лёгким — простая царапина на шее. Тем не менее важно указать, при каких обстоятельствах был ранен господин Аскарате, единственная неполная жертва событий. Ниже мы приводим подробности, рассказанные одним из участников:

■

«Дуррути был мужчиной с хриплым голосом. Это он удерживал многочисленную публику на расстоянии. Директор банка, неожиданно и с опасностью для жизни, сбежал вниз по лестнице и направился к Дуррути, пытаясь обезоружить его. Дуррути некоторое время сопротивлялся с этим самоубийцей, который счёл грабителя слабым и испуганным и ударил его в лицо. Тогда Дуррути отодвинул типа подальше от себя — и в результате движения пистолет выстрелил. Пуля лишь задела шею Аскарате. Даже не существовало намерения ранить или убить кого-либо. Выстрелы в банке и за его пределами были сделаны в воздух и с целью напугать людей. Уже в машине Дуррути сказал по этому поводу: “Этот сумасшедший хотел умереть и пытался укусить меня за палец. — И показал раненый мизинец. — Что я должен был делать как страшный бандит, чтобы убедить самоубийцу, что лучше всего ему было не двигаться, а он в доказательство этого дал мне пощёчину, но у меня руки были заняты пистолетами...!»¹⁷⁰.

Вернёмся теперь к тому моменту, когда машина была оставлена на шоссе. Действительно, группа намеревалась пойти в Льянеру, чтобы сесть на поезд; но, поразмыслив и принимая во внимание, что ввиду поднятой тревоги дороги и станции будут под строгим наблюдением, решили, что двое пройдут через лес с деньгами, чтобы взять курс на Бильбао и закрыть сделку с закупкой оружия. Этими двумя были Гарсия Виванкос (исполнивший роль шофёра) и Аурелио Фернандес. Дуррути, Субервьела, Торрес Эскартин и Эусебио Брау решили спрятаться в домике, прямо в горах. Несколько дней спустя их обнаружила Гражданская гвардия, оцепившая окрестные горы, но Фернандес и Виванкос, нёсшие деньги, смогли вырваться из облавы.

Утром 3 сентября Дуррути брился, Торрес Эскартин и Эусебио Брау обедали, а Грегорио Субервьела стоял на страже. Внезапно раздались голоса и появились полицейские. Грегорио оповестил всех — и завязалась перестрелка. Торрес Эскартин и Эусебио Брау выбежали вместе, а Дуррути и Грегорио — каждый по отдельности.

Самый жёсткий бой завязался между Гвардией (полицией) и Торресом Эскартином и Брау, которые не смогли укрыться — им пришлось принять атаку на себя. Практически они были окружены. Осада длилась несколько часов, и боеприпасы постепенно таяли. Со стороны Гвардии пал один человек — поблизости от Эусебио Брау. Тот под прикрытием выстрелов Эскартина попытался завладеть маузером и боеприпасами. Но это не удалось — он упал, смертельно раненный пулей. Между тем Торрес Эскартин лежал без сознания после сильного удара прикладом, нанесённого сзади одним из гвардейцев. Мёртвый и раненый были перевезены в казарму Гражданской гвардии. Там состояние Торреса Эскартина резко ухудшилось — его мучения были очень тяжёлыми. Почти полумёртвого, его перевезли в тюрьму Овьедо.

В газете *El Imparcial* приводится весьма беспристрастный рассказ о событии, однако после ареста Торреса Эскартина пресса изменила свой тон. Эскартин был замешан в убийстве кардинала Сольдевилы. Имена Эскартина и Аскасо наводили на связь с Дуррути, хотя пока что более всего занимала газетчиков фигура Торреса Эскартина. Перипетии продолжались. Судья, ведущий дело Аскасо, поспешил запросить перевод задержанного в другую тюрьму,

чтобы окончательно обосновать обвинение. Когда в Овьедо пришла новость о переводе, товарищи по камере подготовили для него побег — преждевременный, судя по его слабому здоровью. Тем не менее он, несмотря на мрачные перспективы этой затеи, согласился. Но, к несчастью, выпрыгнув со стены на улицу, подвернул ногу и не мог двигаться. Его товарищи попытались нести его на руках, но Торрес Эскартин убедил их, что в данный момент не было места для ложной жалости — надо было спасаться бегством. Держась за стены, он всё же смог скрыться от охраны; но мало-помалу силы оставили его, и он упал в обморок прямо у входа в какую-то церковь. Спустя несколько минут церковный служитель, выйдя из «дома Божьего» и увидев подозрительного субъекта, вызвал Гражданскую гвардию — и та опять отвезла его в тюрьму. В Леоне местная пресса в основном занималась темой Дуррути. В газетах была опубликована его фотография и рядом — список его «злодейств». Что же касается того, как Буэнавентуре удалось сбежать от преследователей, то здесь воображение воспользовалось всевозможными фантазиями и тонкостями. Даже появился рассказ о побеге Дуррути, переодетого в священника: он, якобы угрожая пистолетом, раздел того перед всей паствой¹⁷¹. В квартале Санта-Ана Анастасия стала самой знаменитой женщиной Леона. Всем, кто заговаривал с ней о её сыне- «воришке», она отвечала: «Не знаю, есть ли у него все те миллионы, но я наверняка знаю, что всякий раз, как он приезжает в Леон, я его одеваю, обуваю и даю денег на обратную дорогу»¹⁷².

Пока на всех посиделках обсуждались эти партизанские вылазки и покушения, люди даже не задумывались о том, что планируется в верхних эшелонах власти. «Солидарные» были на грани отчаяния и уверены в том, что время на исходе. Оружие, закупленное в Эйбаре, всё ещё оставалось на месте, а на календаре один за другим пробегали сентябрьские дни. Альфонсо XIII, немало удивлённый лёгкостью своей затеи, подумывал о роли нового Муссолини; но опытный и сообразительный политик Антонио Маура убедил его оставить это намерение.

7 сентября, Примо де Ривера встретился с Альфонсо XIII, и оба наметили совершение военного переворота на 15-е число того месяца. Однако по различным причинам нужно было перенести его на 13 сентября. С одной стороны, поторапливал генерал Санхурхо, а с другой, 19 сентября правительство приняло решение представить перед парламентом заключительные выводы по докладу Пикассо¹⁷³.

Таким образом, 13 числа, в два часа пополудни, генерал Примо де Ривера созвал представителей прессы в свой кабинет, чтобы проинформировать их о своём «Манифесте — Обращении к народу»:

«Это движение — дело настоящих мужчин: у кого не хватает мужества — пусть переждёт в укромном месте... Опираясь на оказанное мне доверие и оглашённый приказ, в Мадриде, с целью поддержания общественного порядка будет сформирована военная директория временного характера. Мы не желаем поста министра и не имеем иных амбиций, кроме службы Испании. Страна нуждается не в разговорах об обязательствах, а в том, чтобы знать их и потребовать без промедления их выполнения, по справедливости. Мы утверждаем коллективную ответственность политических партий и применяем полный запрет на их деятельность».

Речь генерала изобиловала перечислениями намеченных целей: покончить с терроризмом, коммунистической пропагандой, сепаратистскими потрясениями, инфляцией, обещанием решить марокканскую проблему и навести порядок в финансовом хаосе и т.д.

Один из журналистов задал вопрос, вдохновился ли Примо де Ривера «маршем на Рим».

“ «Нет необходимости, — ответил генерал, — подражать фашистам или великой фигуре Муссолини, хотя их поступки и послужили нам всем полезным примером. Но здесь, в Испании, у нас есть Соматен¹⁷⁴, и также у нас был Прим — прекрасный военный и великий политический деятель»¹⁷⁵.

После оглашения манифеста 13 сентября рабочий класс, разрозненный и ослабленный перед лицом армии, принял своё поражение проведением ряда вялых, неорганизованных и символических манифестаций. Политические партии, со своей стороны, не предприняли ничего, несмотря на то что манифест объявлял об их закрытии. Правительство, как безучастный наблюдатель, ожидало возвращения Альфонсо XIII из Сан-Себастьяна, где он проводил летний отпуск. Тем временем войска оккупировали государственные здания, включая Конгресс депутатов, откуда испарился знаменитый отчёт Пикассо.

14 сентября национальный комитет НКТ выступил с таким заявлением:

“ «Сейчас, когда налицо повсеместная всеобщая трусость и гражданская власть оставляет власть военным, не оказав сопротивления, рабочий класс обязан показать, что он существует, и не позволить пинать себя тем, кто нарушает все правовые нормы, желая свести на нет все завоевания рабочих, достигнутые в результате долгих и трудных сражений».

Заявление заканчивалось призывом рабочих к всеобщей забастовке. Лозунг был выдвинут без оптимизма, так как ожидаемое грандиозное выступление всего народа превратилось во всего лишь символическую оппозицию спонтанных акций, — героических, но одиночных, которые не привлекли масс. ВСТ и Соцпартия в тот же день также опубликовали свой манифест, призывая своих членов «не содействовать восстанию». А 15-го числа напечатали ещё один, в котором косвенно признавали диктатуру и предостерегали народ «против бесплодных протестов, за которыми могут последовать репрессии», и объявляли, что всем комитетам запрещалось принимать самостоятельные меры¹⁷⁶. Около полудня королевский поезд прибыл на Северную станцию Мадрида. На перроне находились все члены правительства. Гарсия Прието предложил королю отстранить от должности мятежного генерала. В ответ Альфонсо XIII заявил, что тот может выйти в отставку со всем своим правительственным кабинетом. Уже во дворце король послал телеграмму Примо де Ривере, в которой сообщалось, что, желая предотвратить кровопролитие, он официально вручал ему правление страной.

Диктатура была официально принята самим королём. Конституция, которую Альфонсо XIII поклялся защищать, была упразднена. Так началось царство беззакония, причём никто не знал наверняка, как долго продлится эта ситуация. Правдой было то, что политические

партии или их деятели приспособятся к новому положению, и то, что соцпартия попытается привыкнуть к новым временам без особой щепетильности социалистического сознания. Но самым трудным были положение и будущее рабочего класса. НКТ и анархизм чувствовали себя истинными представителями этого рабочего класса и не могли приспособиться и договориться с диктатурой, как намеревался ВСТ, не сделав уступок своим принципам. Подполье, таким образом, было логическим выходом для НКТ. Но что означало для неё быть в подполье? Разве она не жила в нём с самого своего рождения? Какие цели преследовала НКТ? Экономическое и политическое освобождение рабочего класса путём всеобщей экспроприации и «самоуправления» на всех уровнях. Могло ли это быть сделано законным путём? Нет, поскольку «кто проповедует рабочим, что в рамках закона можно достичь эмансипации пролетариата, тот обманывает народ, потому что закон гласит не отнимать у богатого его богатство, украденное у нас, а экспроприация богатства для всеобщей пользы есть то условие, без которого не может быть завоёвано освобождение человека»¹⁷⁷.

Таковыми являлись теория и практика НКТ. Вследствие чего по природе своей она была незаконной. И в рамках иллегализма — вне закона — НКТ чувствовала себя, как рыба в воде. «Солидарные» до максимума усилили меры личной безопасности по отношению к каждому члену группы; а то, что принадлежало коллективу — например, оружие, — о том они заботились со страстью людей, которые знают, что именно от этого зависит победа революции.

Наиболее срочными являлись действия по организации побега Франсиско Аскасо и Торреса Эскартина; последний ожидал перевода из Овьедо в Сарагосу. Что касалось долгосрочной перспективы, то Дуррути при поддержке Аскасо поручили организацию во Франции революционного центра, который должен был из-за границы оказывать поддержку работе будущего Революционного комитета в Барселоне для продолжения борьбы с капитализмом, государством и церковью.

Глава X. Революционный центр Парижа

В конце ноября 1923 года Гарсия Виванкос, в удручённом настроении возвращаясь из поездки в Овьедо, подъезжал к Барселоне. По приезде в столицу Астурии, как казалось, судьба была благосклонна к нему: он смог найти нужных людей для подготовки побега Торреса Эскартина. Один из солдат воинской части, охраняющей тюрьму Овьедо, пообещал провести работу среди его товарищей с целью поддержки плана бегства. Подготовка шла медленно, и, когда уже всё было почти сделано, то ли случайное совпадение, то ли донос пустили дело насмарку: охрана тюрьмы перешла под охрану солдат другого подразделения, а это для Гарсии Виванкоса означало заново начинать работу с охранниками. Не теряя оптимизма, он предпринял первую попытку, однако результаты показали, что провал был связан не с простой случайностью, а с доносом: полиция задержала его самого, задавая вопросы о цели его пребывания в Овьедо. У него было хорошее алиби: документы на коммивояжёра — продавца трикотажных тканей. Допрос закончился без проблем, тем не менее интуиция подсказывала, что лучше исчезнуть из Овьедо¹⁷⁸.

Но если Гарсия Виванкос и потерпел неудачу в организации побега Торреса Эскартина, то товарищи из Сарагосы добились успеха. Бегство из тюрьмы Предикадорес удалось. Большинство из узников, вырвавшись на свободу, сразу же эмигрировали во Францию. Среди них был Эль Негро — уроженец арагонской деревни, преследуемый полицией из-за его революционных действий в Мадриде; ему удалось скрыться под чужим именем, когда его арестовали в Сарагосе вместе с Иносенсьо Пиной.

Из этой группы беглых наиболее скомпрометированным был Франсиско Аскасо, и Буэнакаса постоянно настаивал на том, что ему необходимо немедленно уехать во Францию, но все увещания были напрасны. Аскасо не оставил своего намерения отправиться в Барселону¹⁷⁹.

По приезде Гарсии Виванкоса «Солидарные» провели очень важное собрание со своими соратниками. На этой встрече, речь шла также о том, что, вступив в должность министра внутренних дел, генерал Мартинес Анидо при поддержке Арлеги в Генеральном управлении безопасности, а кроме того, входя в состав Военной директории Примо де Риверы, был крайне заинтересован в демонтаже так называемой «банды Дуррути». Для этой цели он командировал в Барселону своих самых лучших агентов, которые, используя сеть информаторов, поставили перед собой цель ликвидировать эту «банду». После побега Аскасо намерение Мартинеса Анидо уничтожить группу возросло. При описанных обстоятельствах жизнь Аскасо и Дуррути была под постоянной угрозой; таким образом, не могло быть и речи о том, чтобы помогать Мартинесу Анидо в его желании покончить с «Солидарными». Итак, было решено: оба друга поедут в Париж и организуют во Франции

революционный центр для оказания поддержки такому же, основанному в Барселоне. Другим заданием было основание издательства, которое, согласно французской организации анархизма, смогло бы удовлетворить потребности международной пропаганды либертарных идей. Для этих целей им вручили значительную сумму денег — остаток от добытых в банке Хихона.

Во времена нашего повествования французский Анархокоммунистический союз (А.К.С.) располагался в доме на улице Петит, в 19-м округе Парижа. Он занимал нижний этаж с окном, выходящим на улицу; через стекло были видны выставленные для продажи книги и первая страница еженедельника *Le Libertaire*. Узкий вход, прикреплённые к стенам стеллажи, заставленные книгами и брошюрами анархистской литературы на французском языке. Внутри, на заднем дворе, располагалась комната, служившая и складом, и редакцией, и администрацией газеты, и секретариатом А.К.С. В течение дня там работал администратор — Северино Феррандель. Он занимался разными вопросами: продажей книг и газет, приёмом посетителей из Парижа или провинций, искавших материал для чтения или информацию, и т.д. По вечерам, после завершения каждодневной рабочей рутины, книжный магазин был наиболее посещаем. Среди вдохновителей-завсегдатаев был Луи Лекуан, занимавшийся защитой итальянских анархистов, осуждённых в Соединённых Штатах Америки и приговорённых к казни на электрическом стуле.

Аскасо и Дуррути, приехав в Париж, вечером направились на улицу Петит. Их приняли Феррандель и его юная подруга Берта Фаверт. Испанцы хотели встретиться с товарищами из секретариата А.К.С. Феррандель проводил их внутрь, где Дуррути и Аскасо познакомились с некоторыми из них и после краткого знакомства изложили свой план. Их выслушали с интересом, но в то же время с некоторой долей скептицизма. Проекты? Анархизм был богат на проекты, но чего не хватало — так это финансовых средств, чтобы претворить их в жизнь. Испанцы сразу же заявили, что располагают значительной суммой денег для начала первых операций. Такие конкретные основы сотрудничества повернули беседу в другое русло, и было решено провести ещё одно собрание, чтобы наметить определённые задачи для основания проекта издательства. Встреча состоялась через несколько дней, на ней присутствовали Себастьян Фор, Валериано Оробон Фернандес и Вирхилио Гоццоли. Испанцы со своей стороны вносили сумму наличными в пятьсот тысяч франков180. Был намечен план издать международный журнал на трёх языках (французском, испанском и итальянском), что положило начало Международному анархистскому издательству. Первым произведением этого издательства должно была стать «Анархистская энциклопедия» под редакцией Себастьяна Фора.

По окончании собрания, выйдя на улицу, Франсиско Аскасо и Буэнавентура задумались о своём будущем. На деньги, оставленные для собственных расходов, можно было протянуть один месяц. А месяц — короткий срок. Поэтому как можно быстрее надо было найти работу.

Если бы речь зашла об отчётности использованных денег, экспроприированных в Банке Хихона, то всё было использовано по назначению: приобретение «исторически важных ружей из Эйбара» и вклад в развитие Международного издательства. Естественно, испанская полиция предоставила разные, без конца повторяемые версии; это можно узнать из рассказа полицейского Эдуардо Комина Коломера, опубликованного много лет спустя в

книге, посвящённой полицейским, погибшим при исполнении долга. Этот комиссар описывает «злодеяния членов группы “Горнило” (Crisol)»: «В результате всех совершённых ограблений этой анархистской группы они разделили добычу по 15 тысяч песет на брата. Луис Муньос, уроженец Иниесты (Куэнка), отправил своим родственникам “лакомый кусочек” в две тысячи песет, которые “откладывал”, чтобы те купили земельный участок»¹⁸¹. Подтвердив, что Луис Муньос был одним из участников нападения на Банк Хихона, и поместив его в группу Crisol (ошибочное название), далее он в своём рассказе обвиняет того же Муньоса в смерти полицейского Лопеса Солорсано, за что тот был арестован 13 июня 1923 года. Грубая ошибка очевидна, потому что хорошо известно о дате нападения на банк в Хихоне — 1 сентября. В этом случае оплошность и клевета идут бок о бок с целью очернить анархизм в глазах «людей независимого мнения».

Франсиско Аскасо и Буэнавентура Дуррути обосновались в начале января 1924 года в Париже, а не в Марселе, как ошибочно опубликовала *La Voz de Guipúzcoa*. И нашли жильё не для того, чтобы совершать ограбления, как информирует та же газета, а жить на заработанные трудом деньги. Дуррути устроился механиком в мастерские Рено, а Аскасо, несмотря на его болезнь лёгких, — рабочим на фабрике, производящей свинцовые трубы, что ещё более усугубило его состояние. В то время во Франции среди эмигрантов преобладали выходцы из Испании. Причиной тому были диктатура и репрессии Мартинеса Анидо. Большая часть жила в средней Франции: Тулуза, Марсель, Безье и пр. В среде испанских анархистов вскоре возникла необходимость организовать свою деятельность. В действительности, организация и взаимопомощь среди политических эмигрантов из Испании существовали всегда. Ансельмо Лоренсо поясняет в своих воспоминаниях, что, когда ему в прошлом веке пришлось вынужденно уехать во Францию, едва прибыв в Марсель, он встретил группу испанцев, которые помогли ему устроиться верстальщиком в типографию. Также в 1918 году Дуррути, будучи беженцем во Франции, смог найти место благодаря поддержке анархистских групп на французской земле. После 1920 года, с ростом терроризма Мартинеса Анидо, число эмигрантов возросло, а после прихода к власти Диктатуры — ещё более. Таким образом, с уже существующими организационными структурами было проще пополнять их ряды новыми беженцами. Принимая во внимание всё возрастающие потребности, особенно в области пропаганды, далее мы расскажем о появлении печатных изданий, таких как *Liberación* («Освобождение»), переименованном затем в *Iberion*, так как первое было закрыто полицией; и *Tiempos Nuevos* («Новые времена»), которое позднее и по той же самой причине превратилось в *Voz Libertaria* («Голос либертариив»). Вся эта подрывная деятельность — пропаганда и различные акции — совпадает во времени с основанием мощной Анархистской федерации групп испаноязычных мигрантов, из недр которой позднее возникла Федерация анархистов Иберии (ФАИ). На основе этой анархистской организации испанских эмигрантов во Франции Аскасо и Дуррути, обосновавшись в Париже в 1924 году, в частности в квартале Белльвиль, где проживало много испаноязычного населения, начали свою работу.

Несмотря на постоянные репрессии в Испании, анархисты, вынужденные покинуть родину, не падали духом и не теряли надежды вскоре вернуться домой. Но думалось о возвращении не побеждёнными, а силой, способной свергнуть диктатуру в Испании. 30 декабря 1923 года НКТ собралась на пленарное заседание в масштабах страны, с тем чтобы организовать подпольную деятельность по всей стране. Уже на этом собрании, казалось, резко

обозначился раскол с пробольшевистскими членами организации, которые всё ещё пытались затормозить новую схему организации в условиях чрезвычайного положения в НКТ. Новости из Испании укрепляли оптимизм беженцев и придавали энергию усилиям для поддержки внутренних организационных структур. Но если в испанской среде мигрантов настроение было оптимистичным, то этого нельзя было сказать по отношению к другим анархистским группам, например, итальянцев и русских, которые передавали свои собственные проблемы французским товарищам. Яблоком раздора в основном была русская революция. Ей удалось внести раскол среди анархистов. Среди русских анархистов — потому что некоторые из них, хотя и признавали большевистские репрессии в Кронштадте и против Махно, всё же находили смягчающие обстоятельства; другими словами, подтверждая поражение, намеревались превратить анархистское движение в партию, впрыскивая большевистскую энергию и оправдывая эту меру достижением большей эффективности. А также среди итальянских коллег, хотя и другими путями; некоторые из них приходили к тем же выводам, что и русские. Ситуация усложнялась в связи с победой фашизма в Италии и необходимостью создать единый антифашистский фронт. Однако атмосфера среди итальянцев не была столь противоречивой благодаря позиции Энрике Малатесты, который выступал против большевистской диктатуры и её полицейских методов. Приезд Камило Бернери, сбежавшего из Италии, подкреплял аргументы Малатесты.

Но именно в самой Франции положение было очень серьёзным. Анархизм практически потерял своё влияние на французское рабочее движение. Социалисты главенствовали во Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Между тем коммунисты, с энтузиазмом применявшие на практике анархистские методы, укрепляли свои позиции в Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ). Заслуженные и известные деятели анархизма, такие как Пьер Монатт, поддались большевистским идеям и повели за собой значительное число анархистских и анархо-синдикалистских активистов. Они не принадлежали к французской Коммунистической партии, но, занимая промежуточную и двойную позицию, ослабляли анархистское движение, которое, в свою очередь, страдая комплексом неполноценности, постепенно уменьшалось; в его рядах царил полемик о принципах и целях, теории и практике. Пустые умничанья всё больше отделяли анархизм от каждодневной практики — такой путь ведёт не к жизни, а, напротив, к гибели...

Дуррути и Аскасо размышляли о процессе русской революции и были убеждены, что на её примере революционеры всего мира могли научиться, что нужно и что не нужно делать. Осуждать революцию с фаталистской точки зрения, заранее решая, что она неизбежно должна переродиться в диктатуру нескольких людей, означало отказаться в полной мере от революции и уверовать лишь в медленную эволюцию, которая бы следовала прямой линии прогресса; но история уже доказала ошибочность такой идеи. Более разумным было, как думали они, оценить исторический контекст, в котором в своё время произошла русская революция. На глобальном уровне её результаты следовали логике фатализма. Революция зародилась в обстановке войны, и сама война изменила её естественные свойства, перемалывая самую сознательную часть революционного авангарда, который, к сожалению, тоже не соответствовал либертарным идеям.

Из ужаса Первой мировой войны лишь большевистская партия смогла выйти, сохраняя стойкость своих структур; она была единственной организацией, которая в действительности обладала ясностью целей и направлений. Она стремилась к власти, подчиняя все свои действия, с постоянным их утаиванием под обманным лозунгом: «вся власть Советам». Придя к власти, большевики не могли вести себя иначе: прибегать ко всем уловкам, репрессиям и методам террора с целью удержания власти. Монополизация власти небольшой группой вела к подчинению огромного большинства. С того момента и с торжеством большевистской «контрреволюции», Кронштадт, а затем и Украина явились лебединой песней подлинной русской революции. Могло ли всё быть по-другому? Вполне возможно, но для этого было бы необходимо проникновение анархизма в души всех русских людей, как это произошло с украинцами и «кронштадтцами». Могло ли это случиться? Это был другой вопрос, требующий более глубокого анализа самой России и её проблем. Как Дуррути, так и Аскасо, более склоняющиеся к действию, чем к теории, не хотели блуждать в лабиринте предположений и возможностей. На кон была поставлена сама идея революции, и все их мысли и деятельность были отданы Испании.

Чем сильнее будет влияние анархистов в какой-либо революции, тем более освободительной будет она по своей сути. Таким образом, у обоих преобладала идея, что вместо бездействия и бесконечной полемики наиболее важным являлось развитие революционной способности эксплуатируемых капиталом и государством классов. Это были угнетённые классы, которые посредством восстания призваны пошатнуть экономическую, политическую и социальную структуру господствующей системы. Лишь от них зависели новые формы общественной и политической организации, которые могли бы родиться в результате такого крушения. Анархисты видели себя детонаторами тех ситуаций, которые могли стать опасными и от действия зажжённой спички привести к окончательному взрыву. Говоря другими словами: посредством непрерывной деятельности перейти от теории к практике. Так, революционная практика могла бы быть лучшей школой для революционной теории. Именно тема революции была главной в спорах Аскасо и Дуррути во время встреч с коллегами-анархистами любой национальности. Оба друга привносили струи оптимизма; теория уже не виделась как догма и превращалась в практику или саму жизнь. «Дорогу осилит идущий», — обычно говорил Аскасо, на свой манер трактуя выражение Малатесты «Вещи делаются из вещей». «Самое главное — не останавливаться», — обобщал он. Дуррути и Аскасо занимало такое количество вещей, что никто не мог бы сказать, что они посвятили себя лишь пустой агитации.

Пока Париж переживал времена разъяснений, в Испании, а особенно в Барселоне, настали времена репрессий, которые иногда были фатально кровавыми.

Либеральная каталонская буржуазия — та, которая поддалась убаюкиваниям и обещаниям Примо де Риверы об установлении там автономной администрации, — вскоре свернула себе шею. Пучи-Кадафалк, президент Содружества, был смещён с должности, а на его место, выжидая удобный момент, чтобы покончить с этим заведением, назначен сторонник монархии Альфонсо Сала. В мае 1924 года нанесли окончательный удар каталонским свободам: запретили использование флага и языка, а также упразднили само Содружество. В Каталонии не оставалось ничего, кроме самых реакционных воинств Франческа Камбó. Однако жестокость диктатора, хотя и сосредотачивалась на Каталонии, была направлена не

только на её либеральный класс. То, что на самом деле его не устраивало в Каталонии, — это её рабочий класс, а особенно НКТ. В частности, Мартинес Анидо, исполнительное звено Примо де Риверы, имел старые счёты с группой «Солидарные» и с момента занятия поста министра внутренних дел не оставлял намерений уничтожить её. Его операция благодаря сети осведомителей имела некоторый успех. Первым сигналом тревоги для «Солидарных» стал факт обнаружения полицией одного из складов оружия в рабочем квартале Pueblo Nuevo. После этого «Солидарные» предприняли целый ряд предосторожностей, отстраняя от своих операций лиц, которые могли показаться им подозрительными, но было уже поздно. Кольцо вокруг них постепенно сужалось, а 24 марта власти провели повсеместную облаву.

Грегорио Субервьела был захвачен врасплох у себя дома, но ему удалось отстреляться от нападения первых полицейских и даже спуститься по лестнице и пересечь улицу. Несмотря на это, преследователи, засевшие в соседских домах, прошили его тело пулями. Спасение было невозможно — его окружили спереди и сбоку. Так, посреди улицы, на виду у соседей один из самых преданных революционеров Памплоны¹⁸² погибал как неизвестный герой. Полиция так и не узнала, что чинила расправу над Грегорио Субервьелой — участником нападения на Банк Хихона и палача Хосе Регералю...

Марселино дель Кампо, Томас Аррате и другие активисты тоже были убиты, каждый встретил смерть на свой манер. К первому зашли в дом два полицейских в образе «преследуемых товарищей». Марселино сделал вид, что поверил им, и с целью помочь им в «службе» задумал план привести их в одно место, где бы их приняли «верные друзья». Он намеревался выманить полицейских за пределы Барселоны и там покончить с ними, но просчитался. Уже на улице на него напали несколько агентов, чтобы взять живьём. Марселино оказался ловчее. Быстро выхватив пистолет, он поразил двух полицейских, но сам оказался третьей жертвой перестрелки.

Полиция устроила облаву на дом Аурелио Фернандеса почти в то же самое время, когда погибли Грегорио и Марселино. Там вместе с Аурелио находились его брат Сеферино и Адольфо Бальяно. Все трое в наручниках спустились вниз по лестнице, но уже на улице полиция ослабила бдительность — быть может, обманутая лёгкостью проведённого ареста и не зная того факта, что только что арестовала самого Хереса (другого участника ограбления банка в Хихоне). Аурелио, пользуясь моментом, толкнул своего брата, и в тот же момент, пока полицейские удерживали Сеферино и Адольфо, смог скрыться в зигзаге узких улочек «Китайского квартала» Барселоны.

Доминго Аскасо — брат Франсиско, настоящий эксперт в области побегов и недоверчивый по характеру — интуитивно почувствовал приближение полиции по лестнице дома; он спустился с четвёртого этажа по канату, специально приготовленному для такого случая. Грегорио Ховер, недавно принятый в группу, скорее всего, был арестован полицией как простой пособник, и его охрана не была такой жёсткой; это обстоятельство помогло ему выпрыгнуть из окна полицейского участка.

Но если Мартинес Анидо полагал, что, проведя эту облаву, он добился развала «Солидарных», то глубоко ошибался. В строю оставались Рикардо Санс, Гарсия Оливер,

Аурелио Фернандес, Доминго Аскасо, Альфонсо Мигель, Грегорио Ховер и другие. Работа, выполнявшаяся Грегорио Субервьелой и Марселино дель Кампо, была передана Альфонсо Мигелю и Рикардо Сансу.

Однако было невозможно обнаружить, где скрывался Доминго Аскасо. Гарсия Оливер целыми днями искал его, но безрезультатно. Но тут, к его великому удивлению, сам Доминго нашёл его. Гарсия сообщил ему о предстоящей поездке в Париж; там, вместе с Франсиско и Дуррути, он должен был работать над подготовкой революции в Испании. При расставании Гарсия спросил у Доминго, где он прятался всё это время, и тот сказал: на кладбище Пуэбло Нуэво. Действительно, на этом кладбище работал могильщиком один арагонский старик, близкий друг Доминго, и именно он спрятал беглеца в одном могильном склепе. Прощаясь с Оливером, Доминго сказал ему: «Самое надёжное убежище — среди мёртвых, ведь они молчат»¹⁸³.

Примо де Ривера, ошибочно пытаясь подчинить всё и вся закону, своими преследованиями каталонизма добился лишь увеличения сторонников анархистских групп в их борьбе против диктатуры.

Каталонисты из группы Estat Catalá («Каталонское государство»), основанной полковником Масиá в 1922 году, в силу факта запрещения родного флага и языка вышли на связь с анархистами и даже, по сведениям Рикардо Санса, вошли в состав Революционного комитета, действовавшего в ту пору в Барселоне¹⁸⁴. Спустя некоторое время совместной борьбы с группами Estat Catalá и после описанной выше полицейской облавы, в мае того же года НКТ созвала национальное пленарное собрание в Сабаделле. Пленум прошёл без происшествий, однако почти под конец заседания полиция ворвалась в здание, где он проходил. Несмотря на это, в связи с мерами предосторожности, принятыми заранее, бóльшая часть делегатов смогла скрыться. Гарсии Оливеру, также присутствовавшему на пленуме, удалось сбежать, но его арестовали на станции. Его судили, вынесли приговор, переведя в тюрьму Бургоса, где он пробудет семь долгих лет. Миссия Доминго Аскасо, направленная на ускорение революционных процессов, состояла в осуществлении по-настоящему дерзкого плана: начать в Пиренеях Каталонии партизанскую операцию, и таким образом способствовать революционному подъёму в этом районе, освобождая сотни заключённых анархистов в тюрьме Фигерас. Параллельно с пиренейской операцией, была намечена другая акция с применением силы, в Барселоне, при поддержке военных из военной части в Атарасанас. Для успеха дела в Барселоне, они рассчитывали на оружие, закупленное в Эйбаре и складированное в порту Барселоны¹⁸⁵.

Доминго Аскасо поведал об этом замысле Дуррути и Франсиско. Те только и ждали случая, чтобы начать действовать. Кроме того, атмосфера Парижа уже начинала тяготить: собрания шли одно за другим, без видимых практических результатов. Дружья загорелись планом, хотя и понимали рискованность затеи. Однако, как посоветовал Доминго, сначала было необходимо постепенно проверять сотоварищей и не раскрывать никому истинных задач, с целью создать благоприятную атмосферу и раскрыть намерения проекта тем людям, которым уже можно будет доверять. Впоследствии, Доминго сразу же сообщит о ситуации через прямого связного.

Таким связным оказался Грегорио Ховер, который в июле 1924 года, приехал с уже достаточно продвинутом проектом. В Барселоне, все группы выразили своё согласие, и даже военные, приверженцы борьбы, подтвердили свою готовность выступить против диктатуры. Товарищи, с которыми заведомо наладили связь в Париже, были созваны на «важное собрание». Когда все собрались, Грегорио Ховер проинформировал присутствовавших о планах. Никто не высказался против, и все подтвердили своё желание выступить в партизанской операции.

На этом собрании назначили комиссию, призванную организовать экспедицию и приобрести оружие. Были избраны два брата Аскасо, Дуррути и Гарсия Виванкос, который оказался самым эффективным для такой операции; ему удалось наладить контакт с бельгийским торговцем оружием, который продавал ружьё и 100 патронов за 30 франков каждое¹⁸⁶. К концу сентября был закончен план атаки на Пиренеях. Было закуплено оружие (каждый участник внёс деньги для этой цели), но то были не ружья, а винтовки, и в малом количестве; в основном преобладали пистолеты различных калибров.

Пока в Париже дело шло вперёд, в Барселоне возникали трудности: у военных, выразивших готовность поддержки, падал дух, и никак не удавалось забрать оружие с портового склада; возникала рискованная ситуация, при которой груз мог быть возвращён оружейнику из Эйбара, якобы по фамилии Сулета. С другой стороны, стали поговаривать о недостаточной уверенности в создании революционной атмосферы в среде барселонского рабочего класса, — движущей силы социальной борьбы в Испании.

Когда вести из Барселоны дошли до Парижа, некоторые из сторонников плана почувствовали неуверенность. Такие настроения дали себя знать на специально созванном для обсуждения этой темы собрании. Те, кто действительно были уверены в успехе, представили свои аргументы сомневающимся. Наиболее заинтересованными были Дуррути и Аскасо, — быть может, потому, что их оптимизм требовал от них постоянного создания ситуаций, в которых они могли бы жить активно. Несмотря на это, в той ситуации, наверняка сопряжённой с риском для жизни, было трудно заставить кого-либо принять решение. Однако, в конце собрания выступил Дуррути, и не с целью переубедить кого-либо, а для уточнения вопросов, которые он считал элементарными для революционера:

“ «Когда, как и каким образом мы можем узнать, что “дело” созрело? Это правда, что новости из Барселоны не очень обнадеживающие. Но не менее верно и то, что существуют и продолжают назревать надлежащие условия для революционного действия. По крайней мере, в Каталонии, и в частности — Барселоне. Диктатор поднял руку на каталонизм, и это прибавило нам союзников, на которых раньше мы и не рассчитывали. Он изгоняет таких интеллигентов, как Унамуно и Сориано, сеет недовольство в слоях среднего класса и практикует самый бессовестный фаворитизм. Война в Марокко продолжается, а солдаты не хотят идти умирать в Марокко. Разве вы не видите во всём этом элементы, которые, наряду с положением крестьян в некоторых областях и положением рабочих, указывают на положительные моменты? Да, есть и негативные, но не менее верно то, что столкновение

положительного с отрицательным порождает искру. Мы имеем право и обязаны столкнуть между собой отрицательное и положительное и создать искру. Это авантюризм? Тогда я говорю вам, что не существует революции, которая не была бы инициирована “авантюристами”. Возможно, что на этот раз мы ошибёмся и заплатим жизнью, или сгниём в тюрьме; возможно, что за этим поражением последуют другие; но в чём я уверен, так это в том, что каждый такой момент — это шаг, приближающий нас к всеобщему восстанию, и что наша акция не была бесполезным событием».

И в заключение сказал:

“ «Я не хочу никого убеждать, потому что поступок такого рода может быть совершён людьми, уверенными в основополагающих принципах, о которых я говорил сегодняшним вечером».

Выступление Дуррути, на самом деле, не имело целью поощрить или зажечь моментальный энтузиазм. Его речь не была не пламенной пропагандой политика, а просто открытым разговором в среде революционеров. Как были поняты его слова? Мы этого не знаем, но верно то, что все сторонники плана явились в назначенный день 187. Спустя несколько дней после этого собрания, присоединились, как сказал Дуррути, - новые полезные элементы для участия в повстанческой операции. Унамуну и Сориано, сбежавшие с Канарских островов, прибыли в Париж. Директор Le Quotidien предоставлял страницы своей газеты обоим деятелям интеллигенции, для того чтобы они смогли излагать свои критические идеи о диктатуре и социально-политическом положении в Испании. Известный валенсийский писатель Висенте Бласко Ибаньес, быть может, устыдившийся своей обособленной жизни в Ментоне, смело вышел на первый план; его подпись стояла под брошюрой, изданной на французском языке, разоблачающей Альфонсо XIII и милитаристский террор в Испании.

Так, была подготовлена почва для повстанческой операции. Один из участников этого рискованного замысла, Орбон Фернандес, описывает то время:

«В Париже, Лионе, Перпиньяне, Марселе и всех французских городах с анархистскими группировками, с нетерпением ждали телеграмму.

Кто пережил эти моменты революционного пыла, никогда не сможет их забыть. Мы все знали, что по получении телеграммы, должны были собраться на границе и пересечь её, сопротивляясь пограничным войскам. Все знали, что придётся столкнуться с многочисленными, хорошо организованными частями, и лучше нас вооружёнными; и что многие должны были положить свои жизни, даже если бы революционная операция имела бы успех. Но нам было всё равно! Свобода стоит многих жизней!” «Телеграмма пришла. Товарищи пустились в путь, в группах по десять или двенадцать, всё их вооружение составлял пистолет, купленный благодаря неизвестно скольким ограничениям по отношению к себе. На станции Quai d’Orsay —, месте отъезда для тех, кто жил в Париже, — мы увидели Аскасо (Доминго), вручавшего билеты отъезжающим товарищам, и он сам сел в поезд с последней группой, неся тяжёлые чемоданы с двадцатью пятью «Винчестерами», — самыми длинноствольными оружиями в этой экспедиции».

«Товарищи из Барселоны, как и было намечено, попытались атаковать артиллерийскую казарму в Атарасанас. Чтобы не привлекать внимание до начала штурма, было решено приблизиться маленькими группами и в шесть утра атаковать ручными гранатами. Атарасанас, — 5-й округ Барселоны, — постоянно был под сильным надзором полиции. Там всегда возводились первые баррикады. В этом квартале находились: типография Solidaridad Obrera («Рабочая солидарность»), редакция печатных изданий: Tierra y Libertad («Земля и свобода») и Crisol («Горнило»); профсоюзные центры рабочих деревообрабатывающей промышленности и строителей, жилые дома целого ряда товарищей, которые предпочитали жить рядом со своими организациями и газетами. В силу такого строгого надзора и, несмотря на принятые предосторожности, полиция наверняка что-то заподозрила. Одна из групп, направлявшаяся к казарме, столкнулась с гвардейским патрулем, и им предъявили ордер на арест; началась перестрелка, в результате которой погиб один полицейский и ещё один был ранен. Завыла сирена тревоги, прибыло подкрепление, и полиция, мобилизуя всех агентов, вооружённых пулемётами, окружила казарму. Запланированный штурм не удался. Товарищи Монтехо и Льясер, задержанные поблизости, были представлены суду без надлежащего судебного разбирательства и тотчас же казнены. Они смело встретили свой последний час. С провалом акции в Барселоне, мы, продвигавшиеся по направлению к границе, поняли, что у нас не было ни малейшей надежды на успех. Поскольку дорога к пунктам Вера и Эндайа была короче, товарищи, выехавшие к этим пунктам, прибыли на восемнадцать часов раньше тех, кто направлялся к другим пограничным пунктам. Дали отпор первому отряду, но затем, застигнутые врасплох более многочисленными подразделениями, были вынуждены отойти с боем. В схватке погибли два товарища, один был тяжело ранен и некоторые арестованы два дня спустя; несколько человек из задержанных казнены в Памплоне, и над остальными ведётся судебный процесс. Слушания начнутся, как только события будут преданы гласности».

Те, кто должны были атаковать на границе, в Фигерас и Хероне, прибыв в Периньян, прочли в газетах сообщения о событиях в Вере. Они поступили с опозданием на восемнадцать часов! Многие из той тысячи товарищей, собравшихся в Периньяне, были вынуждены рассеяться, других арестовали, и лишь пятьдесят из них смогли пройти через цепи охраны и добраться со своими чемоданами, нагруженными «винчестерами» и боеприпасами, до подножья Пиреней, где к ним присоединился один соратник из некой испанской деревушки, который должен был провести их через горы в Фигерас: там по плану намечалось напасть на тюрьму, в которой содержались многие товарищи, среди них, Элиас Гарсия, Педро Матеу, Санчо Алегре, Класку, осуждённые из Кульеры. Человек, который должен был быть нашим проводником, сообщил плохие вести: несколько воинских подразделений дислоцировались вдоль границы, с пулемётами и артиллерией. Власти предприняли жёсткие меры обороны; и если нападение не совершалось неожиданно, что являлось одним из главных факторов успеха, то реализация плана была невозможна.

“ «Плача от злости и немного пристыжены тем, что потерпели поражение, так и не начав бой, мы вернулись на исходные позиции. В тот день, высоко в горах, на тысяче метров над уровнем моря, я видел слёзы многих из этих пятидесяти мужчин, сожалевших о том, что не смогли отдать свои жизни революции. Аскасо был среди них. Дуррути — в группе товарищей в Вере.

Ховер вместе с другими атаковал казарму в Атарасанас в Барселоне. Это была наивная, неуклюжая попытка, всё что хотите; но в этих людях горела большая революционная страсть. Поэтому они заслуживают всеобщего уважения. Они всего лишь потерпели поражение. Сколько раз мы терпели поражение! Но в конце концов, мы победим!»188.

Что значит быть побеждённым? По отношению к чему? Те люди, которые в Барселоне и Пиренеях с оружием в руках восстали в том ноябре 1924-го, не боролись за власть, и даже не думали, что они приведут к гибели саму диктатуру. Единственное, что они хотели доказать, — это то, что пришло время избавиться от страха. И им это не удалось, потому что те, которые должны были победить свои опасения, были ими же побеждены. Вот и всё. Альфонсо XIII и его диктатор, без сомнения, были сильно напуганы. Вскоре это было доказано самими фактами. Мартинес Анидо послал эмиссаров во Францию, чтобы распространить слухи среди мигрантов: прошедшая операция была делом полиции. Таким образом он намеревался обесславить организаторов акции. Вместе с этой клеветой, правительство Альфонсо XIII предприняло более эффективную уловку: оказать давление на французское правительство с целью принять меры против испанских анархистов во Франции.

Результаты таких мер скоро стали заметны: проверки по месту жительства, аресты и экстрадиции. Активисты, наиболее скомпрометированные в последних событиях, скрылись в Бельгии; другие же отплыли в Южную Америку. Аскасо и Дуррути, несмотря на усиленные розыски полиции, не хотели покидать Францию без точных новостей о событиях в Барселоне и новых планах Революционного комитета. В ожидании информации, они укрылись в окрестностях Парижа, в доме одного из анархистских активистов из Парижа, предоставившего им убежище.

Ждать пришлось недолго. Рикардо Санс, посланный Революционным комитетом из Барселоны, с заданием рассказать Аскасо и Дуррути о тяжелейших условиях, переживаемых революционной организацией, и срочной необходимости финансовой поддержки. Поездка по Южной Америке, наверняка могла пробудить интерес испанских эмигрантов к событиям в Испании и послужить отправной точкой для сбора средств. К концу декабря 1924 года, снабжённые поддельными паспортами, Дуррути и Аскасо отплыли из Гаврского порта, в Америку....

Глава XI. Геррильерос в Южной Америке

Остановка в Нью-Йорке была короткой — лишь для того, чтобы пересесть на пароход, плывший на Кубу. Но не этот Антильский остров был пунктом назначения Аскасо и Дуррути, а Аргентина. Однако, ступив на сушу, они решили остаться на несколько дней в Гаване. Рикардо Санс достал им адрес одного испанца, проживавшего в той столице, фанатика анархистских идей. Речь шла о Х. А. Он был молодым, как и они, однако изза чрезмерной щепетильности, не разделял идей о применении насилия — и, иными словами, был анархистом-эволюционистом. Х. А. по-братски принял Дуррути и Аскасо и предоставил свой дом в их распоряжение, но вскоре между ними начались споры в отношении методов. Х. А., как и другие испанские анархисты на Кубе, считал, что деятельность анархистов сводилась к образованию, и что любое другое действие для сокращения перехода к либертарному обществу было безрезультатным, в силу недостаточного культурного уровня бедных слоёв населения. Нищета и отчаяние, царившие в стране среди простых работников, могли спровоцировать взрывы народного гнева, но не более того, так как не хватало теоретической зрелости. «Самое важное в таких условиях», — говорил он Дуррути и Аскасо, — это пропаганда, распространение анархистских идей, проникновение этих идей в умы рабочих. «Ваш проект, — продолжал он, — обречён на провал. Испанские и кубинские рабочие, несмотря на их нищету, с удовольствием отдадут вам несколько песо, и ничего более. Не ждите чего-либо ещё. А если вы задумаете взяться за общественную агитацию, то, скорее всего, вас выдворят из страны, или посадят в тюрьму, а на Кубе очень трудно будет выйти на волю, разве только ногами вперёд»¹⁸⁹.

На Кубе, в ту пору правил Херардо Мачадо; — тиран, ничем не отличавшийся от себе подобных, который удерживал власть благодаря насаждаемому террору. На первый взгляд, Куба казалась в каком-то роде процветающей страной. Так лучше скрывалось господство капитала янки, — как на селе, так и в городе. Но достаточно было зайти в таверны и рабочие кварталы, чтобы убедиться в моральной и материальной нищете. Проституция была повсеместной и, более того, поощрялась самим режимом. «Пропаганда — необходимая деятельность, — говорили Аскасо и Дуррути, — но если теория не идёт бок о бок с практикой, то это мёртвая буква. Более того, именно в силу огромного числа неграмотных, к которым и направлена эта пропаганда. К тому же, если пропаганда не имеет поддержки со стороны организации, печатные издания оказываются беззащитными перед беззаконием: их закрывают, уничтожают, а издателей заключают в тюрьму». Пессимистичные настроения кубинских анархистов, — по крайней мере тех, с кем беседовали Дуррути и Аскасо, — не оставили следов в их сердцах. Почему Куба должна была отличаться от Аргентины, Уругвая, Чили или Мексики? Кроме того, кубинский народ ранее мужественно боролся за свободу против испанского колониализма и победил. Потом попал в зависимость от доллара? Это не исключало первого, а, напротив, необходимо было доказать, что невозможно бороться лишь

за так называемую политическую независимость, — надо было также распространить борьбу на экономическую сферу. И что независимость такого рода не могла быть достигнута политическими средствами, предлагаемыми буржуазией. Декolonизация не решила ни одной проблемы, так как оставались нетронутыми экономические структуры и круги власть имущих. Никакая теория, кроме анархизма, не была более подходящей для разоблачения ошибочного выбора решений либеральной буржуазии и одновременно указывала на более простые пути, ведущие к истинному освобождению человека. Однако эти критические идеи анархизма, утверждали Дуррути и Аскасо-, не могут оставаться лишь в тесном кругу их сторонников. Напротив, их необходимо вынести к широким массам, вести энергичную пропаганду, проникать в среду людей труда как на селе, так и в городе: то, что написано в книгах, должно превращаться в практические действия. Так как Аскасо и Дуррути были более расположены к практическим действиям, чем к теории, они нанялись на причалах портовыми рабочими для разгрузочных работ, а также для того, чтобы иметь возможность общения, жизни с трудовым людом в тавернах, лачугах, служивших им домами. Вскоре оба испанца вошли в доверие к своим товарищам по работе. Особенно это удалось Дуррути, благодаря его сильной фигуре и готовности помочь слабым. От каждодневного труда и жизни с простыми рабочими, они перешли к доверительным рассказам об унижениях и нищете, о разочарованиях в тех деятелях, агитирующих на борьбу и потом оставляющих их на полпути. Фатализм существования партий обрекал их на вечный тяжкий труд, в ожидании смертного часа, который избавлял от всех страданий судьбы, — такими были заключения всех бесед. Суеверие и фатализм были главными препятствиями в любой попытке разъяснить рабочим способы и выходы из той моральной и материальной нищеты. Когда речь заходила об организации, профсоюзах, объединении, неотвратимо появлялось воспоминание о каком-либо лидере или лидерах, предавших рабочих, или же о мрачных картинах заключения в тюрьму в наручниках: («оттуда не выйти никому, разве только мертвецам»).

Тем не менее ни Аскасо, ни Дуррути не разделяли пессимистических настроений и всякий раз принимались заново убеждать своих товарищей по работе, что их утверждения о руководителях и заключении в тюрьму верны, но именно поэтому, чтобы не стать ещё раз жертвой обмана, они не должны ни верить свои судьбы профессионалам от политики, ни бунтовать в одиночку. Когда во главе какого-либо профсоюза стоит «профессионал», он предаёт их интересы, а когда рабочий протестует в одиночку, его сажают в тюрьму или избивают до смерти. Выход в том, чтобы профсоюз организовали они сами и были этой организацией, не принимая незнакомых лиц в её ряды незнакомых лиц, — тех, кто сам не испытал на себе тяжесть эксплуатации человека человеком. Кроме того, нужно восставать не в одиночку, а всем вместе. «Если профсоюзом являетесь вы сами, — объясняли Дуррути и Аскасо, — и все вы живёте постоянно начеку, удаляя из ваших рядов тех, кто незаметно пытается навязать вам своё лидерство, то вы таким образом избежите создания самой фигуры лидера. Если вы будете действовать сообща, провозглашая и требуя ваши права, у диктатора Мачадо не хватит ни полицейских агентов, чтобы избить всех, ни тюрем, чтобы засадить всех туда». Постепенно, разъясняли всё простым языком, действуя просто и ясно, донося такие идеи до людей: «Ваша свобода станет реальной в тот момент, когда вы сможете сами вести свою борьбу, без руководителей ни лидеров». Мысли об организации проникали в сердца портовых рабочих и материализовались в самостоятельное объединение. Для более эффективной работы организовали федерацию с другими рабочими

организациями такого же типа, уже существующими среди работников табачной и пищевой промышленности. На собраниях и ассамблеях портовых рабочих Дуррути проявил свои агитаторские таланты. Простые, но энергичные и сокрушительные фразы, речи, более похожие на удары топора, чем на ораторские приёмы, с первого момента пробуждали интерес слушателей и поддерживали глубокую связь с аудиторией. Его имя становилось всё известнее, однако, к несчастью, не только в среде простых людей, но и полицейских служб. Опасность ареста казалась неизбежной, и поскольку ни он, ни Аскасо не желали попасть в руки полиции, то было принято решение исчезнуть из Гаваны, в сопровождении одного кубинского парня, вызвавшегося послужить им проводником в провинциях острова. Выехав за пределы Гаваны и прибыв в район Санта-Клары, они нанялись на уборку сахарного тростника в поместье, расположенном между Крусе и Пальмирой. Спустя несколько дней их работы рубщиками тростника, на этой усадьбе началась забастовка рабочих. Причина была в том, что владелец плантаций под предлогом понижения цен на сахар снизил заработок рубщиков. В знак протеста рабочие объявили забастовку. Об этом оповестили хозяина, и он приказал собрать всех рабочих перед господским домом. Надсмотрщики верхом на лошадах объявили работникам о приказе. Хозяин выступил перед бастующими и упрекнул их в том, что идут на поводу у типов, хорошо ему знакомых, — зачинщиков и руководителей бунта. Приказчики привели якобы организаторов забастовки в ближайший полицейский участок той сельской местности. Через час, сельские жандармы доставили едва живых от побоев рубщиков тростника, и те упали у ног своих товарищей.

«Ещё кто-нибудь желает протестовать? — выкрикнул помещик. А кроме того, — добавил он, — то время, что вы потеряли, будет вычтено из вашего заработка. Всем быстро! Работать!» Приказы раздавались, как удары хлыста. С поникшими головами, батраки побрели вглубь плантации, за ними шёл полицейский. Дуррути и Аскасо находились среди удручённых батраков. Рубя тростник, они поделились впечатлениями с кубинским другом, и все трое пришли к одному выводу: необходимо было проучить господина — владельца плантации, — и заодно предупредить его коллег. На следующий день, утром, нашли хозяина, заколотого насмерть, и с запиской «Правосудие “Странников”». Сельская полиция (“руралес”), узнав о случившемся, организовала преследование «вершителей правосудия», но те, встав ещё до рассвета, уже прибыли в провинцию Камагуэй. Новость о расправе распространилась с быстротой молнии, и одновременно слухи добавляли больше деталей. Так, говорили, что «банда испанцев под названием “Странники” казнила полудюжину плантаторов, плохо обращавшихся со своими работниками». Для “руралес” было делом чести схватить «убийц». Они воображали, что казнь на виду у всех, послужит хорошим уроком возможным последователям их примеру.

В процессе поиска раздавали удары направо и налево. И под предлогом укрывательства и помощи «Странникам» со стороны некоторых крестьян, избивали подозреваемых и поджигали их хижины.

“Руралес” сходили с ума от бешенства видя, что их попытки схватить виновников безрезультатны. Эта злость возросла ещё больше, когда стало известно о том, что в районе Холькин нашли мёртвым одного приказчика-храбреца с запиской: «Это убийство — дело рук “Странников”». Новое покушение вконец запутало полицию и до смерти напугало помещиков, которые засели в своих дворцах-усадебках, повсюду видя угрозу своей

жизни»¹⁹⁰. Пока «Странников» разыскивали в провинциях острова, им удалось добраться до Гаваны, с тем чтобы как можно быстрее вырваться из этого опасного окружения. Как они сумели обвести вокруг пальца полицию Мачадо, нам известно из рассказа одного свидетеля: «Видя, что уже невозможно оставаться на Кубе, они решили отправиться в Мексику. С этой целью арендовали маленькую моторную лодку для прогулки по морскому побережью, но, выплыв в залив, потребовали хозяев лодки доставить их к рыболовным судам, готовившимся к выходу в море. Испугавшись, хозяева лодки подплыли к одному из кораблей. Дуррути и Аскасо, забравшись на него, заставили владельца поднять якоря, взяв на борт двоих лодочников. Выйдя в открытое море, с пистолетом в руке, потребовали от рыболова взять курс на Мексику. Так доплыли до берега Юкатана, где и высадились, щедро вознаградив кубинских моряков.

Высадка оказалась непростым делом. Двое или трое сотрудников налоговой службы заметили их прибытие. Им показалось, что речь идёт о контрабандистах, и они решили отвести их в порт Прогресо для сдачи властям. По дороге Дуррути предложил им деньги в обмен на свободу (...). Предложенная сумма заинтересовала налоговых агентов более, чем выяснение того, были ли задержанные контрабандистами или нет. Пользуясь подсказкой самих агентов, наши друзья прибыли в Мериду, а оттуда — в Прогресо, где сели на корабль курсом на Веракрус»¹⁹¹. По прибытии в Веракрус, в порту их встретил один мексиканский анархист по имени Миньо, из чего можно сделать вывод, что Дуррути, либо Аскасо ранее написали в Мексику, предупреждая о приезде в Веракрус. Миньо сопровождал их в столицу Мексики, а после — к Рафаэлю Кинтеро, одному из руководителей мексиканской НКТ, который принимал прямое участие в революции с Эмилиано Сапатай. В то время Рафаэль Кинтеро был владельцем типографии, на площади Миралье, 13, и там он предоставил друзьям временное убежище¹⁹². Через несколько дней, Кинтеро отвёл их в НКТ, которая в то время располагалась на площади Вискаинас, 3. Тем вечером на собрании обсуждались экономические трудности печатного издания НКТ. Не говоря ни слова, «Странники» сделали взнос размером в сорок песо, для нужд газеты¹⁹³. Это собрание омрачило настроение двух «Странников», — и не только из-за скудных средств, но также ввиду недостатка динамизма в среде самой анархо-синдикалистской организации. Было видно, что товарищи жили за счёт мексиканской революции, но от последней оставались лишь воспоминания. Лучшие революционеры погибли, а выжившие приспособились к новой ситуации: некоторые из них использовали своё славное прошлое перед «новой революционной властью». И власти, со своей стороны, вознаграждали их назначением на бюрократические посты. Таким образом, например, некоторые бывшие анархисты служили губернаторами. Казалось, все адаптируются к новым условиям. Только друзья Флореса Магона, скончавшегося три года назад в одной из тюрем янки, действительно сохраняли дух анархизма, не забыв идеологический принцип Магона: «революция не идёт в ногу с законом, настоящая революция, как правило, вне закона», как писал он сам в своих работах, изданных уже после его смерти¹⁹⁴. Очевидно, что те, которых постоянно преследовали, и были этими последователями Магона... Именно среди таких людей Дуррути и Аскасо нашли приют и поддержку. Пребывание в доме Рафаэля Кинтеро продлилось несколько недель, — в ожидании Алехандро Аскасо и Грегорио Ховера, прибывших в столицу Мексики в конце марта 1925 года. Когда все четверо были в сборе, то приняли решение выехать за пределы столицы. Кинтеро предложил обосноваться на маленькой ферме в Тикомане. Владелец фермы, Роман Дельгадо, принял четырёх анархистов и представил их местной анархистской

группе, среди членов которой были Николас Берналь, уже упомянутый Дельгадо, Эрминия Кортес и другие¹⁹⁵.

В апреле 1925 года произошло нападение на прядильную фабрику «Ла Каролина». С того момента, свидетельства проконсультированных нами лиц совпадают и говорят о факте передачи денег на финансирование публикаций НКТ и основание Рационалистской школы, на манер тех, которые организовал в Испании Франсиско Феррер и Гуардия в 1901 году. «Прошло несколько недель, и о них — ни слуха, ни духа. Вдруг появляются в элегантных костюмах, на авто марки “Бьюик”, немного подержанном. Дуррути спросил: “Опубликовали газету?” Ему сказали: “Да.” Тогда он попросил вышедшие номера. “Всё ещё есть трудности с деньгами?” — “А ты думаешь, нет?” Ответом Дуррути была большая сумма денег. Но тут Дуррути заметил подозрительные взгляды; и, чтобы свести на нет сомнения среди мексиканских товарищей, показал им письмо Себастьяна Фора, которое носил при себе в кармане, где говорилось о вручении значительной суммы на нужды общественной библиотеки»¹⁹⁶. Ещё один свидетель рассказывает об этих временах: «Сюрприз — так начинался рассказ товарища С. В., о бурной жизни Дуррути. — Он пригласил меня обедать в ресторан, и при этом попросил облачиться в мой самый лучший костюм, потому что мы шли в один из главных портовых ресторанов. Я отказался не из-за щепетильности, а из неприятия ко всему тому, что не соответствовало моему образу жизни и идеям активиста. Но он настаивал и объяснил, что ему необходимо поговорить со мной; что не мог пригласить меня в скромное заведение, так как прибыл в Тампико в образе богача. Я принял приглашение, заинтригованный, и должен сказать: “Почему бы и нет?” — из-за любопытства и желания отведать блюда, вкус которых почти забыл. Уже за десертом, Дуррути сказал мне: “Что вы думаете о возможности располагать тысячами и тысячами песо для сотни школ, по образцу основанных Профсоюзом нефтяников?”

“Мигель, это неосуществимая мечта” — ответил я. (Под именем Мигель Дуррути жил в Мексике.)

“Это не будет просто мечтой: может быть, мне удастся вручить вашей организации сто тысяч песо”.

Дуррути по-настоящему любил детей и поэтому рисковал жизнью, отнимая деньги у банков, чтобы содействовать росту культуры.

Расставаясь, он мне сказал:

“Давай, парень. Я знаю: вы — настоящие мужчины, и пойдёте на всё ради ваших идей. Смотри, мы — «Странники» — работаем бесшумно, рискуем жизнью, чтобы служить нашим идеалам. У вас всё по-другому: вы боретесь с государством в рамках закона; а мы атакуем его или бросаем ему вызов за пределами закона»¹⁹⁷.

Ещё одно свидетельство, — более конкретное, — в связи с нападением на контору фабрики «Ла Каролина», напечатано в журнале Ruta («Путь») из Венесуэлы, номер 38: «Старые мексиканские друзья всё ещё вспоминают пребывание Дуррути в столице ацтеков, и в основном по двум причинам: во-первых, Дуррути был одним из пламенных агитаторов

мексиканской НКТ, руководимой в те времена Хасинто Уитроном, Рафаэлем Кинтеро и горсткой других мексиканских либертариев; во-вторых, он смог завоевать их симпатии благодаря своей естественной скромности и подлинной приверженности идеалам». Автор статей, Виктор Гарсия, рассказывает о трудностях, с которыми сталкивалась НКТ в процессе организации рационалистической школы. Он пишет:

“У Дуррути был дар чувствовать проблемы, много раз благодаря интуиции. Он почувствовал подавленное состояние этих товарищей, настоящих энтузиастов, и попросил в личной беседе с членами Совета НКТ разрешения на поиски выхода из трудной ситуации. На вопрос: каким образом? ответил, что скажет попозже. Через два дня Дуррути вручает значительную сумму денег Комиссии по делам школы со словами: “Эти песо я отнял у буржуазии... Было бы нелогичным думать, что они отдали бы мне их просто так, по моей просьбе”. На следующий день, огромные заголовки газет в мексиканской столице сообщали о нападении на фабрику “Ла Каролина”. Приводились точные цифры украденных денег. Это была та сумма, — ни больше ни меньше, — которую передал Дуррути за день до того друзьям Рационалистической школы»¹⁹⁸.

Естественно, когда деньги добываются таким способом, как это делали «Странники», не всегда всё получалось гладко. В нападении на «Ла Каролина», кассир взял телефонную трубку, чтобы позвонить в полицию. Завязалась борьба, в потасовке раздался выстрел, и служащий погиб. Дело усложнялось, так как уже было совершено несколько нападений — одни удачные, другие нет, — поэтому «Странники» приняли решение покинуть Мексику как можно быстрее, и не из-за опасений полицейских облав: их проводили в бедных кварталах, в то время как Дуррути, по профессии — “владелец горных разработок из Перу под фамилией «Мендоса», и Аскасо — его сопровождающий — поселились в роскошном отеле.» В один прекрасный день, налегке, с поддельными паспортами и почти пустыми карманами они покинули гостиничный номер, оставляя для Мендосы оплату счёта; удаляясь от Мексики, чтобы вернуться на Кубу»¹⁹⁹.

Май месяц 1925 года... положение для четырёх испанцев было не из лёгких, по рассказам Атанасии Рохас: «Они были вынуждены продать целый ряд вещей, среди которых был и автомобиль, чтобы купить билеты до Кубы». На Кубе не могло быть безопасно, ввиду их предыдущей деятельности, поэтому они оставались на острове только самое необходимое время, чтобы совершить нападение на Банко де Комерсио в Гаване и немедленно отплыть с билетом на пароходе «Оропеса и Орьяна» по направлению к Вальпараисо, (Чили), где должны были встретиться с Виктором Рекобой и Антонио Родригесом. Эта встреча не состоялась из-за отсутствия последних в Чили. Здесь следы двух героев теряются...

На корабле из Гаваны в Вальпараисо также путешествовал некий жокей, француз по национальности. Познакомившись с ними, принял их за испанцев, ехавших в Чили по делам. Мы упоминаем об этом персонаже, потому что он был первым осведомителем чилийской полиции, после событий, о которых позднее пойдёт речь. 9 июня 1925 года «Орьяна» прибыла в Вальпараисо, а 16 числа следующего месяца происходит нападение на филиал

Банко де Чиле в Матадерос. Пройдём по следам Дуррути и Аскасо, согласно полицейской сводке: «Были заняты на различных работах до самого дня нападения на банк, и после этого, то есть, с 16 июля до первых чисел августа, продолжали работать. Более того, хозяйка маленькой гостиницы, где они остановились, дала показания полиции: это были пять воспитанных мужчин, постоянно говорили о социальной борьбе и называли самих себя испанскими революционерами; путешествовали по странам Америки в поисках средств для финансирования борьбы против испанской монархии»²⁰⁰.

Ограбление филиала Банко де Чиле в Матадерос произошло 16 июля 1925 года, и было похищено, по данным чилийской полиции, 46. 923 чилийских песо.

“ «Неизвестные, — рассказывает полицейская сводка,— после кражи денег скрылись в автомобиле на большой скорости, с выстрелами в воздух, создавая панику в этом многолюдном месте. Один из служащих банка смог привстать, когда автомобиль трогался. Один нападавший кричит ему лечь на пол, но служащий не подчиняется. Тогда одним выстрелом его заставили присесть».

Дуррути, Аскасо и его брат Алехандро, а также Грегорио Ховер некоторое время пробыли в Чили. Пятый же из них сразу же после нападения, отплыл в Испанию. Кто был этот пятый? Антонио Родригес. На самом деле, это был никто иной как «Эль Тото», или Грегорио Мартинес. 47. 000 чилийских песо были полностью использованы на подпольную борьбу с диктатурой Примо де Риверы. В начале августа 1925, года «Странники» отплыли в Буэнос-Айрес. В этом месте необходимо сделать небольшое отступление в нашем повествовании, с тем чтобы кратко описать общую ситуацию и борьбу рабочих движений, в частности анархизма, в Аргентине.

Глава XII. От Симона Радовицкого к Борису Владимировичу

В связи с обстоятельствами, не зависящими от воли Дуррути и Аскасо, экскурсия на американский континент заканчивалась там, где, по замыслу, должна была и начаться. Хуже того: по следу «Странников» шли полицейские службы трёх государств, преследуя их за «преступления», по причине которых, с другой стороны, в Буэнос-Айресе 1925 года аргентинский анархизм был разобщён. Причиной раскола являлась полемика об анархистских методах действия. Одна часть организации поддерживала экспроприацию материальных благ и покушения на людей, а другая считала такие меры неподобающими для анархизма. Тем не менее, основные причины прямых жёстких действий были связаны с природой самой власти в Аргентине, носившей репрессивный характер по отношению к рабочему классу. Именно поэтому, также из-за притока анархистов за счёт эмигрантов и ссыльных, прибывавших на риоплатские земли, в Аргентине и Уругвае, воинственный анархизм насчитывал большое число сторонников.

В августе 1905 года, на V съезде, была основана Аргентинская региональная рабочая организация — АРРФ (Аргентинская региональная рабочая организация-Federación Obrera Regional Argentina- — FORA), — которая продолжила политику объединения рабочего движения. Первой такой попыткой явилось создание в 1872 году секции Международной ассоциации трудящихся, или Первого интернационала. Эта и последующие унитарные попытки растворились по вине нескончаемых дискуссий, похожих на европейские, между социал-демократами, марксистами, «синдикалистами» и анархистами. Преобладали в то время последние — и особенно в профорганизациях ремесленников, — а также анархо-синдикалисты. Это становится очевидным на упомянутом V съезде, где огромным большинством была принята идеология «анархистского коммунизма». Так он назывался до того, как большевики присвоили термин «коммунистический». Социал-демократы, со своей стороны, ещё ранее — с 1886 года — организовали свою Социалистическую партию, придерживающуюся реформизма и парламентаризма, в духе Второго интернационала.

Любая организация рабочего класса возникает только лишь по причине существования самого рабочего класса, и он своим существованием обязан буржуазии, которая его порождает. Из данного вывода прямо вытекает следующее: если в Аргентине в 1880 году и последующие десять лет появились рабочие организации, то это произошло в силу экономического, капиталистического и промышленного развития страны, которое создавало фундаменты буржуазного общества и в этой ситуации вызывало классовую борьбу в её

самом чистом виде.

«Страх к преобладанию рабочего класса стал причиной того, что были задействованы все средства, для ослабления забастовочного движения, начатого работниками пекарной промышленности в августе 1902 года в Буэнос-Айресе. Именно во время этой стачки, судья Наварро противоправно вторгся в здание Рабочей федерации, центр 18 профорганизаций столицы. Полицейские рушили мебель и уничтожали книги (...) Такая мера судьи Наварро не произвела ожидаемого эффекта, — напротив, возмущение всех рабочих привело к смелым протестам. При этих чрезвычайных обстоятельствах, ораторы-социалисты присоединились к анархистам, осуждая совершённые атаки. Так, 17 августа прошёл многочисленный митинг 20 000 рабочих»²⁰¹. В последствии боевой характер рабочих будет расти, причём все стачечные конфликты решались с применением насилия: грубое вмешательство полиции и бойкот со стороны рабочего класса.

По принципу верховной власти, правительство предложило отменить празднование Дня трудящихся в Аргентине. Но Рабочая федерация призвала рабочих провести 1 мая 1904 года в Буэнос-Айресе демонстрацию, которая должна была выйти с площади Лореа или Парламента, потом собраться вокруг памятника Маццини, на Пасео де Хулио. На манифестацию, по подсчётам самой буржуазной прессы, вышло более тысячи человек. Если принять во внимание, что аргентинская столица в то время насчитывала миллион жителей, это было огромной цифрой. Полиция, с предложениями и без них, открыла стрельбу из револьверов по участникам манифестации. Рабочие, имевшие при себе какое-нибудь оружие, ответили на атаку. Завязалась перестрелка, и погиб первый рабочий — моряк Хуан Окампо. Группа из трёхсот демонстрантов, среди них — вооружённые револьверами, окружила тело жертвы. Его подняли на плечи и решительно понесли по улицам города, до здания газеты «Протест», на улице Кордоба. Полиция несколько раз предприняла попытку разогнать демонстрацию, но, поскольку было очевидно, что на этот раз перед ней была не безоружная толпа, а группа людей, готовых противостоять любой ситуации, то она предпочла наблюдать за маршем издали. Из здания анархистского печатного органа, тело Окампо было доставлено в Рабочую федерацию, на улице Чили; там намеревались организовать ночное бдение у гроба для рабочих людей Буэнос-Айреса. Когда рабочие вошли в здание, многочисленные полицейские агенты заняли позиции, готовясь к атаке. Рабочие, понимая, что новое кровопролитие будет бессмысленным, покинули это место. Тогда полиция, пользуясь ситуацией, похитила тело рабочего, чтобы тайно похоронить его. Кроме убитого, более тридцати рабочих были ранены. Таковы были события, ставшие известными в истории как расправа на площади Маццини. Тем не менее, эта жестокая мера не смогла остановить протесты рабочего класса. Напротив, по всей стране движение усилило свои действия. Один из профсоюзов: — докеров и портовых работников, — взял на себя инициативу созвать в Южной Америке, в июне 1905 года съезд, для того чтобы основать Федерацию морского и наземного транспорта, грузчиков и других портовых работников, всех транспортных организаций в Южной Америке. В заявлении о планах этой инициативы говорится следующее: «Комитет постановляет провести свой IV Съезд в городе Монтевидео, в первой половине октября текущего года, в качестве I Южноамериканского съезда морского и наземного транспорта». Также постановляет, что в этом первом Южноамериканском съезде примут участие все компании морского транспорта из республик: Аргентина, Бразилия, Уругвай, Чили, Перу, Парагвай, Эквадор, Венесуэла и

Мексика с целью подписания южноамериканского договора, а также обсуждения противостояния постоянным атакам капитализма и установления отношений с Международной транспортной организацией, центр которой находится в Гамбурге, (Германия).

«Эта инициатива имеет огромное общественное и политическое значение. Речь идёт о значительном шаге вперёд со стороны рабочего синдикализма, для укрепления международных связей в стране, являющейся частью континента-мозаики, состоящей из государств, искусственно разделённых из-за интересов господствующих классов, что является наследством, с одной стороны, Испании, а также нео-колониальных отношений с новыми империями: Великобританией и Соединёнными Штатами Америки. Поэтому становится ясной реакция притеснения доминирующих классов и правителей Аргентины, и участием в этой репрессии империализма. Подъём рабочего класса и его самостоятельная организация представляли собой угрозу для местной буржуазии и империалистических сил, особенно если пролетарский импульс соединял рабочие движения Латинской Америки, пересматривая освободительную интеграцию различных испаноговорящих стран. Не удивительно, что государственный аппарат постоянно, со зверской энергией реагировал на рабочее неповиновение, а также на неподчинение профсоюзов и его центральной организации, которой в тот момент была ФОРА-АРФФ.

Говоря конкретно, с 1 мая 1904 года, — в день, когда пролилась кровь рабочего люда, — все последующие даты были в той или иной степени полны социального накала. Причины очевидны: мы можем найти их в ужасных условиях существования рабочего класса. В 1905 году, уже упомянутый съезд ФОРА-АРФФ дал программный ответ. С того момента рабочее сопротивление стало ещё более радикальным. Только в 1906 году в Буэнос-Айресе прошло 39 забастовок, с участием в них 137 000 рабочих. Статистика указывала, что в среднем 600 рабочих находились в постоянном конфликте с буржуазией. Ситуация общественного антагонизма держала правителей в постоянном напряжении. Полковник Фалькон, начальник полиции федеральной столицы, раздражённый растущей значительностью рабочего движения и анархистской пропаганды, поклялся покончить с либертариями. Для этой цели он не только постоянно предпринимал жестокие репрессии по отношению к свободе отдельных лиц и свободе собраний, но и ввёл ограничительные законы и диктаторские декреты, а кроме того, ежедневно применял на практике «исключительные меры». Образовалось чёткое противостояние: с одной стороны — анархистское и Фористское движение (FORA), а с другой — аргентинское государство и его карательные структуры. В 1902 году впервые было введено так называемое «военное положение», — настоящее «чрезвычайное положение,» которое сводило на нет соблюдаемые конституционные права и права личности. С того момента, такая мера будет существовать на протяжении долгих периодов времени и поддерживаться почти всеми конституционными правительствами. В этом же, 1902 году, был принят один из самых репрессивных и самых неприемлемых законов в Аргентине, который продержался более чем полвека. Речь идёт о Законе о местожительстве (номер 4.144). Он предусматривал высылку за границы государства иностранцев, не соответствующих интересам властей. Принимая во внимание тот факт, что в Аргентине значительную часть населения составляли выходцы из других стран, прибывавшие в страну последовательными и неоднократными притоками миграции, начавшимися с последней четверти прошлого века и вплоть до первой мировой войны, в

результате которых наблюдался крупный наплыв рабочего люда, особенно итальянцев и испанцев, — становится очевидным, против кого этот закон был принят.

Указ превращался в прекрасное оружие олигархического и реакционного режима, с тем чтобы избавиться от носителей прогрессивных идей, активистов, борющихся за более полную демократию и свободу.

ФОРА отреагировала на высокомерие режима, призывая рабочих к сопротивлению и поощряя борьбу за освобождение от классового угнетения. 1909 год должен был стать решающим в этой суровой социальной битве, где с одной стороны находилась олигархия или высшие слои буржуазии с окостеневшими идеями — приспешники и союзники международного империализма, — а с другой, — коренное население, отверженное или обречённое на самые худшие условия труда, которое разделяло участь эксплуатации и нищеты многочисленных мигрантов, используемых в качестве дешёвой рабочей силы.

Аргентинская олигархия, представители империализма и правители готовились праздновать значимую дату— сто лет со дня 25 мая 1810 года, когда креолы, потомки первых европейских переселенцев, основали первое национальное правительство, которое после напряжённой борьбы, 9 июля 1816 года провозгласило Национальную независимость. Так называемые Соединённые провинции Рио-де-Ла-Плата (в настоящее время — Аргентина, Боливия, Парагвай и Уругвай), отделились от Испании. Однако осознание своих прав и борьба рабочего движения, которое в процессе организации выдвигало свои требования, рассматривались наследниками давних сражений начала прошлого века за национальную независимость как «чуждые общественные проблемы, привнесённые извне на риоплатскую землю». Представляется не только смешным, но даже любопытным тот факт, что доминирующие классы всех времён и народов порождают идеологии, оправдывающие их привилегии и исполняющие функцию «ложной совести». «Высшие слои общества» и аргентинские структуры власти не могли понять того, что модернизация страны и вступление на мировой капиталистический рынок в рамках полуколониальной системы, что они сами принимали, неизбежно должны были привести к зарождению и развитию классовой борьбы в её современных формах. Рост капитализма, подчиняющегося новой экономической метрополии, — Великобритании, — породил рабочий класс, выдвигавший революционные цели современного пролетариата. Господствующие классы и их представители в правительстве знали лишь одну форму ответа: ненависть и злобу со стороны привилегированных и эксплуататоров; они пытались заглушить любые голоса протеста и борьбы за человеческое достоинство, применяя систематические репрессии, закрытие профсоюзных организаций, удушение воинственной прессы, захват и разрушение центров для рабочих собраний, пролетарских клубов и библиотек, а также бросая в тюрьмы либо изгоняя из страны активистов или членов рабочих объединений, встававших на защиту прав человека.

Несмотря на это, им не удалось ни запугать рабочих, ни заставить их отступить. В такой обстановке наступил 1909 год. На повестке дня — всеобщие забастовки, митинги и собрания трудящихся. Среди причин протестов было единодушное возмущение убийством в Испании педагога Франсиско Феррера.

«1 мая того года, как обычно, проводились две манифестации: социалистов и анархистов. Местом сбора была площадь Лореа, в настоящее время там располагается Конгресс. 30 000 участников от социалистов собрались на площади Конституции. Когда люди двинулись, эскадрон охраны открыл прицельный огонь. Никто не ожидал этой жестокой атаки, и огромная толпа рассеялась, хотя несколько храбрецов и попытались остановить кровавую расправу. Правительство президента Фигероа Алькорты покрыло себя славой. Восемь убитых и сто пять человек раненых. В этой демонстрации также участвовал русский парень по имени Симон Радовицкий...»²⁰². В ответ на такое бесчинство социалисты от ВКТ и анархисты — члены ФОРА объявили всеобщую забастовку на неопределённый срок и «до тех пор, пока не будут освобождены арестованные товарищи и вновь открыты рабочие профсоюзные организации». Стачка, внушительная и единодушная, длилась целую неделю, несмотря на все репрессии этих семи дней, в течение которых список жертв пополнился. Ввиду размаха событий правительство было вынуждено пойти на уступки и освободить 800 заключённых, отменяя штрафной муниципальный кодекс и разрешая работу местных профсоюзов. Однако зачинщик и глава расправы — полковник Фалькон — всё ещё оставался на посту начальника полиции, что являлось насмешкой и провокацией по отношению к рабочему классу. Русский юноша Радовицкий — недавно прибывший в страну идеалист, едва достигший восемнадцати лет, глубоко раненный происшедшим, — руководствуясь лишь своим стремлением и беря на себя задачу освободить рабочих и угнетённый народ от этого кровожадного палача, принял решение уничтожить столь зловещее лицо. Он изучил ситуацию и 14 ноября 1909 года, действуя в одиночку, взрывом бомбы покончил с полковником Фальконом. Прошёл ровно месяц со дня вынесения смертного приговора Франсиско Ферреру королём Альфонсо XIII. Как и предполагалось, вслед за покушением последовала волна репрессий. Газета *La Protesta*, ранее закрытая правительством, опубликовала подпольную брошюру, восторгаясь геройством русского юноши. И ФОРА в своей, тоже подпольной газете под названием *Nuestra Defensa* («Наша оборона») выражала свою солидарность и поддержку акции мщения Симона Радовицкого. Таково было положение в стране перед празднованием дня 25 мая 1910 года — столетней годовщины Независимости Аргентины, события патриотического, национального и буржуазного. ФОРА имела намерение придать этому празднику рабочий, революционный и международный характер, беря на себя инициативу созвать 30 апреля того же года Южноамериканский съезд рабочих. Все рабочие объединения — последователи теоретической линии ФОРА — ответили на призыв, подтверждая своё участие. Буржуазия Латиноамериканского континента сочла этот факт неслыханной дерзостью, и все страны потребовали, чтобы Аргентина раз и навсегда заткнула за пояс анархистских хулиганов. 13 мая начались жестокие репрессии, правительство объявило военное положение, повсеместно насаждая полицейский террор. Первыми в числе арестованных оказались редакторы газет *La Protesta* и *La Batalla*, члены Федерального совета ФОРА и КОРА (*Confederación Obrera Regional Argentina* — Рабочая региональная конфедерация Аргентины, образовавшаяся в результате раскола ФОРА в 1909 году и поддерживаемая «синдикалистской» и «узко экономической» линии). Вслед за этими арестами последовали многие другие: были задержаны известные рабочие активисты, среди них, многие иностранцы. Кроме того, военизированные банды, финансируемые буржуазией, при поддержке властей и полиции организовали манифестации на улицах, вторгаясь в профсоюзные и политические пролетарские центры, разрушая и поджигая здания, как, например, помещения анархистского еженедельника *La Protesta* и печатного органа социалистов *Vanguardia*. Ушуая — печально знаменитая тюрьма

на Огненной Земле, на юге страны, более известная как «кладбище живых людей», — переполнилась узниками. Одновременно были депортированы многие иностранцы. И хотя может показаться невероятным, в знак протеста празднования столетней даты и террору буржуазии и полиции рабочие Буэнос-Айреса объявили всеобщую забастовку. После событий 1910 года ФОРА три года работала в подполье. В 1913 году началась реорганизация профессиональных организаций. С удивлением было отмечено, что многие молодые активисты пополнили их ряды во время этого сурового периода национальной истории.

В годы после Первой мировой войны классовая борьба хотя и продолжилась, но была не такой кровопролитной. Быть может, одной из причин такого феномена явился раскол в ФОРА, произошедший на её IX съезде в апреле 1915 года: одна фракция стала именоваться «ФОРА IX съезда» (FORA del IX Congreso) и последовала синдикалистской линии. Другая часть, «ФОРА V съезда» (FORA del V Congreso), придерживалась более радикальной линии, то есть идеологии анархизма. Между обеими сторонами завязалась едкая полемика, и уже хорошо известно, что, когда рабочее движение начинает внутренние разногласия, энергии, предназначенные для борьбы с буржуазией, растрачиваются в баталиях рабочих между собой. К сожалению, по вине такого рода столкновений буржуазия только выигрывает. С началом 1917 года буржуазия возобновила нападки на рабочих, так как ФОРА — в её новом составе в результате V съезда — оставалась решающей организацией в трудовой жизни страны. Таким образом, в том году было зарегистрировано 26 жертв от рук полиции. Однако также отмечается новый подъём организации трудящихся — как следствие русской революции и революционного подъёма 1919 и 1920 годов: занятие фабрик рабочими Турина, рабочие советы в Баварии, революция в Венгрии и социальное восстание в Испании. Все эти события сильно отразились на Аргентине и послужили причиной чёткой политизации с участием ФОРА и других экстремистских группировок. Так или иначе, впервые в Аргентине произошло нечто своеобразное: спонтанное проявление революционного сознания. В силу своей непредсказуемости оно нуждалось в минимальной подготовке для поддержания предреволюционного процесса, который мог бы перерасти в подлинную революцию. «Трагическая неделя» января 1919 года стала развязкой всех страстей того периода. Создалась ситуация с первого взгляда революционная, но в действительности — без прочной основы. Анархизм не мог творить чудеса, а также не претендовал на узурпацию власти по примеру большевиков. Революционная спонтанность дала всё, что было в её силах, и после начальных атак истощилась. Уроки «Трагической недели» указывали на крайнюю необходимость организации революции. Пролетариат должен был платить высокую цену за такое отсутствие подготовки; однако, в любом случае, его порывы ужаснули правящие классы. Это явилось основным предлогом для развязывания новых репрессий после жестокой атаки на повстанческую забастовку января 1919 года. В течение событий так называемой Трагической недели на всей территории страны 55 000 человек были арестованы или задержаны в полицейских участках. Остров Мартин Гарсия превратился в тюрьму. Но в обстановке репрессий, что поражает в этом движении, ФОРА и её объединения, группы рабочих и их газеты, хотя и подпольные, продолжали свою работу и издавались. Даже вскоре к их числу добавился новый орган — *Tribuna proletaria* («Пролетарская трибуна»). В этом возрождении периода 1920 года, как и в других странах, в Аргентине чувствовалось влияние русской революции, и ФОРА не оставалась исключением. В среде ФОРА встал вопрос о присоединении к советскому процессу. Тот же самый энтузиазм, царивший в Испании во время съезда НКТ в 1919 году, привлёк на свою сторону

некоторых членов аргентинской ФОРА, которые настаивали на принятии концепции «диктатуры пролетариата» по примеру большевиков. «Эта оппозиция, — пишет Абад де Сантьян, — ослабила ФОРА именно в тот период, когда она была готова включить в себя всё рабочее движение страны».

Анархо-большевистское движение было использовано ФОРА X съезда как спасательный круг. Эта организация полностью заняла позиции социал-демократического реформизма, который даже финансировал её пробольшевистские газеты с целью нападок на ФОРА V съезда. В марте 1922 года пробольшевистское течение и остатки ФОРА IX съезда образовали новую профсоюзную организацию — Синдикалистский союз Аргентины (Unión Sindical Argentina). В промежутке 1920–1922 годов, наполненном полемикой, а также отмеченном появлением в Буэнос-Айресе агентов Москвы с целью раскола рабочего движения, что им некоторым образом удалось (такие же попытки предприняла в Испании группа Маурин-Нин, хотя и без успеха), в Аргентине имели место печальные события, тяжёлые для пролетариата, оставленного без поддержки, что ранее могло показаться невероятным. «В тот период, — приводим работы де Сантьян (август 1921 года), — движение Патагонии притягивает внимание общественности. Сначала это были небольшие протесты, выдвинувшие скромные требования, однако преследование полиции и ненависть землевладельцев превратили его в историческое событие. Оно включило в себя тысячи работников из поместий и продержалось почти год, пока не было зверски уничтожено Национальной армией. В движении Патагонии насчитываются тысячи погибших и раненых. Героем тех блестящих побед стал подполковник Варела, усмиритель...»

Раскол рабочего класса нёс ответственность за это и другие события, имевшие место в течение того периода. Недаром приверженцы ФОРА V съезда остановили полемику, с тем чтобы избежать затрат энергии, и взялись за восстановление рабочего движения. Но зло уже было сделано, и было вполне возможно, в контексте событий бурлящей Аргентины, что будет организован единый фронт, но против анархизма. А какой могла быть реакция против такого единого фронта со стороны боевого анархизма? Самый быстрый ответ был дан одним немецким рабочим, членом анархистских групп Буэнос-Айреса Куртом Вилькенсом. 23 января 1923 года он покончил с героем Патагонии, бросив бомбу и несколько раз выстрелив в него. Поступки Симона Радовицкого и Курта Вилькенса, естественно, оказывали сильное влияние на молодёжь, воспитывавшуюся на примерах жёстких поражений, кровавых расправ и этого единого фронта, основанного против анархизма. В Аргентине, похожий как две капли воды, созрел тот же самый феномен, имевший место в Испании с 1921 до 1923 года: организация революционной обороны перед лицом правительственного террора. Экспроприация была одной из таких форм сопротивления, фатально необходимой для жизни движения, которое загонялось в тупик буржуазией и государственными структурами, чтобы затем окончательно уничтожить его.

Первым анархистом, использовавшим метод революционной акции, стал русский — Борис Владимирович Герман, сорока трёх лет, врач, биолог, писатель и художник. В двадцатилетнем возрасте он вступил в ленинскую партию, но после съезда 1906 года вышел из рядов русских социал-демократов, впоследствии большевиков и коммунистов. С тех пор Борис разделял идеи анархизма и позднее участвовал в Анархистском интернационале. Он путешествовал по Германии, Швейцарии и Франции. Заболевание

лёгких привело его в Аргентину — по советам друзей. Там он принял участие в письменной и устной пропаганде. Однако Борис, как и Бакунин, несмотря на принадлежность к анархизму, оставался русским человеком. Его поступок после «Трагической недели» объясняется в основном таким русским прецедентом. Перед событиями «Трагической недели» в стране существовала организация фашистского стиля в составе детей аргентинской буржуазии, под названием «Гражданская гвардия», вскоре превратившаяся в «Патриотическую лигу». Этой организацией руководил Мануэль Карлэс, доктор по профессии. Он был влиятельным лицом в правительственных кругах и предложил полиции услуги «Лиги». Элементы этой «Лиги» полностью посвятили себя репрессиям во время и после «Трагической недели». Лозунгом «Патриотической лиги» были слова: «Будьте патриотом — убейте еврея!». Но в Буэнос-Айресе евреи в большинстве были выходцами из России. Для Карлеса и его пособников еврей и русский означало одно и то же. Особенно если речь шла о борьбе с русской революцией. Фанатики таких правых организаций, в основном линчеватели, пропагандировали «резню русских»; одновременно их лозунги вносили смятение своим националистическим и патриотичным характером. Смогла ли такая антирусская и антиеврейская, скорее всего, антисемитская пропаганда проникнуть в сердца аргентинцев? К сожалению, в истории часто наблюдаются примеры коллективного психоза...

А Борис Владимирович был русским, возможно, евреем. Поэтому он обладал широким опытом, чтобы осознать опасность такого рода преследований против русских и евреев. Вспомним многочисленные погромы во времена русского царизма. Что нужно было сделать для того, чтобы просветить аргентинский народ на тему русской реальности и её революции? Борис Владимирович вместе со своим соотечественником Хуаном Коновезуком участвует в пробольшевистской фракции ФОРА V съезда. Оба обсуждают необходимость создания газеты с единственной целью — информировать аргентинский народ о русском феномене и процессе революции в России. Надо любой ценой избежать притока антирусской пропаганды от «Патриотической лиги» среди аргентинцев. Поскольку они не имели средств, а Борис наверняка обладал опытом экспроприации в России 1900 года, то он планирует вооружённое ограбление одного ювелира. Удар, но без успеха, был нанесён 19 мая 1919 года. Хуан Коновезук (как потом оказалось, он был белорусом тридцати лет по имени Андрес Бабби; он жил в Буэнос-Айресе уже шесть лет) выстрелил в полицейского во время нападения, и тот погиб. Оба нападавших были задержаны, и национальная пресса посвятила много времени этому событию. Когда на суде их приговорили к пожизненному заключению, Борис заявил: «Жизнь пропагандиста идей, каким являюсь я, подвержена непредвиденным обстоятельствам. Сегодня и во все времена. Я знаю, что не увижу победы моих идей, но рано или поздно за мной придут другие». Борис и Бабби были заключены в тюрьму Ушайи — «аргентинской Сибири»...

С акцией, задуманной Борисом Владимировичем Германом и приведённой в исполнение им и его другом Бабби, в анархистском движении Аргентины был поставлен как таковой вопрос экспроприации как метода революционной борьбы. В связи с этим возобновилась полемика на тему насилия, покушения и т.д. La Protesta из Буэнос-Айреса попыталась сохранить чистую форму незапятнанной теории, когда в реальной жизни было трудно оставаться на такой позиции и защищать, как в случае с Симоном Радовицким и Борисом, приговор «классовая месть» и как в будущем защищали бы Курта Вилькенса и Сакко и Ванцетти.

Рядом с амбивалентной и умеренной линией газеты La Protesta выделялась La Antorcha («Факел»), вдохновляемая яркой личностью, схожей с Флоресом Магоном, который заявлял, что революция и, следовательно, революционеры по своей природе находятся вне закона. Выдающаяся фигура этой анархистской газеты Родольфо Гонсалес Пачеко обладал талантом меткого пера, действенного и резкого. Примером среди других произведений являются короткие заметки под названием Carteles («Афиши»).

В 1923 году раскол между La Antorcha и La Protesta стал явным. Среди «анторчистов» выделялись две заметные личности: известный руководитель металлургов Буэнос-Айреса, секретарь Комитета защиты заключённых и преследуемых Мигель Арканхель Росцинья и школьный учитель Северино ди Джованни, секретарь Итальянского антифашистского комитета, сентиментальный парень и идеалист, который впоследствии под воздействием грубой силы государства превратится в «идеалиста насилия»²⁰³. Борис Герман запустил машину, которая для своей работы не требовала ничего, кроме хорошей смазки. По примеру предыдущих президентов-консерваторов Аргентины Ипполит Иригойен, применяя методические репрессии и заключения в тюрьмы, взял на себя задачу смазывать эту машину, чтобы она не останавливалась. В таком контексте общественных событий Аргентины в августе 1925 года «Странники» ступили на землю Буэнос-Айреса.

Глава XIII. "Странники" (LOS ERRANTES) в Буэнос- Айресе, 1925 год

В предыдущей главе мы упомянули Северино ди Джованни и сочли нужным более подробно описать его личность и роль в организации. Ди Джованни родился 17 марта 1901 года в Италии, регион Абруццо, в 180 километрах к востоку от Рима. Сын обеспеченных родителей, Северино восстал против власти отца. Учился на школьного учителя, а в свободное время — типографскому делу. С юных лет читая Бакунина, Малатесту, Прудона и Кропоткина, проникся идеями анархизма. В девятнадцать лет остался сиротой и в 1921 году, когда ему исполнилось двадцать, полностью посвятил себя анархистскому движению. В 1922 году Муссолини возглавляет «поход на Рим», и после этого, к власти в Италии приходит фашизм. Северино, как и его два брата, и многие другие рабочие активисты, бежит из страны. Одни остаются во Франции, а другие эмигрируют в Аргентину. Так делает и Северино — в мае 1923 года он прибывает в БуэносАйрес, сразу же находит место типографского рабочего и вступает в ряды профсоюзной рабочей организации — ФОРА V съезда. Когда ди Джованни прибывает в Аргентину, у власти находится Радикальная партия, или Гражданский радикальный союз. Её ряды в основном состоят из новообразовавшегося среднего класса, который каким-то образом противостоит влиянию старой олигархии землевладельцев, скотоводов и торговцев. Этот класс для достижения своих целей требует большей демократии и либерализма. Первый президент Аргентины от этой партии, её главный лидер Иполито Иригойен правил с 1916 по 1922 год и был переизбран в 1928-м, но в 1930-м в результате военного переворота был свергнут. Во время первого срока правления Иригойена и несмотря на его демократический популизм, имели место два масштабных репрессивных наступления против рабочих: первое — в январе 1919 года, во время так называемой «Трагической недели» в Буэнос-Айресе; второе — в 1920 и 1921 годах, против сельских батраков Патагонии (на юге страны). С 1922 по 1928 год страной управлял ещё один руководитель радикалов — доктор Марсело Теодоро де Альвеар, тесно связанный с предыдущим правительством, бывший посол Аргентины в Париже. Его жена — итальянка Регина Пачини, «аристократка из высшего общества» — не скрывала своих симпатий к авторитаризму Муссолини. Наверняка она настраивала своего супруга на борьбу с антифашизмом, против выходцев из Италии и экспатриантов. Ди Джованни, как итальянский революционер, сразу же стал членом организаций и антифашистских комитетов, созданных на аргентинской земле, а как писатель — корреспондентом в БуэносАйресе печатного органа итальянских анархистов, проживающих в Соединённых Штатах. Тем не менее вскоре он убедится, что антифашистские комитеты и круги являлись не чем иным, как времяпрепровождением для политиков — социал-демократов,

коммунистов и некоторых либералов-прогрессистов. «Для ди Джованни антифашизм, организованный всеми тенденциями, обманывал народ, и поэтому он начал публиковать либертарную газету под названием Cúlmine (“Вершина”). Сам писал статьи, составлял и печатал её в свободное время, недосыпая по ночам». Таков был герой, который 6 июня 1925 года учинил скандал среди сливок общества от буржуазии и политических лидеров Буэнос-Айреса во время концерта, организованного посольством Италии в Театре Колон аргентинской столицы.

Итальянский посол в Буэнос-Айресе, аристократ по имени Луиджи Альдрованди Марескотти, запланировал извлечь из празднования двадцать пятой годовщины коронации Виктора Мануэля невероятную политическую выгоду. С этой целью он организовал празднование «на широкую ногу». Таким образом дипломат вознамерился подтвердить свою лояльность Муссолини и продемонстрировать дипломатическому корпусу, что политический режим Италии находится в добром здравии и пользуется престижем. Необходимо иметь в виду многочисленную итальянскую диаспору в Аргентине, образовавшуюся в результате эмиграции в течение десятилетий сотен тысяч мужчин и женщин Итальянского полуострова, обосновавшихся на землях пампас в Рио-дель-Плата. Многие из этих итальянцев или их дети и внуки, добившись материального благополучия в Америке и проникшись до мозга костей буржуазным духом, симпатизировали фашизму Муссолини. Благодаря стараниям итальянского посла на празднование в Театре Колон пришёл сам президент республики в сопровождении супруги. Присутствие президента, согласно буржуазному протоколу, обязывало к такому же действию членов правительства во главе с министром иностранных дел, а кроме того — деятелей высших эшелонов власти, важных особ, послов, консулов, и т.д.; «дам и господ высшего света», олигархии, буржуазии и представителей международного капитала. Как и следовало, также были приглашены молодые люди — дети буржуазии, члены «Патриотической лиги» — в поддержку «чернорубашечников» итальянского посольства. В итоге торжество в Театре Колон так называемой Рейна-ДельПлата (столицы Аргентины) ни в чём не уступало фашистским празднованиям в Риме.

Большой художественный концерт 6 июня 1925 года начался с аргентинского национального гимна в исполнении Муниципального оркестра Буэнос-Айреса. После аплодисментов музыканты играют Королевский марш Италии. Колония итальянской и фашистской буржуазии встаёт, издаёт восторженные возгласы, и даже сам посол в честь фашистской Италии поёт, срываясь на крик. Но тут с галёрки театра — места, отведённого буржуазией для черни, — всё сильнее слышатся голоса, шум: «Убийцы, грабители!» «Маттеотти!» За этими криками, ужаснувшими людей «высшего общества», следует ливень листовок-«бабочек», разоблачающих угнетение в Италии. Они падают к ногам самого посла, графа де Вьяно.

Чернорубашечники, во избежание таких инцидентов предварительно занявшие стратегические позиции, которые именно сейчас ужасают «важную публику» и которые они не смогли ни предвидеть, ни заглушить, быстро бросаются на спасение «избранных» сценариев от невиданного развала с целью нейтрализовать группу людей, нарушивших фашистский праздник. Между зачинщиками скандала, выкрикивающими проклятия итальянскому фашизму, начинается драка, в ход идут дубинки, на всякий случай прихваченные с собой фашистами.

Самый шумный из всех — высокий белокурый парень, одетый во всё чёрное. Один из чернорубашечников хватает его за горло и тащит через кресла. Но этот парень обладает нечеловеческой силой. Несколькими ударами он повергает атакующих его кулаками, дубинками и пинками, останавливается в первом ряду и продолжает выкрикивать: «Смерть Муссолини!», разоблачая ужасы фашизма и господствующих классов.

Целых десять минут дюжина бунтарей контролирует ситуацию, выкрикивая протесты и сопротивляясь всем, кто старается заставить их замолчать. Но силы неравны, и одного за другим их окружают и арестовывают. Парень в чёрном был схвачен последним — он упал от удара дубинкой сзади. Всех агитаторов под крики «сливок общества», низко павших до уровня «грубости», вывели из здания театра. Все собравшиеся хотели плюнуть и дать пинка нахалам, оскорбившим «родину», — для многих присутствовавших именно это означали король и его избранник Муссолини. Под эскортом итальянских военных высших чинов бунтари были переданы на улице в руки полиции, а та упрятала их в тюремную машину. Последним зашёл белокурый парень в черной одежде. Он выкрикнул в лицо одному окаменевшему итальянскому военному: «Да здравствует анархия!»²⁰⁴

Из всех арестованных единственным ответившим прямо на вопросы полиции был этот светловолосый молодой человек в чёрном. Он объявляет себя анархистом. И подписывает свои показания чётким почерком: «Северино ди Джованни». В Буэнос-Айресе «Странники» также посетили редакцию газеты *La Antorcha* («Факел»). Первым их принял администратор анархистского еженедельника Донато Антонио Рисо. Он рассказал о политической ситуации в Аргентине, о живой полемике среди анархистов, о методах борьбы с правительственным терроризмом. Рассказал он также о товарищах, которые, согласно *La Antorcha*, решительно противостояли внутреннему кризису. Одним из них был Северино ди Джованни — энергичный юноша, считавший, что настал «час действия, а не пустых слов»²⁰⁵. Другим таким был Росцинья, выдающийся член профсоюза металлургов, взявший на себя трудную работу Комитета помощи заключённым и депортированным. Это был человек деятельный, умный, заранее планировавший дела; который, когда доходит до прямого действия, не только руководит и указывает цель, но также подставляет своё плечо и не остаётся в тылу, подобно бюрократам из политических партий, которые прячутся за своими «исполнителями»²⁰⁶. Бесспорно то, что Дуррути и Аскасо были знакомы с Диего Абадом де Сантьягом и Лопесом Аранго, в частности по материалам и рассказам, а также благодаря их работе в газете. Они знали и других товарищей, которые ранее проезжали по Испании и сейчас жили в Аргентине, например, Гастона Леваля, и также по статьям — Родольфо Гонсалеса Пачеко и Теодоро Антиллы. В целом это была горсть борцов с очень высокими моральными и интеллектуальными качествами анархистской линии, но ввиду особенностей борьбы в Аргентине оказавшихся в жёсткой оппозиции друг к другу. То, чего удалось избежать в Испании благодаря усилиям всех и каждого, в Аргентине не получилось. Существовала чёткая граница между членами, стоявшими за прямые действия, и теоретиками. Такое разделение серьёзно угрожало влиянию анархистов на аргентинский рабочий класс. Принимая во внимание положение дел, «Странники» решили не проводить акции, могущие ещё более усугубить уже достаточно отравленную полемику на тему так называемого революционного насилия. Они наметили линию на смягчение острых углов в отношениях и поиск почвы для сосуществования, минимальных соглашений и спокойного диалога, даже если бы речь шла о трудных темах между активистами одной либо другой

фракции. Однако противоречивые условия в стране и проблемы, с которыми сталкивалось анархистское движение, превращали планы Дуррути и Аскасо в иллюзию. Эти разногласия доказывали: во избежание элементарного тюремного заключения не оставалось иного выхода, как защита от насилия и террора со стороны правительства. Если анархизму не хватало единства и солидарности в его рядах, то он лишался своей главной силы. La Protesta, несмотря на свою «чистую» линию, не могла отказаться от защиты Симона Радовицкого, Вилькенса, Сакко, Ванцетти и др. Было ясно, что если двое первых помогли избавиться от палачей революции, то есть встали на путь прямых действий и бомб для свершения социальной справедливости, то над двумя последними тяготело обвинение в экспроприации, или, другими словами, вооружённом «ограблении». La Protesta проводила защиту в рамках буржуазных понятий, придерживаясь версии невиновности арестованных; однако империализм янки не мог признать это в силу того, что Сакко и Ванцетти, будучи анархистами, уже заведомо рассматривались как бандиты. Как же найти выход из этого лабиринта путаницы и ошибок? Флорес Магон разрешил этот вопрос. Принимая себя самого как противника Государства и зная, что невозможно бороться против него в рамках закона, он противостоял власти за пределами законных границ, то есть в рамках неправомочности, на революционной почве. Если «протестисты» из Буэнос-Айреса желали быть последовательными сами с собой, то они должны были согласиться с практикой Магона; в противном случае в силу своей чистоты они могли превратить свои идеи в эволюционизм или реформизм. В те времена в Аргентине не существовало половинчатых позиций. И таких позиций не существовало, потому что имело место правительственное насилие с самих верхов, — именно это обстоятельство заставляло принимать практические действия.

Таковы были рассуждения «Странников» и друзей из La Antorcha. Вскоре скудные сбережения закончились. Но поскольку они всегда решали свои каждодневные проблемы, не прибегая к солидарности соратников, то нашли себе работу с помощью друзей и устроились: Дуррути — портовым рабочим, Франсиско — поваром, а Ховер — краснодеревщиком. Алехандро Аскасо по причинам, нам не известным, исчез из Буэнос-Айреса вскоре после прибытия в этот город.

«Странники» работали и вели скромный образ жизни, когда совсем неожиданно, 18 октября 1925 года, произошёл вооружённый грабёж. Согласно газете La Prensa из Буэнос-Айреса, дело обстояло так:

“ «Три человека, на манер киноактёров, заходят на трамвайную станцию Лас Эрас дель Англо в квартале Палермо. Один из них в маске. Все трое поднимают чёрные пистолеты и угрожают кассирам, которые на рассвете закончили подсчёт денег от продажи билетов. Произносят: “руки вверх” с заметным испанским акцентом. Требуют деньги. Служащие бормочут, что всё лежит в железном ящике. Требуют ключи. Нет — ключи у начальника, и его смена закончилась. Грабители переговариваются. Покидают помещение. Уходя, захватывают с прилавка пакет, только что оставленный одним из охранников: там 38 песо в монетах по 10 сентаво. У входа на станцию их поджидает сообщник, и неподалёку — авто. Они исчезают, преследования нет».

Освальдо Байер, автор предыдущей цитаты, пишет:

«Полиция портового города в замешательстве. Воры с испанским акцентом? В их данных нет никого с такими описаниями. Допрашивают представителей теневого мира, но безрезультатно. Их никто не знает. Так как добыча была смехотворной, полиция знает: вскоре последует ещё одно нападение». На самом деле так и произошло: «17 ноября 1925 года, спустя едва месяц после нападения на станцию Лас Эрас. За несколько минут до полуночи на станции метро “Примера Хунта”, Кабальито, продавец билетов Дуранд закончил подсчёт денег от дневной выручки. Ждёт последнего поезда, прибывающего из центра, чтобы закончить подсчёт. Вдруг к нему подходит незнакомец и, медленно вынимая пистолет, говорит с испанским акцентом: “Ни слова!” В то же самое время другой тип заходит в билетные кассы и забирает деревянный ящик, где обычно хранят деньги от продажи билетов. Всё это длится несколько секунд. Незнакомцы поворачиваются и направляются к выходу улицы Сентенера. Однако Дуранд начинает кричать во всё горло: “Помогите! Ограбили!” Тогда один из бандитов поворачивается и, чтобы напугать его и предотвратить преследование, стреляет в воздух. Крики и выстрел доносятся до агента полиции на станции Ривадавиа и Сентенера. Он уже бежит на место происшествия, на ходу доставая оружие. Но его опережают. На страже у входов в метро стоят два других незнакомца, и один из них, увидев в руках полицейского оружие и что он бежит навстречу двум другим сообщникам, совершившим нападение и в тот момент спускающимся по лестнице, делает два выстрела и попадает в цель. Полицейский падает как подкошенный. Четвёрка грабителей бежит к такси, которое поджидает их в Росарио и Сентенера. Но шофёру не удаётся завести мотор, и после драгоценных моментов ожидания незнакомцы выскакивают из авто и сломя голову бегут по улице Росарио в направлении на восток и исчезают из вида. Нападение оказалось безрезультатным, как и на станции Лас Эрас. Выручку положили не в деревянный ящик, как обычно, а в другой — железный, стоящий под окошком. В деревянном не оказалось даже десятицентовой монетки»²⁰⁷.

Аргентинская полиция изучает и сравнивает информацию двух происшествий, выделяется тема «испанцев». Приходят к заключению, что в обоих случаях нападали одни и те же лица. Но кто? Именно в тот момент аргентинская полиция получила от чилийских коллег «досье», составленное с помощью испанских агентов: указанными ворами оказались Дуррути, Аскасо и Ховер под фальшивыми именами.

«Имея при себе фотографии, аргентинская полиция вызывает потерпевших со станции Лас Эрас и Примера Хунта. Без сомнений, это они. Так начинается повсеместный розыск. Устраиваются облавы на маленькие гостиницы, отели и постоялые дворы в поисках иностранцев. Всё безрезультатно. Подразделение «Общественный порядок» задерживает анархистских активистов, чтобы зацепиться за какой-нибудь факт. Но ничего нет. Во всех вагонах метро и трамваях на стенах развешаны анонсы с фотографиями четырёх иностранцев. Вдохновлённый этими фото поэт Рауль Гонсалес Туньон написал прекрасные строки о Дуррути:

«Я смотрю на снимок полицейского участка:
Ты — в анфас, профиль, под фото номер,
Растрёпанные тёмные волосы.

Недостаёт лишь сверху голубки —
Чуть яростной и нежной»208.

В этом месте мы остановимся и, прежде чем продолжить повествование, подведём итог некоторым событиям. Наиболее важные факты по линии «экспроприации» из жизни Дуррути имеют отношение к банковским учреждениям, и во всех очевидно некоторое мастерство. Прибыв в Аргентину, «Странники» приняли решение не предпринимать действий, ставящих в рискованное положение анархистское движение. Как стал возможным тот факт, что так, с бухты-барухты, они изменяют свои планы и посвящают себя не нападению на банк, а напротив, операции, более похожей на работу «кустарей»? Имеются ли доказательства этим происшествиям? Их признали замешанными в нападениях? Были ли преступники испанцами, потому что говорили с испанским акцентом? Правда в том, что не существовало никакого доказательства и что полиция действовала под давлением своих коллег из Чили и Испании (особенно последней, которая и предоставила фотографии). Из вывешивания объявлений в трамваях и метро, из кампании прессы и преследования «Странников» не могло выйти ничего иного, кроме как операции высокого стиля, такой как та, от 19 января 1926 года, в филиале Банка Аргентины, город Сан-Мартин. Заимствуем наш рассказ из статьи газеты La Prensa, выпуск того самого дня: «Когда жители спокойного города Сан-Мартин обедали или просто отдыхали от полуденной жары у себя дома, группа разбойников, вооружённых карабинами, расположилась у входа в филиал Банка Аргентины, напротив главной площади». Таким было сообщение газеты о слишком продолжительном событии, чтобы представить его в «развёрнутом виде». Мы приведём краткий рассказ Освальдо Байера:

“ «Семь человек (четверо из них в масках) выходят из двойного фаэтона на углу Буэнос-Айрес и Бельграно, в двух кварталах от полицейского участка. Четверо входят в банк, а другие — с длинноствольным оружием — остаются на охране у главного выхода. Это очень любопытное нападение, в стиле разбойников с большой дороги, потому что трое оставшиеся снаружи при появлении ничего не подозревающего пешехода молча направляют на него стволы своих карабинов. Поначалу прохожие думают, что всё это розыгрыш, но, когда понимают, что дело серьёзно, пускаются наутёк. Тем временем четверо вошедших в банк работают быстро. Обходят стойки, обыскивают ящики плательщиков и собирают вместе все наличные. Даже не утруждают себя проверкой сейфа. Всего 64 085 песо. Банковские служащие, увидев у входа грабителей, подчиняются хриплому испанскому голосу: “Ни с места... не то — четыре пули!”

(...) Забрав деньги, скрываются на автомобиле. Их преследуют, но грабители прикрывают своё отступление выстрелами...»

Глава XIV. В Париж: 1926

ГОД

После нападения на банк Сан-Мартина у полиции уже не оставалось ни тени сомнений в установлении действующих лиц. Розыски проводились с удвоенной силой, слежка за анархистскими органами печати в столице достигла крайней точки, а также усилился пограничный контроль. Дуррути, Аскасо и Ховеру физически было невозможно прорваться через такую плотную сеть контроля, выстроенную вокруг них. Однако в конце февраля 1926 года им удалось скрыться и в Монтевидео сесть на корабль, державший курс на Европу.

С 19 января до последних дней февраля между Буэнос-Айресом и Монтевидео «Странники» пережили, быть может, самые трудные минуты своего положения в роли преследуемых. Было крайне сложно найти безопасное место и дожидаться благоприятного момента для пересечения границы. Некоторые активисты-ветераны, знакомые с Дуррути и Аскасо ещё по Испании, не поддержали их в этих сложных обстоятельствах — и не из-за самой сути преследований, а просто ввиду нежелания взять на себя ответственность. Если бы не помощь членов Синдикального союза Аргентины и группы La Antorcha и El Libertario, то они наверняка попали бы в руки аргентинской полиции. Но, как мы сказали, всего этого удалось избежать, а главным организатором этого сложного побега оказался испанский активист по имени Х. С., недавно прибывший в Буэнос-Айрес. Узнав о трудном положении «Странников», он сделал всё возможное, пока не добился их отправки в Монтевидео и посадки на корабль, направляющийся во Францию. Но пока доставались паспорта и организовывалась поездка в Уругвай, аргентинская полиция, не прекращая розыски, не отступала от своего намерения арестовать «Странников». Тем не менее всё оказалось напрасным. Работа полицейских ещё более усложнилась по вине их испанских коллег и средств информации. В газетах Испании появилась заметка, датированная 23 февраля 1926 года. Её содержание запутывало всё:

“ «ИСПАНСКИЕ РАЗБОЙНИКИ. ЗАДЕРЖАН ДУРРУТИ В БОРДО? В столице Жиронды этот факт неизвестен, однако в Хихоне его подтверждают. Несколько фактов из опасной жизни террориста».

Такими заголовками газета La Voz de Guipuzcoa начинала свои уточнения в отношении новости, распространённой ABC из Мадрида. Она напечатала телеграмму её корреспондента в Хихоне: «Хихон, 23. 11 вечера. Только что пришла новость об аресте в Бордо после нападения на мебельную фабрику этого города. За это преступление недавно были казнены два испанца. Франсиско Дуррути — главарь банды разбойников, который 1 сентября 1923 года напал на филиал Банка Испании в Хихоне. В результате этого нападения убит директор учреждения дон Луис Аскарате. Дуррути, — пишет в заключение корреспондент из Хихона, — также побывал на Кубе, где совершил нападение на другой банк».

«Нас удивляет — сообщает La Voz de Guipozcoa, — что наш корреспондент в Бордо господин Мельси Катулан не передал нам эту новость. Мы связались с ним вчера вечером, как обычно, и он нам доложил: даже в полицейской префектуре не имелось сведений о задержании Дуррути, и ни одна из местных газет не знала об этом факте. Всё это очень странно в силу самого ареста и сенсации на всю Жиронду после упомянутого нападения. С другой стороны, ничего не говорилось об участии Дуррути в ограблении мебельной фабрики Херрибли. Это нападение стоило жизни двум человекам, и трое были ранены. Полиция задержала трёх анархистов, двое из них — Рекасенс и Кастро — были казнены на гильотине в декабре. По их показаниям, главарю бандитов, уроженцу Арагона (известному под кличками Эль Мано и Эль Негро) удалось сбежать. Фотографии ускользнувшего преступника ничем не походили на Дуррути — La Voz напечатала одну из них после происшествия; кроме того, его звали не Франсиско. Хосе Буэнавентура Дуррути по кличке Эль Горила — действительно, один из испанских террористов с наиболее масштабным послужным списком. Он родом из Леона, и ему пятьдесят лет. В 1922 году Дуррути работал механиком в Сан-Себастьяне на фабрике “Братья Мухика” и ещё на каком-то предприятии. Был вице-президентом Единого синдиката (НКТ), обосновавшегося в квартале Эгия, и вплоть до августа того года не отличался в роли активного члена организации. Он был прекрасным работником и иногда проявлял свои глубинные наклонности к экстремистским идеям. В августе 1922 года Дуррути в сопровождении двух других синдикалистов совершил дерзкое нападение на заведение господ по фамилии Мендисабаль: туда проникли три вооружённых бандита и, приставив дула к Рамону Мендисабалу, заставили его открыть кассу и отдать всё содержимое, а кроме того, все деньги из кошелька. Нападение осталось безнаказанным, так как Дуррути и его сообщники покинули СанСебастьян до того, как полиция смогла подтвердить их участие в преступлении. И хотя один из них впоследствии был арестован и переведён в Сан-Себастьян, его виновность не была доказана». Затем редакторы газеты La Voz de Guipozcoa продолжают приводить биографию Дуррути, но с множеством ошибок в отношении его пребывания в Америке:

“ «Дуррути — человек редкого ума, — предоставив фальшивые документы, смог исчезнуть из Гаваны и взять билет на пароход. Через некоторое время, осенью 1924 года, снова появился в Париже. Имел при себе много денег, добытых в ограблениях, совершённых в Америке. Он затратил часть этой суммы на издание анархистского еженедельника под названием Liberación».

В приведённой заметке имеются грубые ошибки, однако привлекают внимание два факта, которые опровергают «пистолеризм» Дуррути: его профессиональные знания как простого трудяги и назначение тех денег, которые он экспроприрует в банках. Изложенные факты прошли через перо испанской журналистики. Однако вернёмся к самому главному, а именно — к интересу испанской полиции в мистификации личности и деятельности Дуррути. Статья из ABC отмечена таким подходом, и именно этой информацией ввиду официального характера мадридского еженедельника воспользовалась аргентинская полиция. Необходимо признать, что из-за провала розысков аргентинской полиции эта газетная заметка могла навести на подозрение, что Дуррути удалось ускользнуть от преследований, и он уже перебрался во Францию. Но и в этом полицейские Буэнос-Айреса ошиблись, поскольку лишь в последних числах февраля 1926 года Дуррути, Аскасо и Ховер взяли

билеты на пароход, который должен был доставить их во Францию.

Перед покупкой билета товарищи, на которых была возложена эта задача, хорошо проверили всю информацию о маршруте: корабль не останавливался в испанских портах, и, с уверенностью, что так и будет, «Странники» заняли свои каюты. Среди коллектива моряков на судне было несколько симпатизирующих анархизму. Дуррути и его товарищи сразу наладили с ними контакт. Сведения от этих моряков очень поддержали их и помогли избежать отчаянных действий. Мы уже сказали, что корабль не должен был останавливаться в испанских портах, но, приблизившись к Канарским островам, командование судна объявило всем на борту: по причинам, не связанным с намерениями владельцев мореходной компании, пароход должен был совершить остановку в Санта-Крус-де-Тенерифе. Такая новость, как и следовало ожидать, сильно обеспокоила «Странников». Неужели их выследили и собираются сдать испанским властям? Перед лицом такой возможной развязки они не собирались сидеть сложа руки и решили захватить власть на корабле, чтобы любой ценой воспрепятствовать остановке. Кто им поможет? Ну конечно, один из моряков-анархистов! Они тут же связались с одним из единомышленников, для того чтобы выяснить причины такого непредвиденного причала. Моряк их успокоил, заверяя, что остановка вполне оправдана: в моторе обнаружилось некоторые неполадки. В Санта-Крус-де-Тенерифе пассажиры сошли на сушу; им была гарантирована гостиница, чтобы они смогли подождать другое судно от той же мореходной компании, которое доставило бы всех до Гавра. Всё указывало на полнейшую безопасность, однако недавние переживания и трудности в конечном счёте сказались на «Странниках»; они решили сесть на английский корабль, следовавший во французский порт Шербур, что и сделали 30 апреля 1926 года. Два дня спустя они уже проживали в одном из отелей на улице Лежандр парижского квартала Клиши под именами Роберто Котело (Дуррути), Сальвадор Арéвало (Аскасо) и Луис Викторио Рехетто (Ховер) — это были три уругвайских паспорта, добытые в Буэнос-Айресе.

Париж мая 1926 года уже не был тем городом, принявшим «Странников» в 1924 году, после того как они покинули Испанию. Почти все испанские анархисты вынужденно переехали в Бельгию или рассеялись на западных и южных территориях французской нации, — Лион и Марсель были основными точками анархистов в изгнании. В первом работала Комиссия по связям с анархистами среди испанских групп, а в Безье — группа под названием «Призма», которая год спустя начнёт издавать журнал с таким же названием. Этот орган станет представителем испанских мигрантов-анархистов во Франции.

Тем не менее Париж всё же оставался важным центром анархистской деятельности для испанцев в изгнании, и это вполне понятно, так как издательство Editorial Internacional работало под прикрытием французского печатного органа анархистов Le Libertaire — представителя Французского союза анархистов. Основная работа велась такими анархистскими группами из Испании, как Germen («Росток»), Sin Pan («Без хлеба»), Proa («Корма»), Afinidades («Сходства») и Espartáco. В этой среде выделялся целый ряд личностей. Мы отмечаем следующих: Валериано Оробон Фернандес, издававший журнал на испанском языке Tiempos nuevos («Новые времена»); Либерто Кальехас, редактор Iberón, и Хуан Мануэль Молина, более известный как Хуанэль — он был представителем Испании в Административном совете Editorial Internacional.

У нас нет информации о времени (одном с половиной месяце), которое Дуррути и его друзья провели в Париже. Все данные связаны с их активной деятельностью. Смогли ли они узнать заранее о проезде Альфонсо XIII через Париж во время его вояжа в Лондон? Нам это неизвестно. Но когда Дуррути и его товарищи прибыли в Париж, то там встретили троих старых знакомых, ранее бежавших из Испании: Теодоро Пенью, Педро Боадаса Риваса и Агустина Гарсию Капдевилю. Эти молодые люди были замешаны в покушениях с применением бомб, а именно против испанских военных. Кроме того, эти активисты, всегда замышлявшие новые акты, с минуты на минуту могли попасть в руки полиции. Принимая во внимание все эти доводы, «Странники» приняли решение направить трёх активистов в Уругвай, к Росинье, рекомендуя их как своих добрых товарищей по организации. С другой стороны, эти парни, по словам Освальдо Байера, «везли с собой особое приглашение для Росиньи от имени Дуррути переехать в Европу, так как он был необходим в качестве специалиста по планированию анархистских операций. Однако Росинья не примет приглашения: принося извинения, ответит Дуррути, что борьба в Аргентине слишком много значит для него, и он не готов изменить свои планы²⁰⁹.

Нужно добавить ещё один факт, предоставленный нашими безымянными помощниками: Боадасу поручили связаться с одним товарищем — шофёром, который жил в Буэнос-Айресе, — с тем чтобы он немедленно взял курс на Париж для выполнения очень срочного дела». Если свести вместе имена Росиньи, шофёра и план похищения Альфонсо XIII — за что, как мы увидим далее, 25 июня 1926 года будут задержаны Дуррути, Аскасо и Ховер, — то легко сделать заключение, что с мая до 25 июня «Странники» в основном занимались подготовкой покушения на монарха Испании. У нас очень мало сведений об этом таинственном заговоре против Альфонсо XIII, и именно поэтому особенно ценным для биографов является свидетельство итальянского анархиста Нино Наполитано, большого друга Дуррути и Аскасо: «Познакомился я с Дуррути и Аскасо в доме одной парижской активистки по имени Берта. Как-то оба попросили у меня достать им чемодан. Естественно, я предложил им свой. Аскасо приподнял его и сказал, смеясь: “Он недостаточно прочен”. На что я возразил, утверждая, что чемодан добротный, из вулканизированной фибры. Я скорее походил на торговца, желавшего во что бы то ни стало продать свой товар. Но всё было напрасно. Немного позже я узнал причину. Им был нужен чемодан для перевозки разобранного оружия. Это были дни (1926 год), когда Париж готовился к визиту короля Альфонсо XIII, монарха Испании (...). Дуррути и Аскасо намеревались аккомпанировать мелодии Марсельезы парочкой выстрелов, под которую Третья республика собиралась встретить убийцу Франсиско Феррера. Приготовления шли в атмосфере полнейшего спокойствия.

Нам представилась возможность понаблюдать за неотъемлемой чертой испанской нации: даже простые пролетарии ведут себя как вельможи — можно сказать, испанские гранды. Наши друзья также обладали этим талантом и вполне проявили его в преддверии официального визита. Чтобы не попасть в полицейские облавы, они часто появлялись в местах для избранного общества французской столицы. Играли в клубе в теннис и даже, чтобы избежать подозрений во время процессии государственных чиновников на церемонии встречи, специально купили роскошное авто. Всё было продумано до мелочей.

Накануне официального визита мы ужинали в доме Берты. Я помню, она приготовила суп из саго — он не понравился ни Аскасо, ни мне. Мы подшучивали над её кулинарными

способностями. Когда Дуррути и Аскасо ушли, девушка расплакалась.

“Там, где двое готовят заговор, третий — мой человек”, — самодовольно сказал Манискалао, известный агент-provokator на службе у Бурбонов. В этот раз третьим оказался водитель автомобиля, нанятого Аскасо и Дуррути для доставки на место действия. Этот третий работал на французскую полицию. Двое заговорщиков были арестованы, и Парижу удалось приветствовать Альфонсо XIII аккордами Марсельезы, не сбиваясь при этом с ритма»²¹⁰.

Рассказ Нино Наполитано — из первых рук, но был написан в 1948 году. С 1926 года в жизни этого итальянского анархиста произошёл целый ряд событий, что помешало ему последовательно изложить факты, и по этой причине в его *Recuerdos de exilio* («Воспоминания в ссылке») мы видим некоторые неувязки. В то время Берта жила с Ферранделем, администратором *Le Liberaire*. Они должны были быть в курсе проектов Аскасо и Дуррути. Тот визит, о котором рассказывает Нино, наверняка состоялся случайно во время подготовки заговора, и, принимая во внимание то, что посещения не были такими уж частыми, можно понять слёзы Берты. Аскасо и Дуррути были задержаны 25 июня, а приезд Альфонсо XIII состоялся 27 числа того же месяца. Важным в повествовании Нино является его упоминание provokatora — этого «шофёра», нанятого «Странниками» при обстоятельствах, нам неизвестных. Ранее мы указали, что Дуррути поручил Боадасу передать аргентинскому товарищу-шофёру, чтобы тот срочно прибыл в Париж. Аргентинец не приехал. Наверняка им также не удалось связаться с Гарсией Виванкосом, бывшим в составе «Солидарных»: в событиях, связанных с банком в Хихоне, он зарекомендовал себя как отличный водитель. И, наверное, сроки поджимали, а тут некто порекомендовал им «таксиста», который впоследствии и сдал их полиции. 25 июня утром при выходе из гостиницы на улице Лежандр их остановила полиция. При обыске в номере было найдено оружие.

Первое сообщение об аресте «Странников» появилось в газетах 2 июля. В прессе нет ни слова о 25 июня. К счастью, мы располагаем письмами Дуррути, написанными в те дни из *Dépot*, в которых он сообщает своим родственникам: «Я думаю, вы уже знаете о моём аресте 25 июня по случаю визита монарха Испании в Париж и в отношении заговора на покушение на него (...). После ареста меня перевезли в *La Santé*...»²¹¹.

Глава XV. Заговор против Альфонсо XIII

Было очевидно, что Альфонсо XIII не мог ступить и шага без того, чтобы кто-нибудь из его сограждан не почувствовал желаниа вычеркнуть его из списка живых. Тем не менее все факты указывали на то, что он был везучим монархом. Вымышленных или реальных, по крайней мере, была организована дюжина покушений на его жизнь, но ему всегда удавалось выйти из них невредимым. Потерпел поражение заговор в день его коронации, 17 мая 1902 года; вовремя был раскрыт акт, подготовленный 31 мая 1905 года в Париже; Матео Морраль, бросивший бомбу на calle Mayor в Мадриде в день свадьбы монарха в 1906 году, также 31 мая, поразил насмерть 26 и ранил ещё 107 человек, но ему не удалось настигнуть свою жертву. Попытки, предпринятые другими исполнителями с целью ликвидировать Альфонсо XIII, также не увенчались успехом. Если принять во внимание все эти сведения, казалось, судьба уготовила королю спокойную смерть на старческом ложе. Вся цепь имевших место или выдуманных заговоров приводила к логическому заключению, что посольство Испании в Париже примет все необходимые меры охраны и будет умолять французскую полицию приступить к прямым действиям, лишая свободы испанских политических беженцев, живущих во Франции, которые могли бы почувствовать искушение организовать покушение на Альфонсо XIII. Французская полиция откликнулась на эту просьбу и с утра 25 июня 1926 года организовала облаву, которая настигла приблизительно две сотни испанцев. Среди них были Дуррути, Аскасо и Ховер; у них было конфисковано значительное количество оружия.

Французское правительство желало оказать наилучший приём королю Альфонсо XIII и его премьер-министру, диктатору Примо де Ривере, иначе говоря — предотвратить враждебные акции. Причиной тому, скорее всего, были попытки урегулирования положения в марокканских протекторатах. Полиция получила приказ обеспечить безопасность испанского монарха, а органам печати были отданы распоряжения не нарушать правил приличия по отношению к гостю. Одной из газет, не подчинившейся приказу, была анархистская *Le Libertaire*. Когда была опубликована её передовица, судья Вильетт оценил её как оскорбительную. Он отдал распоряжение изъять уже напечатанные номера газеты и обвинил её руководителя Жирадана в «подстрекательстве к убийству». Общественному мнению вплоть до 2 июля, когда Альфонсо XIII уже прибыл в Лондон, ничего не было неизвестно о полицейских мерах. В тот день по материалам, предоставленным полицией, вышла короткая заметка: сообщалось о раскрытии заговора о покушении на жизнь короля Испании и что арестованы три испанских преступника, с конфискацией у них автоматического оружия и пистолетов. В тот же день, 2 июля, *Le Libertaire* напечатала краткую версию статьи, которая послужила причиной санкций 25 июня против газеты. На всей странице огромными буквами размещался заголовок:

«Le Liberaire опубликовала на прошлой неделе, — писала анархистская газета, — призыв со стороны Анархистского союза к членам парижского округа собраться на станции Орсай и выказать своё отвращение высокопоставленному убийце. Такой призыв не был ужасной угрозой — всего лишь десять строк на тему Феррера, палачей Веры и пыток испанских активистов (...) Выпущенный тираж был изъят по приказу судьи мсье Бейлля, под предлогом, что данный текст “подстрекал к убийству” (...). Но этого показалось мало — и все испанские анархисты и даже их французские товарищи оказались под полицейским эскортом. Никто из товарищей не смог сделать ни шага без сопровождения двух полицейских агентов (...). Затем, в понедельник, нам стало известно, что полиция раскрыла заговор против испанского монарха. По-видимому, некто решил опередить необратимую кару и наказать испанского короля за совершённые преступления (...). Но и теперь не пришёл конец тяжёлым мерам: не только французская полиция, но даже испанская арестовали сотню товарищей, известных своими революционными идеями, и не только выслали их в Dépot, но и объявили, что всех доставят к испанской границе (...) Необходимо срочно выразить протест, чтобы предупредить Правительство блока левых (социалистов и радикал-социалистов): мы никогда не позволим французской полиции выдать политических беженцев их палачам. В тот же день испанское посольство передало органам печати заметку: “Королевская чета прибыла в Лондон — можно огласить во Франции факт организации заговора с целью покушения на их жизнь». План был вовремя раскрыт, и его предполагаемые зачинщики арестованы благодаря усилиям французской полиции и прекрасной передаче информации со стороны нашего посольства (курсив автора).

Банда иностранцев, хорошо известная своими преступными действиями: одни из них заочно осуждённые и другие, подлежащие экстрадиции, не совершённой ранее ввиду невозможности ареста, но что удалось именно сейчас, имея при себе необходимые средства для покупки автомобиля, автоматического оружия и большого количества боеприпасов, намеревалась расстрелять из пулемёта автомашину, в которой монархи должны были следовать согласно своему маршруту. Как только заговор был раскрыт, за несколько часов до выезда Их Высочеств усилия полиции завершились уверенным успехом. Когда отъезд состоялся, зачинщики уже были задержаны, а автомобиль и оружие конфискованы, что позволило королю выехать из Мадрида, не подвергаясь опасности и даже не зная о таковом. Французское правительство приняло правильное решение не оглашать описанные факты до прибытия монархов в Лондон. Что касается правительства Испании, то оно также проявило сдержанность. (...) Среди задержанных в Париже есть лица, ранее совершившие преступления, всколыхнувшие общественное мнение. Наше правительство незамедлительно выразило благодарность Франции и уверено в достойном завершении королевской миссии и в том, что описанные события не нарушат спокойствия. Мы все знаем о многочисленных прецедентах в прошлом, принёсших успех настоящим действиям, когда успешная организация надлежащих служб сделала возможным своевременное разоблачение и обезвреживание».

Когда испанское посольство в Париже опубликовало это официальное сообщение, то имело достаточно информации о пребывании Дуррути и его друзей в Южной Америке. Указывая на

их возможное участие в покушении, не называя их поимённо, оно хотело подготовить почву для запроса об экстрадиции четырёх анархистов, замешанных в судебном процессе по общеуголовному преступлению, которое намеревалось представить испанское правительство. Но испанский посол Киньонес де Леон сомневался в успехе такого запроса. Испанский режим имел очень мало сторонников во Франции, и если французское правительство удовлетворило бы просьбу испанских властей провести полицейскую облаву среди беженцев, то пошло на такую меру не без предосторожностей. Имея в виду такие прецеденты и принимая во внимание близость политических режимов Испании и Аргентины, испанский посол наверняка переговорил со своим коллегой из Аргентины Альваресом де Толедо, с тем чтобы его страна, располагая большими возможностями на успех, начала процедуру экстрадиции четырёх испанских анархистов. Таким образом, как только Аргентина узнала об аресте Франсиско Аскасо, Буэнавентуры Дуррути и Грегорио Ховера — и неизвестно по какой причине к ним присоединяли Хосе Аламарчу, — то запросила у Парижа информацию о задержанных. Париж направил ответ: Дуррути, Аскасо и Ховер прибыли во Францию 30 апреля, в порт Шербур, имея при себе уругвайские паспорта, выданные консульским отделом этой страны в БуэносАйресе на имя Роберто Котело для Дуррути, Сальвадора Арéвало для Аскасо и Луиса Викторио Рехетто для Ховера. Роберто Котело — очень известный анархист в Аргентине и Уругвае, ветеран движения — был членом Аргентинского либертарного альянса и являлся одним из постоянных сотрудников *El Libertario*. Две другие фамилии также принадлежали известным анархистам. Из этих трёх активистов полиция Буэнос-Айреса смогла задержать только Роберто Котело. При допросе на тему паспорта он заявил, что, действительно, 1 апреля ему был выдан уругвайский паспорт в консульском отделе его страны в Буэнос-Айресе, но что спустя несколько часов он потерял документ — вполне возможно, он выпал из кармана. Такое наивное объяснение возмутило полицию. Ему пригрозили: если он не скажет правду, то дорого заплатит за выгораживание Дуррути и его друзей в Аргентине. Котело не изменил своих показаний и, после ряда допросов во время двухмесячного ареста, судья за недостатком доказательств был вынужден выпустить Котело на свободу. Национальная пресса разделяла постановление судьи, потому что, указывая на противоречивые показания полиции, пришла к выводу, что дело Дуррути-Котело, в сущности — заговор полиции против аргентинского анархистского движения.

Несмотря на это и наперекор общественному мнению аргентинская полиция не прекратила попыток добиться экстрадиции Дуррути и его друзей. Высокие чины полиции оказали давление на президента, доктора Альвеара, с тем чтобы он, пользуясь своими старыми и прочными связями в Париже, повлиял на официальные круги во Франции. Президент согласился, и полиция, решив, что всё скоро разрешится в её пользу, послала в Париж трёх своих самых лучших агентов, чтобы ускорить процедуры. Этими агентами были Фернандо Баса, Ромеро и Карраско. Мы отметили поступок аргентинской прессы, разоблачившей полицейский заговор против аргентинского анархизма, но также необходимо уточнить, что речь шла не только об анархистской прессе, но и о так называемой «скандальной». Например, когда Котело был заключён в тюрьму специального подразделения аргентинской полиции (*Brigada Social*), газета *Crítica*, 7 июля 1926 года написала: «Мы не можем доверять вымыслам, распространяемым полицией. Так называемый заговор есть не что иное, как полицейские уловки, результат таинственных интервью, состоявшихся в последние дни». И далее: «Таким образом мы можем раскрыть нити интриг, которые должны были привести к

аресту лиц, известных своими прогрессивными идеями».

«Начальник полиции, — продолжает аргентинская газета, — заявил журналистам: “Ввиду отсутствия доказательств, возможно, французское правительство не разрешит экстрадицию. Однако, принимая во внимание добрые отношения между нашими правительствами, в конце концов ответит положительно на наш запрос: оно может быть уверено в нашей взаимности”. Этот вопрос не может быть яснее: у полиции нет вещественных доказательств для обвинения Дуррути и его друзей в нападении на банк Сан-Мартин, но такой недостаток фактов — незначительная погрешность, оправданная изложенными аргументами государственной важности для выдачи трёх упомянутых анархистов». 8 июля газеты *Crítica* и *La República*, употребляя более или менее похожие выражения, возвращаются к той же теме. Первая пишет: «Согласно официальным сообщениям полиции, мы были бы обязаны думать, что она располагает доказательствами для обвинения Роберто Котело и Хайме Ротхера, администратора *El Libertario*, а также известного анархиста Дадиворича — лиц, на которых, скорее всего, могло бы пасть подозрение в вооружённых ограблениях. Однако беспрецедентная активность полиции доказывает, что она не только не располагает обвинительными фактами против арестованных, но и не знает, кто совершил эти вооружённые грабежи (...). Эти уловки были столь очевидными, что пришлось отпустить Ротхера и Котело». Действительно, так и случилось, но затем их опять арестовали и выпустили, чтобы вскоре снова арестовать. Судьи, под давлением общественного мнения, вынуждены были вмешаться и положить конец бесконечным арестам Котело и Ротхера. В Париже всё шло согласно законам. Арестованные Аскасо, Дуррути и Ховер назначили адвокатов для защиты, и как только всё было готово для судебного разбирательства, 7 октября 1926 года в Зале 11 Дворца правосудия началось слушание дела. В номере *Le Liberaire* за 15 октября были опубликованы подробности этого процесса.

«В четверг, 7 октября 1926 года, наши испанские товарищи Дуррути, Аскасо и Ховер предстали в Зале 11 исправительного суда со следующими обвинениями: Аскасо — за владение запрещённым оружием, подделку паспорта и сопротивление властям; Дуррути — за владение запрещённым оружием и подделку паспорта; и Ховер — за подделку паспорта. Целый ряд товарищей желали присутствовать на этом судебном процессе для выражения своей солидарности с подсудимыми, но часть зала, отведённая для слушателей, по приказу префектуры, заранее наполнилась тайными агентами полиции. Наши были вынуждены ожидать в коридорах из-за нехватки мест в зале. Подсудимые вели себя спокойно, достойно и уверенно. Дуррути, хорошо владевший французским, от имени своих товарищей заявил, что если бы их не задержали накануне прибытия в Париж Альфонсо XIII, то они по его возвращении следовали бы за королём до самой границы Испании, где планировали его похищение, затем некоторое время его держали бы в плену, с тем чтобы распространить слух о его смерти и таким образом вызвать революционный подъём в Испании. Подсудимые открыто признались в закупке оружия (карабинов и автоматических пистолетов) и использовании поддельных паспортов. Они заявили следующее:

“Мы — испанские революционеры. Мы вынуждены жить в ссылке, скрываясь от преследований одиозного режима Альфонсо XIII и Примо де Риверы; именно поэтому нас преследуют, но мы всё равно вернёмся в Испанию. Наши соратники, наши братья,

разделяющие с нами наши идеи, подвергаются жестоким и постоянным преследованиям, невиданным до сей поры по отношению к рабочему классу. Их самое горячее желание — освободиться от такого угнетения. Такой порыв совпадает с нашим, и поэтому во всеуслышание заявляем: мы не прекратим нашу деятельность, пока не падёт диктаторский режим. Также мы уверены, что наша цель близка, и можем утверждать: в Испании сейчас всего лишь небольшая группка приближённых поддерживает правительство. Подавляющее большинство населения настроено против диктатуры Примо де Риверы. Возмущение народа пустило глубокие корни, и вооружённое восстание может произойти со дня на день. Оружие, купленное нами, предназначено для поддержки и защиты революционного движения в нашей стране. Что касается подделки паспортов, то они показали следующее: каким образом могли мы достичь нашей цели и пройти незамеченными через густую сеть доносчиков, состоящих на службе испанского правительства во Франции? Жить под чужим именем — элементарная предосторожность, и неважно, кто из нас мог бы прибегнуть к такой процедуре, находясь в похожей ситуации”».

Хронист Le Libertaire Северино Феррандель продолжает рассказ:

«Французская полиция, арестовавшая ранее наших товарищей, также выступила на суде. В своих показаниях полицейские попытались представить обвиняемых сугубо опасными лицами, но им никого не удалось убедить. Под нажимом вопросов адвокатов они были вынуждены признать, что имена обвиняемых им были предоставлены испанским посольством с комментарием, что “речь идёт об очень опасных анархистах и неисправимых бандитах”. Кроме того, представители полиции сообщили, что вся информация об арестованных исходила из того же источника, то есть из посольства Испании. Защита нашей товарищей проводилась адвокатами Анри Торресом и Бартоном при поддержке их секретарей — господ Жоли и Гарсона».

Выступление защиты было простым и эмоциональным:

«Господа члены суда, я имею честь отвечать за защиту людей, — сказал Бартон, — представителей самого продвинутого сегмента испанской оппозиции...»

Это выступление в зале суда, наполненном служителями порядка в усиленном режиме — будто бы Дворец правосудия готовился к началу боевых действий (что никак не впечатляло подсудимых Дуррути, Аскасо и Ховера), — представляло из себя грандиозное и торжественное зрелище²¹².

Аскасо был осуждён на шесть месяцев тюремного заключения, Дуррути — на три и Грегорио Ховер — на два месяца. Из трёх заключённых, единственным, кто должен был отбыть назначенный срок, был Франсиско Аскасо — его приговор не истек до 25 декабря. Время, проведённое Дуррути и Ховером в тюрьме предварительного заключения, напротив, превышало срок вынесенных приговоров. Что же их ожидало? Произошло следующее: французское правительство задержало запрос об экстрадиции, направленный Аргентиной и Испанией, и в конце концов признало это право за Аргентиной. Перед адвокатами и осуждёнными стояла цель: в контексте отсутствия в то время во французской юриспруденции закона об экстрадициях помешать полиции Парижа использовать своё

право на выдачу активистов правительству Аргентины или Испании согласно их желанию. Одним из юридических приёмов являлись выражение несогласия с судебным приговором, и апелляция в высшие инстанции, чтобы выиграть время и воспрепятствовать самостоятельным действиям полиции. Когда прошение было подано в Верховный Суд и проверено, что Дуррути и Ховер уже отбыли приговорённый срок в тюрьме La Santé, то они были переведены в Консьержери Дворца Правосудия. А Аскасо должен был отбывать оставшийся срок в тюрьме La Santé.

Le Liberaire заключала свою хронику с призывом всеобщей мобилизации для воспрепятствования экстрадиции:

“ «Сейчас речь идёт о том, чтобы организовать активные выступления, чтобы общественное мнение, располагая информацией об интригах аргентинской и испанской полиции, помешало французским судьям задействовать запрос об экстрадиции от этих стран»²¹³.

Другими словами, дело было не в том, чтобы доказать невиновность или вину Дуррути и его товарищей, принимая во внимание все улики, предоставленные против них, так как эти факты не относились к уголовным преступлениям, а напротив, как они сами ранее заявили: нужно было иметь в виду, что их действия вписывались в рамки революционных и именно поэтому являлись политическими актами, на которых в рамках общественного права не могла повлиять никакая экстрадиция. Все превратности, имевшие место с 7 октября по 17 декабря 1926 года, описаны в письме Дуррути к своим родственникам:

«Мне вынесли приговор — три месяца. 8 октября я подписал документ о моём освобождении, но, поскольку испанское правительство требовало моей выдачи, французская полиция отдала приказ о моём переводе в префектуру, или Дворец Справедливости, где я сейчас и нахожусь, но не как заключённый, а как удерживаемый международной полицией. В La Santé я тоже не работал. На принудительные работы отправляются только приговорённые на срок заключения более шести месяцев и за более тяжкие истории, чем моя. Здесь, во Дворце Справедливости, никого не заставляют работать, и тем более тех, кто востребован иностранными государствами; так как французское правосудие ничего не может нам предъявить. Вот так, вы видите, что эти господа из *Diario de León* или из *La Democracia* ничего толком не знают.

Когда я отбывал срок в La Santé, мне не позволяли писать на испанском, потому что говорили: на то не было разрешения судьи. Сейчас, как видите, мне уже можно писать на родном языке, и это ясно показывает, что я не направлен на принудительные работы, как утверждают глупые журналисты. Всё, что они пишут, служит для того, чтобы доказать, что правительство Франции осудило меня на самые тяжкие меры наказания. Но вы можете посмеяться над ними: они заслуживают только презрения.

Что касается подтверждения о тюремном заключении на три месяца, то не обращайтесь на это внимания, потому что всё это не что иное, как соглашение между мной и моим адвокатом на случай, если полиция надумает отправить меня в Испанию. Но она не сможет этого сделать, пока я не отбуду срок заключения во Франции. Кроме того, я подал

апелляцию в Верховный суд по поводу трёхмесячного заключения и должен снова предстать перед судом. Все эти процедуры необходимы, чтобы выиграть время и противостоять давлению иностранных правительств с целью экстрадиции. Я пишу вам всем об этом, чтобы мама успокоилась и не обращала внимания на всё то, что выдумывают эти идиоты-журналисты. Я прочёл вырезку из газеты, что вы мне прислали, и прихожу к заключению, как я и подозревал, что наш судебный процесс наделал много шума.

Все выступления и обвинения на суде разворачивались вокруг монарха Испании, и вы уже сможете представить, как всё это проходило, — зачем мне это вам пересказывать? Что касается вопроса отца о том, сколько времени мне ещё надо будет пробыть в тюрьме, я должен сказать ему, что закончил все дела с французской полицией, но нужно разрешить вопрос с Америкой, и, надеюсь, он быстро уладится. Наши товарищи усердно работают при поддержке адвокатов и Лиги прав человека. Во вторник, 14 декабря, прошёл митинг, требующий нашего освобождения, и впоследствии будут проведены другие манифестации, в случае если нас не освободят. В Буэнос-Айресе тоже делается много для того, чтобы нас не отправили туда.

Об Испании совсем не хочу говорить, потому что вы знаете больше меня. О моей жизни здесь, в префектуре, могу рассказать вам очень мало: я провожу время за чтением, рисованием или пишу. Два раза в неделю ко мне приходят, а по воскресеньям приносят чистое бельё и деньги на питание в ресторане.

Вы уже видите, что здесь всё не так, как пишут у вас. Книг у меня достаточно, так как здесь есть библиотека и мне выдают любые книги по моей просьбе. Есть некоторые произведения на испанском, но я уже всё прочитал.

Директор мне разрешил покупать иллюстрированные журналы, которые мне приносит одна женщина, она отвечает за выполнение заявок арестованным.

Пропускают только иллюстрированные журналы — газеты запрещены. Роза сообщает, что Бенедикто не пишет мне, потому что ему стыдно, но что он помнит обо мне. Я не делаю различий среди моих братьев, и я всех их помню, независимо от того, пишут они мне или нет.

Перико говорит, что написал мне несколько строк для того, чтобы утешить меня в моей печали. Спасибо, Перико! Я благодарю тебя за такое утешение. Но на это я должен ответить тебе что-то важное: моя печаль не так уж сильна, потому что мои идеалы помогают мне; они сильнее, чем все эти человеческие унижения. Мои идеи сильны. Они зародились в глубине этого несправедливого общества и представляют собой любовь и свободу. Они прочны как сталь. И именно они утешают меня, потому что я глубоко уверен в их справедливости. Вот так, мой дорогой Перико. Не жалею меня — я не какой-нибудь неудачник! Цепь, которая не даёт мне выйти на свободу, прогнила и не может задержать меня надолго. Жду твоё письмо на французском. Расскажи мне, как идёт твоя учёба на механика. Я тебе советую прилежно учиться — когда ты вырастешь, это тебе весьма пригодится. Клатео пишет мне, что жалеет, что не может провести с вами Рождество. Мне тоже очень жаль, Клатео, но это не причина для грусти. Не только я один буду в тюрьме в эти дни. Таких как я много. А сколько

бедняков проведут этот день без еды и крыши над головой! Так устроено это общество: у одних есть всё, а у других — ничего. Рождественские праздники устроены только для богатых — они празднуют их за счёт пота рабочего люда. Этот день превращается в море шампанского, а их смех — плач в хижинах нищих. Празднования богачей — это нищета бедняков. Но скоро этому придёт конец. Революция покончит с социальной несправедливостью...»214.

Глава XVI.

Интернациональный комитет защиты анархистов

(El Comité Internacional de Defensa Anarquista — C.I. de D.A.)

Вначале Интернациональный комитет защиты анархистов был основан в Париже для организации защиты Сакко и Ванцетти, но в связи с тем, что название было слишком общим, впоследствии появляется Комитет защиты Сакко и Ванцетти. Очень скоро Интернациональный комитет защиты анархистов полностью оправдал своё создание ввиду преследований анархизма в России со стороны большевиков, в Италии — от Муссолини, и в Испании — Примо де Риверы.

Защита Сакко и Ванцетти обосновывалась на тезисе, что оба — жертвы американского капитализма, борцы за права рабочих в среде итальянских мигрантов. Ввиду того, что «классовое» американское правосудие — орудие руководящего класса — не желало проявить своё истинное лицо, то намеренно перевело этот судебный процесс за рамки социально-политической структуры и навязало итальянским анархистам обвинение в правонарушении: вооружённый грабёж, что представляло наиболее лёгкий способ обмана американской и международной общественности. И для того, чтобы разоблачить эти лицемерные действия, при поддержке Анархо-коммунистического союза (Unión Anarco-Comunista-UAC) в Париже был организован Комитет защиты Сакко и Ванцетти под руководством Луи Лекуана и Северино Ферранделя, членов этой организации.

Дело Аскасо, Дуррути и Ховера потребовало от UAC новой деятельности, и C.I. de D.A. основал ещё один Комитет под названием «Предоставление убежища: Дуррути-Аскасо-Ховер». Судьба этих трёх испанцев напоминала дело итальянцев Сакко и Ванцетти; они также обвинялись в уголовном преступлении. Перед французскими анархистами вставала сложная задача: защищать или нет анархистов, «находящихся вне закона». Эта тема была вынесена на обсуждение Анархо-коммунистического союза Франции, и её результат оказался намного яснее, чем двойственная позиция, которой придерживалась газета La Protesta в Буэнос-Айресе. 2 апреля 1926 года UAC опубликовала свою позицию по отношению к «иллегализму».

На заседании расширенного интернационального комитета UAC 26 марта 1926 года была объявлена позиция по отношению к статьям, недавно опубликованным в Le Libertaire об «иллегаллизме».

В принципе, утверждается, что «иллегаллизм» не является синонимом анархизма. Анархизм и «иллегаллизм» представляют собой две своеобразные категории, ничем не схожие между собой; только пагубная недобросовестность изменников идей анархизма, преследуя очевидные цели, пытается внести путаницу в ряды его сторонников.

Акт «иллегаллизма» не является анархистским действием: его может предпринять любой невежественный человек, и даже противник наших идей. Даже если его и совершает анархист, или симпатизирующий этим идеям, сам акт «иллегаллизма» не превращается в прямое анархистское действие ввиду причин, его определяющих, и духа, вдохновляющего на его совершение; а также и не по причине обстоятельств, порождающих его, и не изза материальной выгоды, преследуемой автором этого поступка. Интернациональный расширенный комитет констатирует, что во Франции практика «иллегаллизма» лишь в малой степени способствовала поддержанию пропаганды идей анархизма и не внесла существенного вклада для достижения этой цели, что нанесло огромный вред нашим идеалам. Таким образом, в итоге эта практика принесла более вреда, чем пользы в отношении распространения наших идей. Мы далеки от того, чтобы направить товарищей по линиям «иллегаллизма», и Интернациональный расширенный комитет призывает всех, и особенно молодёжь, обратить внимание на материальные и моральные последствия «иллегаллизма»:

1. Почти всегда человек, отказывающийся работать на хозяина, прибегает к «иллегаллизму» как средству существования и освобождения. Рано или поздно он заплатит за свой поступок тюремным заключением, депортацией или насильственной смертью. Сделав этот вывод, мы можем прийти к заключению, что с точки зрения индивида «иллегаллизм» далёк от того, чтобы предоставить человеку возможность «жить своей жизнью», почти всегда приводя того к ненужным жертвам.

2. Почти всегда «иллегаллизм», даже так называемый анархистский, постепенно скатывается по наклонной лёгкой жизни, ведёт к мещанству — таким образом происходит медленное превращение человека, практикующего «иллегаллизм», в эксплуататора и паразита.

3. Член организации, товарищ, живущий по принципам «иллегаллизма», ставит себя перед необходимостью отказаться от любой активной пропаганды и также в конце концов отдаляется от любой творческой деятельности, считая её ненужной и испытывая к ней отвращение. Итак, он использует для себя плоды труда других, поскольку сам ничего не создаёт, что является в сущности «классическим» способом существования капиталистической системы.

Эти заявления в отношении «иллегаллизма» ясно выражают позицию расширенного Интернационального комитета, который чувствует необходимость и долг добавить следующее: Несмотря на вышеизложенное, сам Комитет не отвергает «иллегаллизм» окончательно и бесповоротно:

1. С одной стороны, Комитет выражает сочувствие тем работникам, которые не получают достойную плату за свой труд и в силу такой несправедливости вынуждены прибегать к незаконным действиям (бесполезно входить в подробности, так как это является личным делом каждого человека: возможность достойно жить, гарантировать пропитание своей семье и поддерживать пропаганду идей анархизма, если они представляют для него интерес).

2. С другой стороны, Комитет одобряет и никоим образом не сомневается в прославлении “иллегализма” со стороны некоторых активистов, которые незаинтересованно и с целью пропаганды (например, Пини, Дуваль, Равачоль и целый ряд наших иностранных товарищей, особенно испанцев, итальянцев, русских и др.) совершают нападения на банки, транспортные компании, крупные промышленные и коммерческие предприятия, на богатейших капиталистов. И после проведения в отношении этих частных того, что мы называем индивидуальной экспроприацией (прелюдии коллективной экспроприации и одновременно частичной компенсации и введение ко всеобщей компенсации), эти люди, вместо того чтобы присвоить себе плоды экспроприации и таким образом превратиться в паразитов, после совершения актов незамедлительно передают средства на нужды пропаганды.

В заключение товарищи из расширенного Комитета UAC, верные последователи позиций предыдущих соратников, заявляют, что когда Анархо-коммунистический союз ведёт речь о “чести” и “труде”, то не придаёт им того значения, которое подразумевается под этими словами в рамках официальной буржуазной морали. Товарищи обязываются не превозносить поведение тех, кого официальное мнение и буржуазный менталитет называют “честными работниками”, потому что эти люди насквозь пропитаны уважением к частной собственности, покорно и пассивно принимают условия жизни, которые им навязывают. Эти рабочие не могут считаться анархистами — они противоречат самой идее, так как выказывают уважение правилам поведения, предназначенным буржуазной моралью для рабочего люда.

Анархисты отрицают и борются против такого рода “честности”, так как она представляет из себя подчинение социальному неравенству, чьей жертвой является класс производителей. Анархисты призывают, поощряют и считают своим долгом проводить в жизнь другую форму честности — ту, которая вдохновляет рабочий класс на революционные чувства и страсть. Их взрыв, подготовленный сознанием и волей под действием нашей неутомимой пропаганды, приведёт в будущем к социальной революции, освободит человека от труда и на основе свободного союза образует общество людей свободных, равных и дружественных, в котором уже не будет места “иллегализму”, потому что без государства и капитала не будет больше и законов».

Под этой резолюцией стояли подписи: Себастьян Фор, Дукельсар (Федерация Севера), Ле Мельор, Педро Одеон, Луис Лекуан, Л. Ореаль, Маршаль, Шампренофт, Жан Гавард, Ж. Жирадан, Эвен, Г. Бастиан, Шазофф, Буш, Бруссель, Ф. Мальдес, Дарра, Лакруа, Дэлекур и Лили Феррe215. Принимая во внимание вышеизложенное, нам представляется ясным то значение, которое придавалось «невиновности» Сакко и Ванцетти. Также нам кажется понятной настойчивость Лекуана в отношении «невиновности» Дуррути, Аскасо и Ховера. Le

Libertaire, в отличие от La Protesta, не пряталась за щитом буржуазного термина «честности», а напротив, заявлял на право и необходимость революции.

«Как-то в один из октябрьских вечеров 1926 года, — писал Лекуан, — придя домой, я увидел телеграмму: меня срочно вызывали по адресу Анархистского союза. Когда я прибыл на место, то увидел там целый ряд коллег: Себастьяна Фора, Ферранделя и других. Все были сильно взволнованы: над Сакко и Ванцетти нависла угроза казни через электрошок. Телеграмма, присланная из США, призывала нас к немедленным действиям. Что нам оставалось делать? Что ещё мы могли предпринять кроме уже сделанного? Кто-то из товарищей предложил подготовиться к их достойным похоронам и мщению. «Насколько мне известно, — возразил я, — они ещё живы. И именно поэтому нужно проанализировать практические способы для спасения их жизней. До сих пор и за все эти пять лет мы не убедили ни одного человека в их невиновности, кроме тех, которые уже были в этом убеждены. Эти имена послужили нам для проведения революционной кампании, а не акции спасения. Почему бы либеральной буржуазии, НКТ и Социалистической партии не присоединиться к нам с требованиями освободить Сакко и Ванцетти? — Кто им мешает сделать это? — спросили меня. — Никто, это точно. Разве что наш неуклюжий образ действий. Давайте присоединим к нам отстающих, постучим в их двери. Речь идёт не об анархистской кампании, а о том, как спасти двух анархистов от электрического стула. Больше ничего. Наша задача — убедить весь мир, что в этом случае необходимы их солидарные голоса.

Если мне не удалось добиться других целей, по крайней мере я смог убедить моих товарищей, которые поручили мне заняться всеми необходимыми контактами, давая мне карт-бланш на организацию широкой компании в защиту Сакко и Ванцетти от имени Комитета. Феррандель — отличный парень с приятным южным говором — отвёл меня в сторону и сказал:

— И необходимо, чтобы ты занялся защитой Аскасо, Дуррути и Ховера»²¹⁶.

Глава XVII. Союз анархистов и правительство Пуанкаре́

Луи Лекуану поручили, не более и не менее, устроить поражение Пуанкаре в области международной политики. Министром юстиции этого правительства был Барту, верный слуга буржуазии; министром иностранных дел — социалист со стажем Аристид Бриан. Это правительство называло себя «блоком левых сил» и под этим лозунгом на выборах 4 мая 1924 года победило «блок правых». В Национальной ассамблее (парламенте) социалисты были широко представлены, а её председателем являлся социалист-радикал Эдуард Эррио. Конкретно это было правительство левых, продолжавшее проводить политику блока правых как на международной арене, так и в национальной политике. Чтобы убедиться в этом, достаточно было проанализировать его действия в Марокко, где оно сотрудничало с Альфонсо XIII в операциях на поражение вооружённых сторонников Абд аль-Крима. Пиком такой политики альянса стал приём, оказанный в июне Альфонсо XIII и его диктатору Мигелю Примо де Ривере. Завершением этой политики согласия явился договор об экстрадиции Дуррути, Аскасо и Ховера 26 октября 1926 года. Наверняка существовали на то многие очень важные и могущественные причины, чтобы французское правительство, несмотря на гнев своих избирателей, ублажало Альфонсо XIII, используя при этом Буэнос-Айрес. Итак, где открывать огонь? Лекуан счёл правильным, что для достижения оптимальных результатов самым важным являлось сотрудничество с Лигой прав человека, и для этого он встретился с престарелой госпожой Северине, которая не один раз выступила в защиту испанских граждан, изобличая деспотизм Альфонсо XIII и его режима. Как и следовало ожидать, на этот раз госпожа Северине вновь доказала свою солидарность с рабочим классом Испании и пообещала Лекуану распахнуть для него двери Лиги прав человека. Но тем временем Комитет для предоставления убежища Дуррути, Аскасо и Ховеру начал кампанию солидарности, организовав 25 октября в 20:00 митинг в Les Sociétés Savantes de Paris («Научные общества Парижа»). Там выступили следующие ораторы: Кане — от Комитета общественной защиты; Уарт — от UFSA; Анри Бертон, как адвокат-защитник испанского трио; Пиош — писатель; Себастьян Фор — от Международного комитета защиты анархистов и один из испанских делегатов от Лиги прав человека.

Митинг прошёл с большим успехом, и газеты Парижа широко отметили это событие. Исходя из содержания статей, опубликованных французской прессой, из которых выделялись Le Populaire, L'Oeuvre, Era Nouvelle, Le Quotidien и даже L'Humanité, кампания обещала быть бурной. Тем временем Лекуан с рекомендацией от госпожи Северине встретился с госпожой Дориан Меснар, которая должна была представить его председателю «Лиги» — господину

Виктору Башу. Интервью между Виктором Башем и Луи Лекуаном не имело успеха. Министр юстиции Барту заранее предупредил главу «Лиги» об опасности вмешательства этой организации в вопрос, связанный с уголовным преступлением. Насторожённый таким предупреждением, во время разговора Виктор Баш сказал Лекуану, что настаивать бесполезно: арестованные виновны, и «Лига» не может вмешиваться в защиту таких процессов. Лекуан не сдержался и без всяких церемоний высказал председателю «Лиги» всё, что он думает по этому поводу, и, осознавая свой провал, покинул помещение, оставив очень неприятное впечатление. Тем не менее в тот же день, попозже, Лекуану позвонил секретарь «Лиги» господин Герну с просьбой предоставить ему полное досье по делу испанских узников. Что заставило Виктора Баша передумать? Не остаётся ничего другого, как подозревать вмешательство Северине или, ещё правильнее, госпожи Дориан Меснар. «Но как бы то ни было, “Лига», — сказал про себя Лекуан, — намеревалась действовать и принять участие в этом вопросе. До этого момента тяжёлые двери сейчас распахивались сами по себе»²¹⁷. Однако капитуляция Пуанкаре не обещала быть лёгкой. 5 ноября 1926 года *Le Liberaire* настаивает на позиции французского правительства: сдержать своё слово и выдать Дуррути и его друзей аргентинской полиции. В одном из комментариев газеты задавался вопрос:

“ «Возможно ли, что правительство осмелится послать их на верную смерть?»
12 ноября та же самая газета объявляет о проведении в *Les Sociétés Savantes de Paris* ещё одного митинга протеста, назначенного на 15-е число того же месяца, где должны были выступать Себастьян Фор и писатель Ян Ринер, и добавляет: «Ховер, Аламарча, Дуррути и Аскасо с минуты на минуту будут выданы аргентинскому правительству. Рабочие Парижа! Выступим против этой экстрадиции!»

В упомянутом номере Лига защиты прав человека публикует официальное коммюнике, выражающее протест против экстрадиции, а также письмо, посланное Аскасо и Дуррути Союзу анархистов из тюрьмы полицейской префектуры, датированное 7 ноября 1926 года. В этом письме говорилось:

“ «Дорогие товарищи! Даже если бы и существовали доказательства покушения на жизнь Альфонсо XIII, в надежде, что его исчезновение приведёт к политическим изменениям в Испании, стало бы это достаточной причиной для того, чтобы Французская республика приняла сторону наших врагов, отдавая нас на расправу классовой мести под прикрытием ненавистных предлогов и лжи?

Но сейчас происходит именно это: нас официально уведомили, что выдадут аргентинской полиции.

Да, эта новость нас удивляет, но наш дух не сломлен... Уже много лет, не щадя жизни, мы сражаемся за наши прекрасные и справедливые идеалы.

Мы сожалеем о подлых действиях по отношению к нам и обвинениях в несовершенных преступлениях; тем не менее готовы к последствиям мести аргентинских и испанских правителей. Но у нашего товарища Ховера двое маленьких детей: одному три года, другому — восемнадцать месяцев; он их горячо любит. Очень важно не разлучить Ховера с малышами по причине смертного приговора или пожизненного заключения. Мы надеемся, что республиканское правительство Франции, с такой лёгкостью приносящее нас в жертву испанской тирании, задумается, прежде чем допустить, чтобы дети Ховера остались сиротами. Пусть экстрадиция затронет только нас двоих! Для Ховера мы просим открытого расследования, и пусть правосудие вынесет справедливый приговор, не принимая в расчёт все соображения международной политики. Братский привет от Ф. Аскасо и Б. Дуррути»²¹⁸.

Комментируя это письмо, *Le Libertaire* написала следующее:

«Нам неизвестна реакция правительственных учреждений на это обращение. Наверняка не произошло ничего существенного, чтоб смягчить “государственные соображения”». Тем не менее Генеральный секретарь ВКТ Жуо под давлением значительного сегмента французского пролетариата этой профсоюзной организации был вынужден вмешаться и обратился непосредственно к правительству.

Если Бриан и Барту и ответили отрицательно на его просьбу, но тем не менее вопрос остался открытым для последующей проверки судебного процесса (...). Это доказывает, что упомянутые министры не столь бесчувственны в отношении акций протеста, происходящих повсюду и доносящихся до них. (...) Но, — продолжала *Le Libertaire*, — высокие чины французской полиции могут изменить ситуацию в свою пользу, и с тем, чтобы удовлетворить своих аргентинских коллег, быть может, выдадут им Дуррути и его друзей, не ожидая решения французского правительства. И именно для того, чтобы воспрепятствовать этому, адвокат Торрес недавно предупредил: его клиенты подали апелляцию, в надежде, что французское правосудие пойдёт по верному пути»²¹⁹.

В тот же самый день, когда Торрес отправил петицию судебным властям Франции, он написал аргентинскому послу в Париже с просьбой об аудиенции, в которой примут участие адвокаты и французские депутаты. Что касается последних, то они входили в список, составленный Луи Лекуаном с целью сбора подписей от половины плюс одного представителя Национальной ассамблеи. Этот документ должен был быть послан главе правительства вместе с подробным объяснением дела Дуррути, Аскасо и Ховера. Если Лекуану удавалось собрать намеченное число подписей в поддержку, то неизбежным последствием стало бы содействие этой интерпелляции со стороны главы правительства; в противном же случае он был бы вынужден подать в отставку. Так или иначе, оба варианта приводили к победе анти-парламентариста Лекуана над Пуанкаре. Французское правительство находилось в трудном положении, которое усугублялось прямым давлением со стороны посольства Испании. Испанское правительство желало добиться, так или иначе, экстрадиции Дуррути, Аскасо и Ховера, и всё равно в какую страну — Испанию или Аргентину. Для него не было разницы, так как испанские чиновники надеялись заполнить своих жертв от аргентинских властей.

Но если бы французское правительство пошло навстречу испанскому, это стало бы равноценно насмешке над правами человека, оплотом Французской республики; кроме этого, необходимо было иметь в виду непредвиденную реакцию французского пролетариата, в то время уже достаточно осведомлённого об этом процессе. Как найти выход из этого круговорота? Было принято решение: тайно выдать испанскому правительству одного из четырёх узников — Хосе Аламарчу. Этот манёвр, скорее всего, остался бы покрытым тьмой молчания, если бы не вмешалась Le Libertaire. Вместе с другими новостями газета сообщает: «Когда нам стало известно, что французское правительство отказывало в выдаче Аскасо, Дуррути и Ховера, мы пришли к выводу, что Хосе Аламарча, против которого не было выдвинуто ни одного серьёзного обвинения, и кроме того, он считался наименее “виновным” из всех четверых, находился вне опасности и что к нему в самом худшем случае могли применить выдворение из страны. Но тут оказывается, что восемь дней назад тюремщики Аламарчи вывели его из камеры под предлогом отправления к бельгийской границе. И теперь мы узнаём, что Аламарчу выдали испанской полиции.

Какой позор для французских властей — они встали на колени перед испанским диктатором!

Позор ложным республиканцам министерства Пуанкаре — они посылают невинного человека на казнь в утеху кровожадной макаке Альфонсо XIII!

Теперь мы опасаемся за жизнь Аскасо, Дуррути и Ховера. Мы больше не можем доверять данным нам обещаниям... Товарищи революционеры, сами спасите своих! Все на митинг 30 ноября 1926! 220»

Несколько дней спустя, 3 декабря 1926 года, в заметке Le Libertaire говорилось:

«Французское правительство только что сообщило генеральному секретарю “Лиги для защиты прав человека”: действительно, аргентинское правосудие более не утверждает, что отпечатки пальцев, выданные французским судьям, соответствуют отпечаткам, снятым в местах, где в Аргентине были совершены преступления. Аргентинское правосудие признаёт, что указанные вещественные доказательства были переданы ему иностранным правительством. Чего же ждёт французское правительство для освобождения этих трёх заложников? Как может случиться, что допускается искажение фактов и держат в застенках без всяких доказательств, всего лишь по причине себялюбия, активистов, которые благодаря своей отваге и энергии духа стоят выше нашего бедного рода людского?»

Несмотря ни на что, судебная машина набирала обороты. Франция не отменяла своей резолюции от 26 октября, однако не осмеливалась выдать трёх узников Консьержери в руки аргентинской полиции, ожидавшей в Париже. Анархистский союз продолжал проводить на улицах рабочие собрания, с тем чтобы повлиять на общественное мнение. Протесты проводились против решения Соединённых Штатов казнить Сакко и Ванцетти и в защиту трёх испанцев. Кампания разворачивалась сильно и уверенно. Правые газеты оказывали поддержку, но основной груз ложился на Международный комитет защиты анархистов, которые по-настоящему были заинтересованы в недопущении расправы над пятёркой

анархистов.

В Le Liberaire от 10 декабря публикуют объявление ещё одного митинга, намеченного на 14 декабря, а также приводят письмо аргентинских анархистов о кампании протестов в их стране:

“ «Наши друзья из Аргентины сообщают нам, что проводят в своей стране такую же кампанию, что и мы во Франции. И подчёркивают: если случится несчастье и Аскасо, Дуррути и Ховер будут переданы аргентинской полиции, то та отомстит за все террористические акты, совершённые не так давно аргентинскими анархистами. Нужно помнить, — добавляют они, — что высокие чины аргентинской полиции не прощают либертариям смерти главного начальника полиции».

21 ноября 1926 года вечерняя газета Crítica из БуэносАйреса подчёркивала противоречия французской позиции, приводя такие факты: аргентинская полиция подготовила запрос об экстрадиции как рутинное дело, не полагая, что Франция серьёзно отреагирует на него. Она писала:

«Такому запросу на экстрадицию на самом деле не суждено было бы надеяться на исполнение, и всё, что происходит сейчас, — невероятно, так как против обвиняемых нет ничего, кроме неясных предположений. На самом деле имеются всего лишь туманные показания одного таксиста, который узнал их по фотографии. Кроме того, анархисты — не бандиты. Не один раз представители аргентинской и французской полиции утверждали, что Дуррути, Аскасо и Ховер — активисты анархистской организации. И если это действительно так, заявлял один из крупных начальников безопасности в нашей стране, они не могут быть замешаны в уголовных проступках.

Ведь революционеры не совершают подобные преступления. И даже в том случае, если бы они и совершили нечто подобное, их товарищи по организации незамедлительно исключили бы Аскасо, Дуррути и Ховера из её рядов. Приведённые комментарии газеты Crítica были выстроены на основе опроса, организованного этим печатным органом. На вопросы ответили многочисленные рабочие, выступая в защиту Аскасо, Дуррути и Ховера — истинных революционеров, борющихся за свободу испанского народа».

Однако общественное мнение и пресса почти ничего не значили для аргентинской полиции, которая рассматривала этот процесс как дело чести. Занимая противоположную позицию по отношению к общественному мнению и прессе, полиция продолжала оказывать давление на президента Аргентины Альвеара, с тем чтобы он потребовал окончательной выдачи трёх испанцев. Но, равно как и полиция, твёрдо намеревавшаяся заполучить своих заложников, аргентинские анархисты не собирались отдавать их без боя. На рабочих собраниях и митингах дело трёх испанцев не сходило с повестки дня. Полиция приложила все усилия, чтобы окончательно запретить проведение анархистских митингов в защиту Аскасо, Дуррути и Ховера.

Освальдо Байер предлагает нам яркую зарисовку — пример настойчивости и сопротивления аргентинских анархистов:

«Газета La Antorcha, Комитет в защиту политзаключённых и автономные профобъединения пекарей, штукатуров, маляров, водителей, плотников, рабочих обувной промышленности, мойщиков автомобилей, шлифовальщиков бронзы, Комитет по связям итальянских групп (координируемый Северино ди Джованни и Альдо Агуцци) и Болгарская группа не отступают перед лицом полицейских угроз и организуют митинги-“молнии”. В этом смысле анархисты ведут себя несколько эксцентрично. Они применяют неслыханные методы. Например, объявляют о проведении митинга на Plaza Once. Как и следовало ожидать, полиция окружает место своими агентами и разгоняет небольшую группу участников. Но тогда из метро выходит анархист и хватается руками за решётки у выхода из тоннеля, в то время как его товарищи взбираются на лестницу и быстро привязывают его цепями к железным прутьям²²¹. Анархисту невозможно пошевелиться, и именно тут он начинает вещать громким голосом, натренированном на сотне собраний и митингов, где не используют ни громкоговорители, ни электрические аппараты, чтобы донести свою речь до публики: “Все сюда, слушайте! Мы, анархисты, расскажем вам правду о наших товарищах Аскасо, Дуррути и Ховере!” Полицейские прибежали на то место, откуда раздавались крики, и обнаруживали сцену распятого человека, прикованного цепями, говорившего со скоростью пулемётной очереди. Пока они раздумывали, запрашивали разрешения у начальства, анархист говорил, что душа пожелает, обращаясь к прохожим, которые взирали на происходящее с ужасом и некоторой долей тупости.

Первая попытка полицейских заставить замолчать оратора заключалась в нещадном избивании его, однако анархист не прекращал своей речи, и всё это превращалось в публичный спектакль, не подходящий для обывателей. Избивать привязанную и беззащитную жертву — зрелище не из приятных. Последующая попытка постараться заткнуть ему рот далась весьма непросто, так как анархист изворачивался и его речь получалась прерывистой. Сцена приобретала характер гротеска и собирала ещё бóльшую толпу любопытных. В конце концов полиции ничего не оставалось, как смириться и ждать, пока не прибудет мастер из Центрального подразделения, который целый час работал над разрезанием цепей. Тем временем прикованный оратор, конечно же, успевал произнести три или четыре речи на все темы: Аскасо, Дуррути и Ховер, Сакко и Ванцетти, Радовицкий, узники в Вьезде; нападал на президента Альвеара (которого анархисты называли “шлюха” или «сто кило сала»), полицейских (“брыкливые ослы”, “дикие вояки”), Карлеса (“достопочтенный бесстыдник”) а членов Патриотической лиги (“балованные сынки”, “перевёрнутые развратники”), (...) коммунизм (“авторитарный кретинизм”), военных (“орангутангиидиоты”) и так далее. Как видите, никому не было пощады!»²²².

В Париже тем временем во французском парламенте правосудие кроило и перекраивало своё намерение выдачи или невыдачи узников в Буэнос-Айрес. Дело об экстрадиции Дуррути, Аскасо и Ховера, и выдача Аламарчи испанским властям стали причиной глубокого недовольства, и целый ряд депутатов-социалистов изучали столь сложный вопрос.

«В те времена полиция являлась единственной распорядительницей судеб иностранцев — субъектов экстрадиции. Она лично принимала решения, без расследований и предъявления

апелляций. Только правительство могло наложить вето. Но при правящем кабинете Пуанкаре и Барту на посту министерства юстиции представлялось невозможным рассчитывать на их чувства — у них не было сердца»²²³.

Стал очевидным во французском законодательстве недостаток нормативов, регламентирующих экстрадиции, и именно поэтому группа парламентариев предложила принять соответствующий закон, с тем чтобы покончить с предвзятостью полиции. Был предложен законопроект, и 9 декабря 1926 года Сенат вынес его на голосование. Сенатор Валье представил его следующим образом:

“ «До сих пор мы не располагаем законом в отношении экстрадиций. Это может показаться удивительным в стране, где уже сто лет назад было предпринято столько усилий, в частности реорганизация Кодекса судебного расследования, для гарантии свободы индивидов».

Реальность была оглашена, и являлось необходимым создание закона во избежание «бесчинства и злоупотреблений». С этого момента экстрадиции проходили через Следственную палату, которая должна была изучить дело не только формально, но и по существу в присутствии обвиняемых, их переводчиков и адвокатов. В статье 5 разделе 2 Закона об экстрадициях детально указывалось, что «экстрадиция не будет предоставлена, если преступление носит политический характер или же если оно произошло в результате политических обстоятельств, имевших место в стране, запрашивающей экстрадицию»²²⁴. Единственным недостатком этого закона в данном случае было то, что он не имел обратного действия и поэтому не мог быть применен к Дуррути и его товарищам. Тем не менее сам факт существования закона на эту тему явился значительным прогрессом, и адвокаты могли подать на обжалование, чтобы добиться ретроактивности.

Глава XVIII.

Антипарламентаризм Луи Лекуана

Министерство юстиции Франции не отменяло своего намерения выдать испанцев аргентинскому правительству. Один из депутатов Национальной Ассамблеи задал вопрос министру Барту: будут ли переданы испанцы правительству Испании? Ответ был категоричен: «Испании — нет». Однако непоследовательность правителей выходила за все рамки: Альфонсо XIII, предъявляя обвинение в смерти кардинала-архиепископа Сарагосы и нападении на банк в Хихоне, требовал выдачи троих активистов. Французское правосудие рассматривало эти правонарушения как политические. В таком контексте как можно признать уголовными предполагаемые преступления того же содержания, но совершённые в Аргентине? Как объяснить эти двойные стандарты? Как замечали аргентинские рабочие в опросе, проведённом газетой *Crítica* в Буэнос-Айресе, становилось ясным: «французский суд на самом деле желал повернуть нечестную дипломатическую игру с Аргентиной, с тем чтобы именно она стала автором выдачи Аскасо, Дуррути и Ховера правителям Испании». Однако ни аргентинские, ни французские рабочие не собирались позволить Альфонсо XIII подло казнить трёх анархистов.

7 января 1927 года Комитет защиты прав на политическое убежище организовал важный митинг протеста в зале Ваграм в Париже. Когда в 20:00 открыли доступ в зал, несмотря на его способность вместить десять тысяч человек, собравшимся не хватило места, и многие из них разместились на мостовой проспекта Ваграм, под присмотром полиции, назначенной для охраны этого мероприятия Префектурой Парижа. На этом митинге, самом значительном за всё время кампании протеста, выступили: от имени Лиги прав человека — её президент Виктор Баш; находящийся в ссылке во Франции Мигель де Унамуну; директор вечерней газеты *Soir* - Фроссар; от имени ВСТ — Савой; член городского совета Парижа - Анри Селье; Себастьян Фор, представляя Анархо-коммунистический союз, и адвокаты-защитники Анри Торрес и Анри Берт. После завершения митинга было единогласно принято предложение: немедленное освобождение испанских анархистов. Вся пресса французской столицы опубликовала и прокомментировала это решение.

Одновременно Комитет защиты прав на политическое убежище располагал сотней подписей для предоставления запроса в адрес правительства. Другие подписи также были собраны в парламенте депутатами Рене Ришаром (социалист-радикал), Моро-де-Джиаферри (социалист-республиканец), Пьером Реноделем (социалист), Эрнстом Лаффонтом (социалист-коммунист) и Андре Бертоном (коммунист). Какую же позицию занимало

французское правительство ввиду такого всеобщего протеста? Хотя может показаться абсурдным, правительство Пуанкаре продолжало держать обещание, данное аргентинскому правительству в отношении передачи ему трёх испанских граждан. Вопросы государственной важности наверняка не позволяли Пуанкаре отказаться от такого намерения, хотя он прекрасно понимал, что такое решение ставило под угрозу его пребывание на посту премьер-министра. Газета *Le Liberaire* предчувствовала, что воля правительства начала ослабевать, и, считая, что необходимо ковать железо, пока горячо, после собрания в Ваграме 11 февраля сразу же организовала другой, ещё большего масштаба, митинг в зале Булье. Она писала:

“ «Эта демонстрация, ввиду своего огромного размаха, должна показать бесполезность голодовки наших товарищей, так как её последствия могут оказаться опасными для их жизни»²²⁵.

В действительности в номере анархистской газеты публиковалось письмо с подписями Дуррути, Аскасо и Ховера, где они сообщали о своём решении начать голодовку:

«Мы благодарим всех вас — организации, газеты и тех людей, которые, даже не разделяя наших идей, выступили в нашу защиту. Тем не менее мы думаем, что вы теряете время, все те мероприятия и энергия, направленные на нашу поддержку, могли бы быть применены с большей пользой для других дел. Никто, кроме тех, кто до конца дней сохранит в своих сердцах классовую ненависть, не сомневается в нашем праве на жизнь. Но вопросы государственной важности требуют нашей выдачи правительству Аргентины. Те, кто заставил президента Республики подписать декрет о нашей экстрадиции, могут быть опровергнуты. Всё, что будет сделано для нас, окажется бесполезным перед лицом безответственных и могущественных бюрократов. Мы уже прибегали ранее к голодовке, чтобы покончить с этим делом, но по вашим настойчивым просьбам приостановили её. На сей раз мы вновь начнём её и просим ничего не предпринимать, чтобы заставить нас отказаться от этого намерения. Разве наша судьба настолько завидна, что мы должны страшиться смерти? И подписи: Аскасо, Дуррути, Ховер».

Остальные газеты напечатали и прокомментировали это письмо, а 13 февраля 1927 года стало первым днём голодовки. 16 февраля 1927 года в общественное мнение Франции проник луч света, раскрывающий дипломатические договорённости. В этот день Совет министров опубликовал резолюцию, которая заявляла об аннуляции решения об экстрадиции трёх испанских граждан и давала распоряжение: закон об экстрадициях, принятый Сенатом, как можно быстрее должен быть передан на голосование в сенатский комитет. И кроме этого, сообщалось, что закон будет иметь обратное действие. Что-то не ладилось в отношениях аргентинского и французского правительств. Так, галльская пресса опубликовала дипломатическое письмо, в котором говорилось, что «французское правительство отдало распоряжение своему представителю в Буэнос-Айресе, с тем чтобы предоставить объяснения правительству Аргентины по поводу причин задержки экстрадиции анархистов». И далее поясняло следующее:

«Аргентина выказывает некоторое недовольство ввиду промедления завершить вопрос, который уже рассматривался как разрешённый. Аргентинское правительство поручило своему представителю в Париже, господину Альваресу де Толедо, разрешить вопрос в *Quai d'Orsay*». В результате действий аргентинского посла французское правительство опубликовало следующее заявление: «Три испанских анархиста, проживающих во Франции, были затребованы аргентинским правительством в силу совершения ими общеуголовных преступлений: грабежей, убийства, нападения на банк и др. Правительство Аргентины взяло на себя обязательство исключить любые политические осложнения и не выдавать анархистов Испании. Правительство Франции, гарантируя соблюдения взятых обязательств, предпочитает ждать голосования по принятию закона, представленного господином Рену. Цель вышеуказанного закона — переместить категорию экстрадиции как таковую из административной в юридическую область. И, таким образом, уже не министр внутренних дел, а Следственный комитет (Верховный суд) будет принимать решение об экстрадиции»²²⁶.

28 февраля Комитет депутатов без предварительных дебатов ратифицировал закон об экстрадициях. Так как закон обладал обратным эффектом, Аскасо, Дуррути и Ховер попадали под его действие *ipso facto*. Поэтому им надлежало предстать без промедления перед Верховным судом. Так и произошло. Слушание было назначено на 27 марта 1927 года. За несколько дней до указанной даты, ко всеобщему изумлению, в газетах появилось предоставленное полицией сообщение, где заявлялось, что 9 числа был раскрыт заговор побега из Консьержери трёх испанских анархистов. Заметка носила злонамеренный характер, и «раскрытый заговор» также. Речь шла о манёвре, задуманном с целью дезориентировать общественное мнение. Если до сих пор постоянно требовали пересмотра судебного процесса, то сейчас, когда дело рассматривалось в рамках полных юридических гарантий, заявители планировали побег. И, конечно же, у всех возникал вопрос: разве этот факт не являлся доказательством того, что мнимые анархисты заслуживали экстрадиции? *Le Liberaire* своевременно ответила на эту интригу:

«В прошлую пятницу французские газеты объявили, что получены данные о раскрытии заговора, подготовленного друзьями Аскасо, Дуррути и Ховера с целью организации побега этих трёх узников. Мы можем уверенно заявить, что ни один из друзей трёх испанских анархистов никоим образом не принимал участие в этом предполагаемом заговоре, который более походит на интригу с целью оказать влияние на Следственный комитет накануне судебного заседания по делу Аскасо, Дуррути и Ховера. На самом деле эти три активиста должны будут предстать перед судом в этот вторник. Их адвокаты: Анри Торрес, Анри Бертон и Анри Герну. Наше замечание призвано разоблачить этот грубый манёвр перед лицом общественного мнения, и мы выражаем протест такими низкими, предпринятыми в самый последний момент действиями с намерением навязать Следственному комитету то, что не указано в официальном “досье” аргентинского правительства. Подпись: Комитет защиты по предоставлению права на убежище»²²⁷.

25 апреля Дуррути послал длинное письмо своим родственникам. Принося извинения за долгое молчание, он ссылался на неосведомлённость о своей дальнейшей судьбе. Его жизнь зависела от решения французского министра юстиции. В письме нет и тени слабости и сомнений. Он настроен оптимистически и ободряет родственников. Именно в этом письме

видна нежная любовь к матери. Вот что он пишет своей сестре:

“ «Роза, ты должна быть не только её дочерью, но и подругой (...). Я вас всех умоляю быть крайне заботливыми к маме, чтобы сгладить ту боль, которую я против моей воли ей причиняю»²²⁸.

Спустя два дня после этого письма — 27 марта — французское правительство объявило аргентинскому послу в Париже, что арестованные переходят в распоряжение его страны. Альварес де Толедо ответил французским властям: его правительство направило в Гаврский порт судно под названием Bahía Blanca, которое заберёт узников. Согласно закону, Аргентине предоставлялся максимум месяц, чтобы взять троих анархистов под свою ответственность. Если по прошествии месяца не будет предпринято должных действий, экстрадиция аннулируется. 27 мая соответствующий юридический пункт потеряет свою законную силу. Можно ли было ожидать что Аргентина, её полиция и руководящие структуры лишат себя удовольствия осудить и вынести приговор трем испанским анархистам? Это казалось невозможным, и поэтому La Antorcha Буэнос-Айреса писала следующее: «Мясо брошено хищникам, господа правители отупевшей Франции, торгующей человеческими жизнями!» И далее, имея в виду Аргентину, возмущалась:

«Нецивилизованная страна варваров — здесь не действуют ни индивидуальные, ни коллективные гарантии; без промедления имеют место всякого рода злоупотребления и всё насилие, исходящее свыше, — это и есть Аргентина (...) Страна невероятно тупая, без какой-либо морали и совести. Ни характеристики, ни чувства справедливости. Здесь правит только позорный страх, и более позорный страх подчиняется. Единственная гарантия — это пропитавшие атмосферу страны трусость, ложь и разврат».

Но это не означало, что аргентинские анархисты признавали своё поражение:

“ «Пусть привезут их сюда! Комитет защиты политических узников готовится к защите трёх испанцев, как только те ступят на аргентинскую землю!» — так предупреждали правительство Альвеара все анархистские газеты²²⁹.

В Париже Луи Лекуан, полностью уверенный в своих силах, обходил всех депутатов для сбора подписей (половина состава парламента плюс один), с тем чтобы представить правительству интерпелляцию, — мера, которая не только заставит пошатнуться кабинет министров, но и будет причиной его краха. Без устали Лекуан собирал нужные подписи и даже обосновался в самом здании Национальной ассамблеи, чтобы как можно лучше организовать намеченную интерпелляцию. Тем временем дни шли своей чередой, а аргентинский корабль всё не прибывал к берегам Франции. Закон от 10 марта 1927 года в статье номер 18 был категоричен: если по прошествии месяца истец не берёт на себя ответственность за обвиняемых, те обретают свободу. И случилось то, чего никто не ожидал: наступило 27 мая, а обещанный военный корабль из Аргентины так и не причалил во французском порту. По закону, Аскасо, Дуррути и Ховер обретали свободу, и именно эта мера была востребована от министра юстиции в письме на его имя. Но министр Барту, стремясь быть бóльшим католиком, чем сам папа, в ожидании аргентинского корабля

продолжал держать активистов в тюремных застенках. Что же происходило тем временем в Аргентине и почему никто не посылал за арестованными? У Освальдо Байера мы позаимствовали объяснения причин, которые, по его мнению, заставили президента Альвеара отступить в последний момент от намеченного:

«Волнения в Буэнос-Айресе, вызванные делом Аскасо, Дуррути и Ховера, растут с каждым днём и слились с кампанией в защиту Сакко и Ванцетти. Альвеар понимает, что, когда испанцы сойдут на землю, они превратятся в ещё один фактор нестабильности и без того беспокойной обстановки в среде рабочих в 1927 году. Имеет смысл их прибытие? С какой целью? Лишь для исполнения желаний полицейских чинов? Альвеар намного хитрее этих американцев, попавших в омут Сакко и Ванцетти и тем самым заслуживших гнев всего цивилизованного мира. Стоит ли доставлять сюда этих трёх чужеземцев для предания их суду? Конечно же нет. Довольно проблем, доставляемых Радовицким в тюрьме Ушайи, чтобы добавить ещё один фактор раздражения и дать повод анархистам бросать бомбы, устраивать манифестации и объявлять стачки!»²³⁰

Исходя из этого анализа, становится понятной политика Альвеара: сначала на военном корабле Bahía Blanca происходит авария, что мешает ему продолжить взятый курс; затем требования Альвеара к французской полиции, чтобы та доставила троих анархистов в Буэнос-Айрес. Всё это было слишком, чтобы не свести на нет добрые намерения Пуанкаре и его министров.

С другой стороны, в то время как аргентинское правительство ретировалось, тянуло время и, сверх того, требовало французского эскорта, Луи Лекуан собрал нужное количество подписей для представления интерпелляции структурам власти 7 июля 1927 года в 14:00. И тут к Пуанкаре вернулось его политическое здравомыслие, и за два часа до начала обсуждения этого вопроса в парламенте он послал Мальви — своё доверенное лицо — на переговоры к Лекуану. «Вы понимаете, — сказал Мальви Лекуану, — что эта мера может привести к краху правительства Пуанкаре? Так сильна Ваша ненависть к нему?»

Нет, Лекуан испытывал ненависть не к Пуанкаре, а к политике вообще и к тем, кто ею занимается профессионально. Что ему было до провала Пуанкаре? Он всей душой стремился к одному — и он ясно заявил это «нюйфаундленду» главы правительства — к свободе Аскасо, Дуррути и Ховера.

“ «Так тому и быть! — ответил тот. — 8 июля 1927 года Аскасо, Дуррути и Ховер выйдут из заключения»²³¹.

Формальность была соблюдена. В тот день интерпелляция не была предъявлена, и на следующий день утром трое испанцев покидали Quai des Orfèvres. На выходе их ждала довольно большая группа журналистов. Совместная акция аргентинских и французских рабочих заставила отступить оба правительства и сказала категоричное «НЕТ!» Альфонсо XIII и его министру-диктатору Мигелю Примо де Ривере.

Под заголовком «Освобождение» La Antorcha праздновала победу:

«Это радость возвращения, возобновления действий и разгром реакции...»

В тот же день, 8 июля, в 6 часов вечера Франсиско Аскасо радостно обнимет мать и сестру Марию, ранее тайно пересёкших границу. Грегорио Ховера ждала его подруга с двумя малышами. На импровизированном ужине этим же вечером в скромной квартирке на улице Du Repos, неподалёку от кладбища Père Lachaise, не было лишь Анастасии. Быть может, именно поэтому на вопрос журналиста Le Quotidien к Дуррути «А сейчас — что?» тот ему ответил:

«Сейчас? Надо продолжать борьбу, с ббльшими силами»²³².

Глава XIX. Эмилианне, Берта и Нестор Махно

Хотя французское правительство и освободило узников, но не по своей воле: в то же время предъявило требование о категоричном выезде из Франции в течение 15 дней. Однако куда податься? Комитет для предоставления убежища предпринимал всё возможное, чтобы достать въездную визу в любую страну Европы. В посольствах не отвечали отказом, но и не обещали ничего конкретного. Неопределённая ситуация затягивалась, а дни всё шли... В ожидании положительного ответа из посольств Дуррути, Аскасо и Ховер обсуждали шансы на совместную жизнь в каком-нибудь месте земного шара, за пределами закона, что уже стало для них обычным делом. Грегорио Ховеру, отцу семейства, чтобы выжить вместе с его супругой и двумя детьми, пришлось сделать прагматический выбор. Ему удалось найти способ добыть поддельные документы и устроиться в Безье краснодеревщиком.

Дуррути и Аскасо, располагая свободным временем, по вечерам посещали книжную лавку анархистской литературы, которая в то время находилась в квартале Менильмонтант, на улице Прэри в 20-м округе Парижа. Там они познакомились с двумя молодыми француженками-анархистками, которые впоследствии стали их подругами. Эмилианне Моран сошлась с Дуррути, а Берта Флаверт начала отношения с Аскасо. Именно в те дни Дуррути и Аскасо познакомились с Нестором Махно — заметной личностью в истории русского анархизма и важной фигурой революции, произошедшей в этой стране в 1917 году. Его действия на Украине до августа 1921 года — одни из самых тревожных страниц русской революции, продолжающих быть темой табу для «правых и левых» историографов — объективных союзников в сокрытии неудобных для них фактов исторической правды. В истории пролетариата Нестор Махно, наверное, является единственным анархистом, инициировавшим революционное движение, на деле воплотившее теоретические концепции общества без каких-либо политических структур²³³. В течение четырёх лет он насмерть сражался на Украине с «белыми» и «красными», в то время как украинский народ, хотя и в атмосфере войны, осуществлял на практике идеи анархизма.

Махно, поначалу с небольшой группой приверженцев, смог организовать мощную крестьянскую армию, отразившую атаки немецких захватчиков непосредственно после подписания Троцким (с ведома Ленина и большевиков) мирного соглашения с Германией. С той поры и вплоть до разгрома немцев в ноябре 1918 года двадцати пяти тысячная армия Махно была единственной силой, защищавшей русскую революцию на Украине. После поражения немецких оккупантов большевики направили в украинские земли Красную армию. Сделав вид, что согласны с формой советской власти, установившейся в этом регионе, они выказали себя союзниками Махно. Однако на самом деле ни Троцкий (военный комиссар), ни Ленин (глава нового советского государства) не имели намерений допустить существование такого анархистского эксперимента, тем более что его положительный опыт

резко контрастировал с произволом и деспотическими мерами большевиков в России, полностью находящейся под их контролем.

Украина и Кронштадт стали лебединой песней русской революции — это было предрешено. В конце 1920 года ситуация на Украине в корне изменилась — большевистское правительство подготовило ловушку группе махновских командиров. Под предлогом приглашения для участия в заседании Военного совета им назначили прибыть в определённое место, и как только все собрались, их арестовала ЧК (тайная советская служба безопасности), впоследствии они были расстреляны. Такая же процедура была задействована по отношению к воинским отрядам, боровшимся в Крыму с реакционными группировками — так называемыми «белыми». Одновременно с этими двумя атаками на сторонников Махно Троцкий выслал на Украину 150 тыс. красноармейцев с целью уничтожить армию Махно. Борьба с Красной армией и в то же самое время «белыми» продлилась девять месяцев. Наконец, в августе 1921 года, Махно с горсткой своих приверженцев покинул родину и бежал в Румынию, где был заключён в тюрьму. Из Румынии он бежал в Польшу, там его судили, но в конце концов приговор не был вынесен. В 1924 году, благодаря поддержке Рудольфа Роккера, Волина и Эммы Гольдман, ему удалось перебраться в Германию и затем, в 1925 году, найти убежище в Париже.

Для него Париж являлся изгнанием, а изгнание для этого человека активного действия было равносильно смерти. Молодой тридцатипятилетний мужчина выглядел истощённым из-за военных невзгод и многочисленных ранений. Однако наиболее глубокой раной являлись для него поражение, и вся та ложь, распространяемая о нём и Украине господствующим большевизмом. Вдобавок ко всему, ему — русскому человеку — было сложно привыкнуть к французскому стилю жизни. Махно, знавший о Дуррути и Аскасо, об их невзгодах и перипетиях, уже будучи в Париже, следил за судебным процессом в течение всего года, пока испанцев держали в заключении. Хотя он и вёл одинокий образ жизни, но, когда ему сообщили о просьбе Дуррути и Аскасо встретиться и побеседовать, согласился принять обоих в скромном гостиничном номере, где он обосновался с женой и дочерью. Как только трое мужчин оказались лицом к лицу, Дуррути сказал:

“ «Мы пришли поприветствовать в твоём лице всех революционеров, которые боролись на российской земле за наши идеалы анархизма, а также хотим отдать дань богатому опыту вашей борьбы на Украине — он имеет для всех нас огромное значение». «Слова Дуррути, — как напишет позднее Аскасо, — глубоко тронули усталого бойца. Этот невысокий, но крепко сложенный человек, казалось, ожил. Проницательный взгляд его косоватых глаз отражал кипящую энергию личности в оболочке ослабевающего тела».

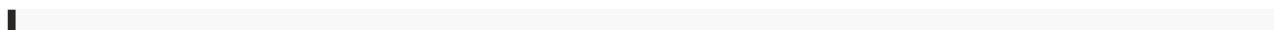
«У вас в Испании, — сказал Махно, — более подходящие, чем в России, условия для настоящей анархистской революции: крестьяне и пролетариат закалены в революционных сражениях. Быть может, ваша революция произойдёт в скором времени, и я смогу увидеть идеи анархизма, воплощённые в жизнь без просчётов и ошибок русской революции! Вы, испанцы, обладаете способностью организовать свои силы, а у нас в России этого не доставало — ведь именно организация обеспечивает глубину революционных

преобразований. И поэтому я не только восхищаюсь движением анархистов на Иберийском полуострове, но и считаю, что в настоящее время только оно способно с успехом совершить революцию более глубокую, чем большевистская, и к тому же обойтись без того опасного бюрократизма, который сразу же после победы нашей революции явился угрозой для неё. Боритесь за то, чтобы в ваших рядах всегда жил дух стойкой организации, и не допустите его развала теми, кто принимает анархизм как сухую, безжизненную теорию. Анархизм чужд идеям сектантства и догматизма. Это теория в действии. У него нет заранее установленных концепций. Это естественное явление, проявляющееся в человеческой деятельности, индивидуальной или коллективной. Он представляет из себя движущую силу, импульс в движении вперёд самой истории».

Беседа утомляет Махно, а кроме того, сказывается незнание испанского. Необходимые паузы при переводе (с помощью его друга — переводчика Довинского) затрудняли последовательное изложение мыслей. Живо следя за выражением лиц испанских товарищей, он пытался уловить реакцию на его слова. Беседа длилась несколько часов. Махно поведал Дуррути и Аскасо о подробностях его борьбы на украинской земле, а также о деталях работы в коммунальных хозяйствах и правлении советов в этих областях в годы его деятельности.

«Наша сельская коммуна работала как активное звено в экономической и политической сферах, в рамках федеративной и солидарной системы, организованной нами. Сообщества крестьян не руководствовались личными эгоистичными интересами, а опирались на всеобщую поддержку — как на местном, так и на областном уровне. Наш опыт ощутимо показал, что крестьянский вопрос мог решаться не так, как это навязывали большевики. Если бы мы смогли распространить наши методы по всей стране, то не появились бы пагубные разделения между городом и деревней, и мы смогли бы предотвратить страдания русского народа от голода и бесполезную борьбу между рабочим классом и крестьянами. И что самое главное — революция пошла бы совсем другим путём. Говорили, что наш успех будто бы обязан тому, что основывался на крестьянской и мастеровой структуре. Но это не так. Наши общины носили смешанный характер — сельский и промышленный, — и некоторые из них даже были полностью промышленными. Наша система обладала прочностью в силу революционного энтузиазма, исходившего от всех нас, без каких-либо бюрократических процедур. Мы все были одновременно и бойцами, и рабочими. Всеобщее собрание решало все вопросы. Что касалось военных действий, то этим занимался военный комитет, он был широко представлен от всех малых групп. Для нас самым важным было участие всех людей в коллективном деле, во избежание появления касты руководителей — монополизаторов власти. Именно поэтому нам удалось соединить теорию с практикой. И поскольку мы опровергали необходимость большевистских мер, Троцкий и Ленин бросили на нас войска Красной Армии. Да, большевизм одержал военную победу на Украине и в Кронштадте, но революционная история оправдывает нас и изобличит могильщиков русской революции как контрреволюционеров».

Во время беседы лицо Махно неоднократно искажалось гримасой усталости, особенно при упоминании трагичных для него событий. В какой-то момент, вздохнув, он воскликнул:

«Надеюсь, настанет время, и вы сможете сделать всё лучше, чем мы». На прощание он сказал: «Махно никогда не отказывался идти в бой. Если я буду жив, когда вы начнёте ваше сражение, то стану одним из ваших бойцов»²³⁴.

23 июля 1927 года, по окончании срока пребывания в стране, предоставленного французскими властями, Дуррути и Аскасо были отправлены на границу с Бельгией, где правосудие разыграло для наших друзей настоящую комедию, тягостную от начала до конца. Когда французская полиция выдала изгнанных испанцев бельгийской, то та не одобрила въезд на свою территорию «столь опасных анархистов». Перед лицом отказа бельгийцев французская полиция отвела Дуррути и Аскасо на пограничный пункт и терпеливо дождалась сумерек. Под покровом ночи французы тайно перевели обоих на бельгийскую сторону. Таким образом друзья смогли добраться до Брюсселя, где их в малярной мастерской приютил бельгийский анархист Хем Дей, в надежде добиться от бельгийских властей предоставления политического убежища. Дни тянулись томительной чередой. Аскасо и Дуррути отчаянно ожидали развязки. Так прошёл июль, и уже в августе они узнали из газет о трагичной развязке драмы Сакко и Ванцетти.

Ничто не повернуло вспять решение властей США. За три дня до исполнения смертного приговора пролетариат всей планеты организовал манифестации солидарности с Сакко и Ванцетти. Однако всё оказалось безрезультатным. Едва начался отсчёт 23 августа 1927 года — итальянские анархисты были казнены на электрическом стуле. На 19-й минуте погиб Сакко, а на 26-й — Бартоломé Ванцетти. Эти два итальянских анархиста, в течение шести лет завладевшие вниманием всех стран, оставили после себя пример революционной стойкости. Аскасо и Дуррути не принадлежали к роду борцов, которые, терпя поражение, просят пощады у победителя. Они не отказались от своего намерения ликвидировать Альфонсо XIII, избавив таким образом испанский народ от угнетателя. Они также не просили помилования у французского правительства, не раскаялись в содеянном. От силы они потребовали, чтобы власти применили свои собственные законы, и не более того. В случае с Сакко и Ванцетти всё было предельно ясно: господствующий класс действовал безжалостно, провоцируя социальные столкновения. И в силу неоспоримых фактов принцип талиона становился логичным следствием. Так это понимали Аскасо и Дуррути, и точно так же понял это Северино ди Джованни в Аргентине, когда взорвал динамитом здания американской капиталистической компании, обосновавшейся в городе Ла Плата.

Пока Дуррути и Аскасо обдумывали свои дальнейшие действия с целью добиться оптимальных результатов, неожиданно в один из последних августовских дней их остановили бельгийские полицейские; они не стали утруждать себя формальностями ареста и заключения под стражу, а поступили точь-в-точь, как их французские коллеги: доставили задержанных к ближайшему пограничному пункту и вынудили их пересечь границу с Францией.

Французская полиция была оперативно информирована (наверняка бельгийскими службами). Она тут же принялась за проверку и обыск по домашним адресам испанских и французских анархистов, которые могли бы приютить ссыльных. Жизнь в Париже — городе, избранном Дуррути и Аскасо в качестве подпольного убежища, — походила на настоящую

мышеловку: им постоянно угрожал арест полиции, а кроме того, та могла бы сдать их прямо и тайно в руки испанских властей, минуя таким образом осложнения и трудности с необходимыми процедурами. Что же делать? Нашёлся временный выход: некто взял на себя задачу найти им убежище, и они смогли поселиться в небольшом посёлке — департаменте Йонна — у Эмилии Буше — пацифистки, которая без всякого сомнения предоставила им жильё. Позднее Буше писала:

«Видя, как французская полиция жёстко преследовала этих испанских активистов, я сочла своим долгом помочь им. Они жили у меня два месяца, разделяя с нами наши повседневные заботы и радости (...).

Несколько раз нас предупредили: жандармы не прекращали поиски. Они располагали данными о присутствии испанцев в моём доме. Несколько раз мне удалось запутать их, но не убедить. Положение становилось опасным для всех. Как-то днём мы вместе выехали на прогулку: я за рулём, а Дуррути и Аскасо — на задних сиденьях. Мне нужно было срочно заехать к моему нотариусу, и когда я вышла из его дома, мне стало плохо: рядом с машиной стоял жандармский капитан. Стараясь выглядеть спокойной, я подошла и поздоровалась с ним. Он ответил и спросил меня, видела ли я двух мужчин, о которых он справлялся за день до нашей встречи. Я сказала, что они вернулись в мой дом немного позднее его ухода и что я порекомендовала им зайти в жандармское управление, чтобы уладить вопрос с разрешением на работу. А после любопытствовала:

— Они были у вас?

— Нет, — ответил он, смотря мне прямо в глаза.

— Странно, — сказала я. Они заверили, что зайдут, а потом я их больше не видела.

— На самом деле странно. Мы изучим этот вопрос детально, — ответил жандарм и пошёл в обратную сторону с задумчивым видом.

Я запрыгнула в машину, взялась за руль, и мы тотчас же уехали. Проехав капитана, в растерянности шагавшего своей дорогой, я обернулась к задним сиденьям. Мои друзья улыбались. Аскасо, потрясая правой рукой, жестом дал мне понять, что мы спаслись просто чудом...

Во время беседы, проходившей в двух метрах от них, они сделали всё возможное, чтобы сохранить хладнокровие, но в то же время были начеку и готовы атаковать капитана либо бежать в случае, если ему пришло бы в голову что люди, которых он искал, сидят перед ним в машине.

Этот последний инцидент вынудил их покинуть мой дом. Ночью я отвезла обоих в надёжное место, откуда они позднее выехали в Париж»²³⁵.

Париж всё так же был той же мышеловкой, из которой они вырвались на время, и поэтому жить там не представлялось возможным. Недавно созданный Комитет революционного альянса²³⁶, к которому присоединились «Солидарные» ввиду подготовки плана восстания в Испании и Италии, порекомендовал переехать в Лион, где они могли бы быть более полезными для революционной деятельности.

Глава XX. Лион, или Снова в тюрьме

Несмотря на значимость Лиона — одного из провинциальных центров Франции, — в первые дни ноября 1927 года, когда Дуррути и Аскасо прибыли в этот промышленный город Роны, полицейский контроль едва был замечен. При условии, что Дуррути и его друг, имея при себе документы на чужое имя и избегая гостиничной регистрации, вели бы скромный образ жизни, то не так уж трудно было найти работу и некоторое время пожить спокойно, поджидая удобный момент для возвращения в Испанию. Так и случилось: они нашли жильё, работу, незаметный стиль жизни, и т.д. — всё, только не спокойствие. Люди действия, по природе своей беспокойные, Аскасо и Дуррути не могли ограничить себя рамками добровольного пассивного существования, довольствуясь каждым прожитым днём. Прежде всего они принялись за сбор сведений о положении анархистского движения в изгнании — Франции, — и о новостях организаций в Испании. Выйдя на свободу в Париже, за то короткое время они узнали о проведении в Валенсии 24 и 25 июля 1927 года подпольной конференции. Им стало известно о её результатах и что на ней был принят устав Федерации Анархистов Иберии, объединяя таким образом деятельность всех анархистских групп, существовавших в то время на Иберийском полуострове.

Группы испаноязычных анархистов, живших в изгнании во Франции, сыграли большую роль в основании ФАИ, особенно после проведения в Барселоне в апреле 1925 года Национальной конференции анархистов. На ней Франции было поручена трудная миссия координации анархистских организаций из-за рубежа. После появления ФАИ был избран Иберийский комитет в составе испанских и португальских анархистов, с центром в Севилье. ФАИ не предприняла ничего, кроме возрождения прежней структуры организации — если можно применять такой термин, который лично нам кажется ошибочным, — то есть той формы, которая сохранялась на протяжении некоторого времени, с тех пор как в Испании утвердился организованный анархизм. То была группа близкая по духу, имеющая связи с другими местными объединениями для совершения совместных действий. Новым было образование Региональных комиссий по связям с анархистами, то есть координаторов работы групп на уровне одного географического региона. Различные Региональные комитеты вместе составляли Иберийский комитет, а тот назначал Секретариат, который от плenums к пленуму поддерживал связи с различными либертарными движениями как на полуострове, так и за его пределами. Почему же иберийские анархисты решили объединиться в движение, носящее именно анархистский характер? Для этого есть много причин, но опять же, нужно учитывать первородный грех либертарного движения в Испании, которое, как известно, образовалось на основе Международного альянса социалистической демократии, возникшего в Испании в рамках организации, созданной в Швейцарии Михаилом Бакуниным и его друзьями. Тогда и в 1870 году Альянс намеревался служить защитным щитом I Интернационала в Испании как для задач революционной

защиты перед лицом репрессий со стороны государства, так и для теоретических целей. Его целью было блюсти, чтобы Интернационал и рабочий активизм не превратились в корпоративный синдикализм, ставящий перед собой всего лишь задачи улучшения условий жизни и труда рабочего класса. В противовес такой тенденции, согласно существующей революционной практике, пропагандировалась чёткая линия борьбы — на разрушение капитализма и государства как общественных структур. Волей-неволей эта позиция всегда являлась установкой в идеологии и действиях анархистов в среде рабочих организаций. И хотя названия организации менялись до принятия конечного — НКТ, — она была прямой наследницей, с теоретической и практической точек зрения, той, основанной в Мадриде в 1869 году Ансельмо Лоренсо, Томасом Гонсалесом Мораго, Франсиско Морой и другими.

Уже тогда, на начальном этапе (1869–1872 годы) стала очевидной вся сложность параллельного и в то же время запутанного существования Международного альянса социалистической демократии и Испанской региональной федерации от Международной ассоциации трудящихся (I Интернационала). И несмотря на то что сам Бакунин предупреждал испанских сторонников альянса о такой несовместимости, им не удалось разделить то, что ранее было тесно сплетено; именно поэтому намерение Бакунина основать чисто анархистский Интернационал в Испании на базе испанского филиала не осуществилось. В результате Испанская региональная федерация, а впоследствии НКТ оказалась глубоко насыщенной идеями и духом анархизма.

Так обстояли дела в Испании. Фракция анархистов не переставала воодушевлять НКТ, и одновременно различные либертарные группировки не прекращали энергичные действия как в теоретических спорах, так и в практических акциях. Так бы всё и шло дальше, если бы не необычный рост НКТ и вместе с ним — новые проблемы, которые неизбежно отразились на рабочем движении. Пока борьба развивалась в сфере насильственных действий и забастовок, включая суровые времена буржуазного пистолеризма в 1919–1923 годах, проблема по существу (то есть дуализм) не могла проявиться как таковая.

Однако, когда наступил этап относительного затишья в рабочем движении с момента установления диктатуры Примо де Риверы в сентябре 1923 года, перед НКТ сразу же встала следующая проблема: строить свою деятельность в рамках законов для общественных организаций, навязанных новым правительством, что означало для НКТ конец практики прямого действия либо уходить в подполье, что означало так или иначе потерю широкого контакта с рабочим движением. К этой проблеме, уже самой по себе значительной, прибавлялась ещё одна, не менее сложная: Как продолжать борьбу с диктатурой? Делать ставку на изоляцию НКТ и самого анархизма от других оппозиционных сил, посвятивших себя этой борьбе, означало навлечь на профорганизацию и анархизм все репрессии нового правительства, а кроме того — практически не иметь шансов победить диктатуру в одиночку.

Ввиду сложившейся ситуации всё сводилось к необходимости достижения согласия с политическими линиями оппозиции, которые также боролись с диктатурой. Но сотрудничество с этими политическими силами буржуазного или демократическо-буржуазного и реформистского толка (соцпартия и ВКТ официально адаптировались к законам диктатуры Примо де Риверы) подразумевало установление политической

платформы. Другими словами, речь шла о политическом компромиссе, который в практическом смысле мог пойти на пользу НКТ. После падения диктатуры любое политическое решение означало бы принятие синдикализма в новые формы правительства и государства. Или же НКТ продолжала бы борьбу против диктатуры, а затем великодушно предоставляла буржуазии и реформистам возможность самим сформировать структуры власти. Что бы ни предприняла НКТ в таких условиях, она претерпевала глубокие изменения и, как следствие, неизбежно вливалась в государственные структуры.

Но что на самом деле ограничивало поле деятельности НКТ — так это её декларация либертарного коммунизма, её каждодневная практика неподчинения общественным законам и нескрываемое неприятие государства как такового. Если линия анархизма отделялась от НКТ, то тогда та могла свободно входить в альянс с политическими партиями и воспользоваться достигнутыми договорённостями (естественно, в составе государства) с целью участия в разработке общественных законов, направленных на улучшение положения рабочего класса. Всё это было ясно. И настолько ясно, по причине указанных ранее проблем, что после совершения военного переворота появились две различные попытки дать ответ на вопросы, стоящие перед НКТ как организацией рабочего класса. Один — вдохновляемый Пестаньей и который мы можем назвать ревизионистским; и позднее — предложение с стороны Пейро. Они действовали исходя из двух различных точек зрения, но в конце концов совпадали в целях; оба утверждали, что если помехой для НКТ является её анархистский характер, то необходимо избавиться от него, и таким образом, уже без этого «груза» организация могла бы действовать более свободно. Такая позиция была названа «профессионализация профсоюзов», что конкретно означало обеспечение их нейтральности. Пестанья намеревался разрешить политическую проблему посредством так называемых «союзов активистов», эмбрионами или ячейками Анархистской партии. Таким образом пришёл бы конец дуализму: «анархизм-профсоюз».

Предложение Пейро было менее чётким, но цель оставалась той же, что и у Пестаньи. Пейро исходил из анализа классовой борьбы, где фундаментом являлась экономическая эволюция капитализма. По мере развития монопольных «трестов» и «картелей» капитализма всё более увеличивалась его концентрация и устанавливались условия для такого феномена, который мы сегодня называем «мультинациональный капитализм». Для эффективной борьбы против капитализма НКТ должна была следовать примеру такого процесса и организовать свои структуры по такому же принципу, то есть основать Промышленные федерации на местном, региональном и национальном уровнях. Страна располагала бы двумя высшими органами: один — Национальный комитет от Национальных промышленных комитетов, и другой — Национальный экономический совет. Они включали бы в себя различные отделы, один из наиболее важных — статистический. Сразу становилось ясным, что такая структура означала, кроме уже известной бюрократизации профсоюзного аппарата, согласие со стороны НКТ с общественными законами и, следовательно, её интеграцию в само государство. Кроме того, Пейро не ставил вопрос о политическом представительстве НКТ, так как возлагал на неё способность располагать собственной политической силой, которая бы развивалась на почве борьбы за права в области экономической.

Имея различные точки зрения в некоторых вопросах, Пестанья и Пейро совпадали в общей цели: убрать анархистское содержание из НКТ.

Как же отвечали сами анархисты на эти две позиции? В их рядах также не было прочного единодушия в отношении методов, хотя в конце концов все приходило к одному и тому же выводу. Одни были за то, чтобы покончить с дуализмом «анархизм-синдикализм», и провозглашали рабочее движение полностью анархистского характера (Движение рабочего самоуправления), ставя в пример движение ФОРА V съезда в Аргентине. Другие, чувствуя себя вдохновителями НКТ, не хотели отказываться от своего главенства в организации. Поэтому они предложили меру, названную в то время «сцеплением, или связкой» и ставшую темой обсуждения на всех дебатах и пленумах НКТ и ФАИ. Это было так называемое сотрудничество между обеими организациями, предлагая, как наиболее оптимальный вариант, разделение стоящих перед ними задач: с одной стороны, профсоюзная деятельность, с другой — работа с пропагандой идей и подрывные действия. В любом случае и та и другая сфера сохраняли принципы анархизма в рабочем движении.

Отдельно от этих двух линий существовала ещё одна — та, которой придерживались «Солидарные». Далее мы изложим точку зрения Аскасо и Дуррути во время их деятельности в Лионе.

«Солидарные» (хотя пока правильнее будет говорить только о Дуррути и Аскасо) основывались на историческом прошлом и объективной оценке испанской реальности. В Испании имела место относительная и неравномерная индустриализация. В классовой борьбе испанского народа необходимо было принимать во внимание роль как пролетариата, так и крестьянства. Крестьяне представляли рабочую силу в пять миллионов из девяти миллионов общего состава, входивших в общее число: 25 миллионов жителей страны в то время. Это крестьянство не было похоже на аналогичный слой общества в других странах Европы, где после аграрной реформы удалось создать средний класс среди крестьян. В Испании всё обстояло иначе. Аграрная реформа не была осуществлена. Латифундизм занимал прочные позиции во многих областях Андалузии и Кастильи, а на других территориях имел место минифундизм, что также не способствовало разрешению проблем крестьянства. Вследствие этого образовалась прослойка пролетаризированного крестьянства, выступающего в борьбе совместно с городским пролетариатом, который на протяжении своих сражений встал на сторону либертарного коммунизма или «инстинктивного социализма», как его называл Диас дель Мораль, при анализе положения сельского населения, в частности в Андалузии.

Если в сельской местности существовала описанная взрывоопасная ситуация постоянной борьбы между крестьянами и кастой аристократов-землевладельцев, то в промышленных и горнодобывающих областях пролетариат должен был бороться с анахроничной буржуазией, неотделимой от господствующей монархической касты, либо противостоять мировому капитализму, пустившему корни в главных отраслях промышленности Испании. В любом случае, на всех территориях классовая борьба проявлялась в своей самой жёсткой и революционной форме. В стране, где проводились чёткие границы между бедными и богатыми, отчаяние было всеобщим: как рабочим, так и крестьянским.

А что же государство? Каковы были его политические основы? В действительности, государство в силу его исторического процесса формирования являлось искусственным институтом, не имеющим национального консенсуса ещё и потому, что нация как таковая практически не существовала, а напротив, имел место целый ряд децентрализованных тенденций, ещё более усугублявших так называемую регионалистскую проблематику, что являлось не чем иным, как активным федерализмом.

В такой ситуации бессилия и непопулярности государства, политической и экономической слабости буржуазии, всё более ясного подрыва авторитета политических партий какие меры должен был предпринять революционер? Разве он не обязан действовать, и действовать в прямом смысле, чтобы столкнуть между собой и выявить противоречия режима с целью осуществить пролетарскую революцию? Аскасо и Дуррути энергично ответили на этот вопрос, изо дня в день работая в среде рабочего класса на подъём революции. НКТ, наряду с рабочими социалистическими ресурсами, со «сцеплением» или без него, руководимая анархистами, представляла собой благодатную почву для такой акции. Однако Аскасо и Дуррути понимали, что анархизм должен был развиваться без ограничения своего действия в пределах синдикалистского и социал-демократического реформизма.

Такая радикальная и категоричная позиция Аскасо и Дуррути оценивалась некоторыми анархистами, претендующими на ортодоксальность, как анархо-большевистская. Такие эпитет и название шли вразрез с идеями двух друзей и товарищей по борьбе — как в силу их убеждённого антибюрократизма в революции, так и из-за каждодневной практики их борьбы.

Когда наши друзья прибыли в Лион, все эти проблемы стояли на повестке дня собраний активистов. Казалось, что триумф революции зависел от того, какое мнение каждый из них имел о «сцеплении», другими словами — о координации действий и отношений между НКТ и недавно созданной ФАИ. Нужно добавить, что возникновение такой полемики в среде испанских беженцев в значительной мере произошло из-за недостатка самой деятельности, что, в свою очередь, было результатом отдаления от того места, где происходила реальная борьба (вынужденная экспатриация), и кроме того — в силу репрессий против испанских анархистских группировок за рубежом, вслед за неудачной попыткой покушения на Альфонсо XIII. С тем чтобы оживить деятельность испанцев в изгнании, одна из групп анархистов, вдохновлённая попытками реорганизации НКТ в Испании, выступала с инициативой организовать в апреле 1928 года подготовку кадров НКТ во Франции. Но поскольку филиалы НКТ за рубежом не могли предпринимать публичных действий, они должны были существовать в рамках анархо-синдикалистской организации (Всеобщей конфедерации революционных профсоюзов).

Ввиду такой попытки, которую Аскасо и Дуррути сочли деформацией подрывной деятельности испанского анархизма в изгнании, их коллеги сначала в Лионе, а позже — на одном из собраний в Париже предложили: необходимо отвлечь внимание членов организации и избегать обсуждения фундаментальных проблем анархизма. Однако Дуррути и Аскасо заявили, что организация кадров НКТ в изгнании никак не оправдывала себя — эти группы не могли бы предъявлять ни экономические требования в отношении оплаты труда,

ни какие-либо другие, связанные с улучшением условий рабочего класса. Самым главным являлось продолжение революционной активности для достижения целей в Испании, действуя совместно с другими анархистами-мигрантами, в частности итальянцами.

В то время как Дуррути и Аскасо в Лионе объясняли своё предложение, в Париж из Аргентины прибыл Хоакин Кортес, изгнанный из этой страны по причине своей деятельности. Аскасо и Дуррути были тесно связаны с Кортесом, они вместе с ним участвовали в борьбе рабочих во время их пребывания в Буэнос-Айресе. Также в то время в Париже, прибыв из Испании, проживали Рикардо Санс и Гарсия Виванкос.

После переписки с соратниками Аскасо и Дуррути решили встретиться с ними, чтобы обменяться мнениями, и для этого в январе 1928 года направились из Лиона в Париж.

Рикардо Санс привёз из Испании не очень приятные новости. Пестанья и Пейро затеяли дебаты вокруг будущего НКТ. Анархистские издания того времени (Acción Social Obrera — «Рабочее общественное действие» в Сан-Фелиу-де-Гишольс (Жирона) и El Despertar — «Пробуждение» — в Виго) заполнили все свои колонки последствиями этой полемики. Пленумы и собрания членов и активистов организаций, казалось, вращались исключительно вокруг этих тем. Такие тенденции принимали опасный поворот, так как в пылу спора его участники забывали: такого рода коллеги из НКТ и ФАИ уже внесли раскол среди товарищей в Валенсии. Примером абсурдной ситуации служили конспиративные действия неких политических элементов, которые, в силу своих врождённых особенностей, не проявляли большого интереса в свержении диктатуры или разрушении основ монархического режима в Испании.

Как сообщил Кортес, главной задачей была кампания солидарности с Радовицким. ФОРА возрождалась после прежних расколов и ставила перед собой цель превратиться в самую значительную организацию рабочих в стране, насчитывая в своих рядах приблизительно сто тысяч членов, что являлось незаурядным показателем, принимая во внимание структуру ФОРА, которая не обращала особого внимания на этот аспект; она ставила перед собой цель распространения и утверждения идей анархизма среди рабочих.

Однако, согласно сведениям Кортеса, аргентинские товарищи, казалось, не совсем понимали, что авторитарная тенденция их государства всё росла, и нельзя было исключать возможности военного переворота фашистского характера, что означало бы жестокую репрессию на поражение организованного рабочего движения. Было очевидно, как и показали впоследствии события в Аргентине, что Кортес обладал ясным видением действительности. 6 сентября 1930 года под руководством генерала Урибуру произошёл предсказанный путч, и с того момента тоталитарный характер государства пошёл по возрастающей, что повлекло за собой репрессии и атаки на рабочее движение, его руководителей и особо жестокие расправы с активистами-анархистами.

“ «Ко всему этому, — сказал в заключении Кортес, — можно добавить, что круг насилия в Аргентине, начавшийся после казни Сакко и Ванцетти, не предвещал ничего доброго из-за полемики между анархистами действия и сторонниками теории. Деятелями, символизирующими противостояние в

этом ожесточённом диспуте, были, с одной стороны, ди Джованни, тот белокурый парень, директор издания *Cúlmine*, и с другой — Диего Абад де Сантильян, который, несмотря ни на что, занимал твёрдую позицию, называя “анархо-бандитами” всех анархистов, которые, движимые текущими нуждами организаций, следовали лозунгу “большие проблемы требуют смелых решений”».

«Да, в самом деле, — подумали Аскасо и Дуррути, — ситуация не из лучших, однако...»

Кроме того, ещё один вопрос заставлял их ехать в Париж: информационное заседание, созванное анархистскими испаноязычными группами в районе Сены, на котором Бруно Каррерас — участник Национального пленума НКТ от Франции (проведённого в Барселоне в январе 1928 года) должен был докладывать о положении в Испании.

Его выступление в основном сводилось к рассказу о тех трудностях, с которыми сталкивалась НКТ для поддержания своих структур. Те, хотя и из подполья, всё же служили основой профсоюзной деятельности. Он также затронул тему «сцепления» НКТ и ФАИ, являющейся единственным методом для обеспечения, с одной стороны, независимости НКТ, а с другой — возможности гарантировать влияние анархистов в конфедеративной организации профсоюзов. «Мы во Франции, — сказал Каррерас, — на самом деле не сталкиваемся с этой проблемой, но с тем, что нам необходимо поддерживать профсоюзные кадры от НКТ. С целью проанализировать этот вопрос Национальная федерация анархистских испаноязычных групп созвала на 19 февраля этого года Национальный съезд в Лионе». Каррерас обратился к участникам заседания (приблизительно тридцати) с просьбой письменно подтвердить согласие приехать на этот съезд. Группа анархистов энергично выступила против такой меры, так как они считали, что испанская профсоюзная организация во Франции не могла предпринять борьбу за свои права. Каррерас представил свой основной аргумент — число испанцев, не желающих вступать в анархистские группы, тем не менее охотно записывающихся в профсоюзные организации — и что из этого вытекает важное следствие: этих людей нужно иметь в виду как будущих анархистов после получения ими соответствующей подготовки. Кортес очень энергично, а Аскасо — хладнокровно опровергли доводы Каррераса и присоединились к оппозиционерам»²³⁷.

Как и было объявлено, в Лионе состоялся Съезд анархистских групп, и, согласно протоколам и кратким отчётам, опубликованным журналом *Prisma*, на нём разгорелась энергичная дискуссия на тему роли профсоюзных кадров НКТ. В конце концов победу одержали сторонники поддержки профсоюзных кадров. Поскольку в протоколах не приводятся фамилии, а лишь названия группировок, и ни одна из них, по-видимому, не имела тесной связи с Аскасо и Дуррути (особенно принимая во внимание позицию, занятую обоими в Париже), почти с полной уверенностью можно утверждать, что они не участвовали в этом съезде. Однако, несмотря на это, спустя некоторое время после его проведения Аскасо и Дуррути были арестованы полицией. В этот раз всё обошлось без скандала. Их осудили за нарушение закона об иностранцах на шесть месяцев тюремного заключения. Таким образом, они вышли на свободу с той же проблемой, что и ранее: им было предписано покинуть Францию, причём никакая страна не намеревалась предоставить им въездную визу²³⁸.

Глава XXI. Подпольно через Европу

Пока Дуррути и Аскасо сидели в лионской тюрьме, Комитет для предоставления убежища неустанно обращался в различные посольства и консульства с просьбой выдать узникам въездную визу. Но ответ всегда был одним и тем же: «Наша страна не может предоставить политическое убежище этим опасным анархистам». Поэтому, когда оба вышли на свободу, то опять оказались в безвыходной ситуации, поскольку во Франции отменить решение полиции было невозможно. Единственной слабой надеждой казалась возможность получить разрешение на въезд в Советский Союз, в прошлом году они сделали такой запрос²³⁹. Однако ни Аскасо, ни Дуррути не питали радужных надежд по этому поводу. Кроме того, все их товарищи, включая Махно, предупредили о возможных катастрофических последствиях пребывания в СССР. Как один из вариантов, Аскасо и Дуррути рассматривали такой шанс: после получения паспорта укрыться в одной из стран Центральной Европы. Одним словом, после выхода из застенков у них оставался только один выход: воспользоваться тайной лазейкой, предоставленной им французскими полицейскими на бельгийской границе. По прибытии в Брюссель друзья отправились в консульство Советского Союза, чтобы заняться вопросом въезда в Россию. В консульском отделе им ответили, что, действительно, им выдали разрешение на въезд в страну, но все процедуры — получение паспорта и другие — должны быть проведены в Париже, поскольку именно там был подан запрос. Аскасо и Дуррути объяснили, что въезд во Францию невозможен, так как в случае повторного ареста на французской территории их ждёт приговор к тюремному заключению на несколько месяцев. Тем не менее советские служащие не приняли никаких доводов и твёрдо стояли на своём. Итак, что же оставалось? Они решили тайно вернуться в Париж и, как только прибыли в столицу на берегу Сены, направились в советский консульский отдел. Однако оттуда их направили в посольство: именно там они должны были сделать всё необходимое. В посольстве их дотошно допросили, требуя огласить свои намерения и планы деятельности в России. После допроса им выдали бланки для заполнения, где они должны были декларировать готовность защищать Советское государство, не предпринимать действий, могущих причинить ущерб, и признать, что это государство является подлинным выражением народной воли... Перед лицом таких недопустимых требований улетучилась последняя надежда найти законное убежище в какой-либо стране²⁴⁰.

Единственной европейской страной, где анархистское движение в то время располагало более или менее организованными силами, была Германия. Дуррути и Аскасо выехали тайком туда и прибыли в Берлин в последние октябрьские дни 1928 года. Контактным лицом в Берлине был Августин Зухи — его адрес им предоставил Оробон Фернандес. Зухи уже был осведомлён об их приезде — он приютил беженцев у себя и взялся за выполнение необходимых формальностей, чтобы уладить их законное пребывание на немецкой

территории. Он обратился к Рудольфу Роккеру — известной личности в анархистском движении Германии, — который благодаря своему положению в рабочем движении и теоретическим работам пользовался большим уважением в определённых политических и интеллектуальных кругах. С оглядкой на возможную беду — Германия всё же не Франция — было решено держать в секрете пребывание испанцев в стране, и для этого их поселили в доме одного надёжного товарища-анархиста в пригороде Берлина. Рудольф Роккер попросил поддержки для испанцев у поэта-анархиста Эриха Мюзама. Оба решили обратиться к старинному боевому товарищу, который со временем отошёл от активной анархистской деятельности и вступил в социал-демократическую партию. Его звали Кампфмейер. Несмотря на его отход от либертарных кругов, он всё же сохранил дружеские связи с некоторыми наиболее известными членами организации; они прибегали к его помощи в трудных ситуациях с точки зрения действий в бюрократических инстанциях, так как он занимал важную должность в административных инстанциях. Дважды Кампфмейер оказал действенную помощь, разрешая сложные вопросы для Нестора Махно и Эммы Гольдман, когда те покинули Россию. На этот раз ему изложили ситуацию Дуррути и Аскасо с намерением добиться разрешения на временное пребывание в Германии. «Он мне пообещал сделать всё возможное, но попросил дать ему достаточно времени», — пишет Роккер. Тем временем, с целью снять тревожное напряжение, для них организовали некоторые мероприятия. Роккер продолжает:

«Когда наступали сумерки, мы вывозили беженцев на прогулки в город и проводили с ними у нас дома весь вечер, либо у Августина Зухи и Эриха Мюзама. В те годы полиция не слишком следила за иностранцами в Берлине, и поэтому мы могли немного рисковать, чтобы каким-то образом развеяться. Такое поведение не могло быть возможным во времена империи. В случае отсутствия прямого доноса или давления со стороны иностранных государств к иностранцам в основном не предъявлялось претензий. Так же наверняка произошло бы с Дуррути и Аскасо, но поскольку ситуация представлялась опасной, мы сочли целесообразным попытаться получить от властей официальное разрешение на проживание (...). Через пятнадцать дней Пауль Кампфмейер сообщил мне, что дело застопорилось окончательно. Прусское правительство в то время состояло из коалиции социал-демократов, демократов и католической центристской партии. И хотя социал-демократы, как наиболее сильная партия, занимали важные министерские посты, всё же должны были считаться с другими двумя членами альянса, чтобы избежать кризиса и не рисковать своим положением в Рейхе. В деле Аскасо и Дуррути основная сложность сводилась к тому, что они в Сарагосе убили реакционного кардинала Сольдевилу — одного из самых яростных врагов испанского рабочего движения, поддерживавшего деньгами бандитов “пистолерос”, причинивших много вреда рабочим организациям: наиболее отважные товарищи пали от рук наёмников.

“Если бы они совершили покушение на монарха Испании, — сказал мне Кампфмейер, — я бы смог сделать для них что-нибудь. Однако партия центра ни за что не простит смерти одного из самых высоких чинов католической церкви. Именно поэтому возможность предоставления права на политическое убежище в Германии полностью исключена”.

Положение было сложным. Если Аскасо и Дуррути из-за малейшей оплошности попали бы в руки германской полиции, выдача испанским властям стала бы делом времени. Рудольф Роккер не хотел давать им повода для напрасных иллюзий, которые могли бы стать пагубными, и рассказал всё как есть: «Зухи и я объяснили им состояние дел и спросили, что можно сделать в такой ситуации. После долгих размышлений оба пришли к выводу: Мексика, быть может, была единственной страной, где они могли найти убежище. Конечно, там невозможно было проживать под своими именами, но тем не менее язык был общим, и поэтому в Мексике было намного легче слиться с толпой и найти работу. Таким образом, все пришли к заключению: это наиболее оптимальный план. Чтобы добиться намеченной цели, поначалу они должны добраться до Бельгии, где с помощью надёжных товарищей смогли бы получить надёжные документы, и уже там, в порту Амберес, сесть на корабль. Тогда перед нами вставала проблема собрать нужную сумму денег для поездки, и немалую. Об этом мы, конечно, ничего не сказали, так как они не приняли бы от нас такую жертву. Организация “Союз свободных рабочих Германии” требовала от нас огромных членских взносов, так как в те времена мы переживали трудную и постоянную борьбу на промышленных предприятиях и, кроме того, в условиях потенциального экономического кризиса. Необходимо было достать деньги как можно скорее. Я поговорил с Мюзамом об этом, и тот посоветовал навестить вместе известного актёра Александра Гранаха, который, вероятно, мог бы поддержать нас.

Я объяснил (Гранаху) цель нашего визита, не вдаваясь в детали. “Как вы вовремя! — воскликнул тот. — Вот, держите, это я заработал сегодня утром!” Он вынул из кармана триста или четыреста марок и бросил их на стол. На самом деле мы не рассчитывали на большую сумму и очень обрадовались такому лестному началу. Добряк Гранах так и не узнал, кому он помог своими деньгами. Для него было достаточно быть уверенным, что его помощь пойдёт на доброе дело. Остальное его не волновало».

Наконец удалось собрать деньги, и испанцы взяли курс на Бельгию. «После долгих дней ожидания новостей от Дуррути и Аскасо вдруг мы получили от них письмо. В конверте они возвращали бóльшую часть денег, собранных нами, и сообщали, что изменили намерение путешествовать в Мексику и теперь решили, как только представится возможность, вернуться в Испанию. Они оставили себе ровно столько, сколько понадобится на билеты и расходы на поездку до Испании»²⁴¹.

Бельгия начала 1929 года, когда Дуррути и Аскасо ступили на её землю, пересмотрела свою политику в отношении иностранцев, и именно такая мера позволила Хему Дай уладить положение с проживанием “опасных испанцев”. И каким бы парадоксальным это ни казалось, бельгийская полиция пошла на встречу с условием, что Аскасо и Дуррути поменяют фамилию. Такая мера настолько поразила наших вечных “иллегалистов”, что даже Аскасо только и смог сказать: “То, что происходит со мной в Бельгии, — самое невероятное событие в моей жизни!”»²⁴². В Бельгии Дуррути и Аскасо встретили огромное количество друзей, что вместе с быстрым получением разрешения на проживание и, кроме того, оптимистическими новостями из Испании заставило их изменить планы поездки в Мексику. Либерто Кальехас описывает атмосферу Брюсселя тех дней:

«Поблизости от улицы Route Haute, в самом её конце, находится “Народный дом”. Это было место для собраний политических беженцев и рабочих социалистов страны. Вандервельде, закончив свои министерские дела, садился за любой стол большого салона-ресторана и пил кофе с пирожным. Все мы там собирались, писали, обсуждали конспиративные планы борьбы против диктаторского режима Испании, воплощённого в объёмной и развязной фигуре генерала Примо де Риверы. Первые наброски так называемого “заговора Гаррафа” были сделаны в одном из уголков “Народного дома”. Там редактировался анархистский еженедельник *Tiempos Nuevos* (“Новые времена”). Франсиско Аскасо вместе с другими ссыльными покрасил фасад здания социалистической организации. Его брат Доминго продавал платки и письменные принадлежности. Дуррути работал в металлургической мастерской. Я нанялся пыльщиком в цех пробок и посудомоечных машин в гостинице, где проживал Франческ Масиа. Сальвадор Акунья занимался сборкой столов и шкафов. Каждый из нас делал что мог в этой почти что провинциальной обстановке»²⁴³.

А Лео Кампион написал следующее:

«Поначалу я познакомился с Аскасо. Мы работали вместе в одной мастерской для автомобильных запчастей. Когда мы познакомились, то завели беседу о проблемах общества. Спустя несколько минут разговора он мне сказал: “Ни один человек не имеет права властвовать над другим”. Эти слова стали началом нашей дружбы.

Жившие в Брюсселе в 1930 году наверняка вспомнят огромное количество испанских и итальянских беженцев, в основном испанских. И также не забудут естественный приют, которым стал для них *Mont des Arts* — книжный магазин Хема Дай, постоянный конспиративный центр, направленный против всевозможных установленных порядков.

На первом этаже расположились фирма “Бараско” и Лео Кампион. “Бараско” производила товары для “шарлатанов” и сбывала их без посредников. Фабрика занимала одну комнату, служившую одновременно залом, курильней, столовой, кухней и спальней (или, правильнее сказать, спальнями — ввиду неограниченного количества квартирантов). По крайней мере, полдюжины лиц откликнулись на фамилию Бараско. Среди них — Аскасо и Дуррути»²⁴⁴.

Ида Меет дополняет описание:

«Когда Дуррути и Аскасо прибыли в Бельгию, то там, как и в остальных странах Европы, чувствовались последствия мирового экономического кризиса, более заметного в Бельгии, чем во Франции. Для бельгийцев представлялось почти невозможным найти работу. Не говоря уже об иностранцах; особенно для Аскасо, не имеющего специальности, это было маловероятным. Как и многие другие иностранцы — политические мигранты в те годы, Аскасо смог найти место маляра на стройке. Существовало такое правило: профессионалы готовили новичков, а когда кто-нибудь находил место, сообщал об этом остальным.

Несмотря на трудности с работой — когда удавалось найти место, старались не потерять его, — Аскасо не делал различия между мастерами и хозяевами, что неизбежно приводило к увольнению с работы, добытой с большим трудом. Позднее я работала на фабрике, где Аскасо служил довольно короткое время. Речь шла о филиале одной французской компании

для мелких услуг по механике (...). Однако правила были настолько устарелыми: патернализм, рабочие без профорганизации и огромный страх перед мастерами-хозяевами, что товарищи едва могли удержаться на месте несколько дней. Именно это случилось с Аскасо и одним товарищем — врачомантифашистом. Когда директор фабрики уволил меня, он рассказал мне об Аскасо и этом враче, признавая справедливость наших требований, однако сказал, что если бы он пошёл навстречу нашим требованиям, то пробудил бы в остальных рабочих дух бунтарства. Одним из качеств Аскасо была его неспособность унижаться перед властью. Хотя за ним и вёлся постоянный надзор, он приходил на все наши собрания и митинги; никогда не выступал, но активно присутствовал. Аскасо принадлежал к тому прогрессивному слою пролетариата того времени (и в частности, испанского пролетариата), который культивировал в себе ненависть к буржуазии. Разрушить власть этого класса было смыслом их собственных требований. Никто не знал, что получится после поражения буржуазии, но это было ещё не самым главным; самым главным был характер такой борьбы, которая придавала смысл их жизням. В то время я познакомилась с другими политическими беженцами, которые, как и Аскасо, молча переносили материальные трудности и преследования полиции. Такие лишения казались им частью жизни революционеров. Даже сама смерть представлялась им “естественным” событием, согласно тому стилю жизни, который они добровольно избрали.

Говорить об Аскасо — то же самое, что говорить о Дуррути. Тогда эти два имени произносились вместе. Тем не менее насколько они были разными! Не только внешне, но и по складу характера. Если Аскасо обладал типично испанской внешностью, то тип Дуррути отличался от иберийского. Высокий, сильный, голубоглазый; отличный механик, который смог найти работу даже в Бельгии, сотрясаемой экономическим кризисом. Помню, как после некоторого периода безработицы он прочёл в газете необычное по тем временам объявление, предлагающее рабочее место. Он пришёл на фабрику вместе с другими безработными бельгийской национальности и, как он, тоже механиками. Хозяинбельгиец устроил им профессиональный экзамен. Дуррути получил наивысшую оценку, и тогда начальник спросил его о национальности. Тот ему ответил, что он — механик. Хозяин понял: речь идёт об иностранце и, предполагая, что Дуррути не понял его, повторил вопрос. Вновь Дуррути ответил то же самое. На этот раз бельгиец медленно повторил вопрос. Дуррути же ответил: “Я думаю, вы ищете механика, а я и есть механик”. Хозяин понял, что Дуррути смеётся над ним. Так возможность найти работу провалилась»²⁴⁵.

Приведя свидетельства разных людей, мы попытались обрисовать картину обыденной жизни в Брюсселе в то время. Становится очевидным, что в бельгийской столице на самом деле не наблюдалось той миролюбивой атмосферы, о которой нам повествует Либерто Кальехас. Полиция жёстко следила за известными беженцами, всегда начеку с арестами; быть может, она и не была столь жестокой, как французская, однако не меняла своего репрессивного характера. Бельгийские газеты по отношению к 25 декабря 1929 года дают нам доказательства того факта, что полиция внимательно следила за Дуррути и Аскасо. Например, новости газеты *L'Independance Belge* перепечатывают информацию *Informaciones* из Мадрида от 26 декабря 1929 года под следующим заголовком и на двух колонках:

█

«ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ КОРОЛЕЙ БЕЛЬГИИ»

«Брюссель, 25. L'Independance Belge сообщает, что бельгийская полиция уже давно располагала данными о приезде в страну анархистского активиста Камило Бернери и вела особое наблюдение за некоторыми анархистами, подозреваемыми в связях с ним, в особенности анархиста из Дуэ, чьё имя пока ещё не оглашено. Как и следовало ожидать, информация держится в секрете, но имеются сведения о том, что премьер-министр господин Жаспар, министр юстиции господин Жансон и министр государственной обороны господин де Брокевиль получили письма с угрозами, в случае если королевская семья даст своё согласие на брак принцессы Марии Хосе с принцем Умберто де Пиамонте. Утверждают, что данные письма были посланы Бернери. В результате были отданы приказы во что бы то ни стало задержать итальянского анархиста.

Действия бельгийской и итальянской полиции совпали — и в результате был раскрыт заговор с целью покушения на королевскую семью Бельгии.

Цареубийцы, согласно L'Independance Belge, намеревались напасть на поезд, который должен был выехать сразу же после итальянского королевского поезда, который планировал покинуть Брюссель 3 января в 22:00. Однако ввиду того, что этот состав должен был идти согласно особому расписанию и прибыть в Рим не раньше утра, в воскресенье, 5 января, его догнал бы тот поезд, в котором намеревались передвигаться анархисты, чтобы бросить несколько бомб в момент предполагаемой встречи с королевским поездом в Милане.

В данном заговоре замешаны испанские анархисты Аскасо и Дуррути — предположительно убийцы архиепископа Сарагосы».

И далее под заголовком «У БЕРНЕРИ В КАРМАНЕ В МОМЕНТ АРЕСТА НАЙДЕНЫ ЧЕТЫРЕ ФОТОГРАФИИ» говорится:

«При аресте Бернери в кармане прятал четыре фотографии итальянского министра, покушение на которого готовилось. Фото наверняка предназначались для его сообщников — как предполагается, Аскасо, Дуррути и голландского анархиста Мориса Стивенса. Полиция заявила, что Бернери купил крупнокалиберный пистолет в одном известном в Брюсселе оружейном магазине, заплатив за него 428 франков. Второй арест, информация о котором держится в большом секрете, произошёл в то же время, что и задержание Бернери. Речь идёт о Паскуале Рускони, место жительства — Лакен, протеже некоего политика-социалиста из Брюсселя, большого фанатика теории насилия; ранее он уже заступился за него и воспрепятствовал его изгнанию из страны. В доме Рускони был найден пистолет. L'Independance Belge также сообщает, что господин Рокко, итальянский министр юстиции, по причине раскрытия заговора не приедет в Брюссель».

Газета сообщает о других новостях, связанных с заговором:

«Бельгийское агентство информирует, что, согласно докладам из достоверных источников, речь вовсе не идёт о покушении на высокопоставленных особ. Оба итальянца преследуются из-за фальшивых паспортов».

Ещё одна новость:

«БЕРНЕРИ НА СВОБОДЕ. Официальное опровержение участия двух итальянцев в заговоре против королевской семьи Бельгии. Бернери вышел на свободу. Он дал показания полиции о том, что один член антифашистской организации в Париже прибыл в Бельгию, чтобы подготовить покушения, которые должны были совершиться в Италии. Он имел при себе поддельный паспорт».

Из всего приведённого материала становится ясно, что, с одной стороны, деятельность агентов Муссолини (в сотрудничестве со своими коллегами от Примо де Риверы) была направлена на борьбу с антифашистским фронтом, в котором Камило Бернери играл важную роль. В качестве предлога, с целью оправдать репрессию против самого Бернери и одновременно обвинить Дуррути и Аскасо, был выдуман «заговор против бельгийских королей». С другой стороны (и это наверняка совпадает с действительностью), оставался всё ещё задачей на будущее провалившийся заговор против министра юстиции правительства Муссолини. Не было бы ничего странного в том, что в этом смысле Бернери, Аскасо и Дуррути работали сообща. Всем нам известно, что трое активистов добивались создания Анархистского Интернационала, с тем чтобы через него организовать революционную деятельность на территориях Испании, Италии и Португалии.

Пока испанские беженцы в Бельгии внимательно следили за развитием событий в Испании, процесс разложения монархии с каждым днём усиливался. Диктатура Примо де Риверы шла ко дну, всё более теряя авторитет: число финансовых скандалов резко увеличилось, и международный капитализм бесстыдно присваивал национальные ресурсы, укрепляя свою экономическую мощь в таких ключевых отраслях, как телекоммуникации, нефтедобыча и полезные ископаемые. Именно поэтому было совершенно ясно всем, что падение Примо де Риверы неизбежно повлечёт за собой крах монархии.

Глава XXII. Падение Примо де Риверы

Единственное, что доказали арест Камило Бернери и допросы Аскасо и Дуррути, — это то, что Муссолини всё ещё преследовала его вечная мания выдумывать «заговоры» и «покушения». Быть может, таким образом проявлялась его тоска по неосуществлённым акциям во времена его пребывания в рядах социалистов, когда он в Швейцарии представлял себя как «профессионального революционера».

Бельгийская полиция, строго придерживаясь установленных стандартов, произвела расследование связей между Дуррути, Аскасо и Бернери. Бернери сразу же после освобождения из полицейского участка изгнали из страны. Ранее он въехал в Бельгию нелегально, с поддельным паспортом. Однако против Дуррути и Аскасо не были приняты те же самые меры, что указывало следующее: или кто-то из членов бельгийской соцпартии заступился за них (так как в действительности их обвиняли в подготовке покушения на итальянского министра юстиции, которое не удалось, поскольку министр отменил поездку), или же всё это дело было рассмотрено как очередная акция антифашистского движения в изгнании.

По вероятности, правдой было и то, и другое. Но главным являлось то, что полиция наконец оставила их в покое и не приняла особых мер. Таким образом, наши друзья имели возможность продолжать свою деятельность в Брюсселе. Что касается организации подрывной работы, то Аскасо и Дуррути постоянно находились в гуще событий. Так, в январе 1929 года они содействовали подготовке акции испанского политика Санчеса Герры из Брюсселя — там в то время проживал один из участников, полковник Франческ Масия, известный каталонист. Тем не менее заговор, как и все другие, ранее организованные против Примо де Риверы, не удался.

Упоминание здесь конспиративной акции Санчеса Герры связано с её значением в активации сил НКТ и самого анархизма. Сразу же после подтверждения провала, группировки анархистов провели 6 февраля 1929 года важное заседание в Париже. В центре обсуждения стояла тема «Роль анархистов в актуальной ситуации Испании». Была принята резолюция: испанские анархисты обязаны быть наготове к пересечению границы, с тем чтобы принять прямое участие в национальном восстании любого рода. Такое решение требовало, ещё раз, закупки оружия. Эту задачу поручили анархисту Эргидо Бланко. Возможным пунктом снабжения был Брюссель. Нам известно, что Бланко вышел на связь с Нестором Махно и другими людьми, чтобы договориться о технических вопросах, но в Брюсселе никто не подтвердил факта его присутствия в этом городе. Однако очень маловероятно то, что брюссельские группировки либо товарищи не были осведомлены об этом деле, особенно принимая во внимание, что на упомянутом заседании также шла речь

об анархистском печатном органе *La voz Libertaria* («Голос либертариев»). Ввиду сложностей с продолжением его издания во Франции из-за преследований полиции было принято решение передать это дело товарищам в Брюсселе. И эти товарищи (скорее всего, Либерто Кальехас, при поддержке Аскасо и других) опубликовали 30 сентября 1929 года единственное издание, под номером 3. Когда Ида Метт писала, что консультировалась с Дуррути по поводу выбора брошюр на испанском языке для печати²⁴⁶, то, скорее всего, испанскими публикациями занимался именно Дуррути, и, конечно же, рядом всегда был Аскасо.

В книжный магазин *Mont des Arts* в Брюсселе под началом Хема Дай поступали все анархистские издания, в особенности испанские. Аскасо и Дуррути, по словам Лео Кампиона, старательно посещали это заведение. Как же могли они пройти мимо чтения статей, поступающих из Испании, с тем чтобы быть в курсе событий? В силу позиции, занятой Аскасо и Дуррути в Лионе и Париже, можно сделать вывод о волнении, объявшем их, когда в газете из Виго *Despertar* («Пробуждение») за декабрь 1929 года они прочли следующее: «СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ НКТ». Так назывался доклад Национального комитета НКТ, подписанный Анхелем Пестаньей и Хуаном Лопесом. Данный документ представлял из себя текст пессимистического содержания, где ставился такой вопрос: «Для чего нужен Национальный комитет, если региональные комитеты не подают никаких признаков жизнедеятельности?» В Испании активисты отреагировали сразу же, и в редакцию газеты *Despertar* пришли письма с критикой в адрес директора издания Вильяверде за то, что он предоставил право на публикацию «такого позорного документа». Негативная реакция в отношении доклада сработала, как реактив, в рядах активистов, которые тотчас же усилили свою деятельность. Относительная апатия была результатом не чего иного, как упорства Пестаньи в поддержании полемики, которая вместо активизации НКТ, напротив, ослабляла эту организацию. Можно предположить, что Аскасо и Дуррути написали Рикардо Сансу в Барселону с просьбой разъяснить этот вопрос и одновременно призывая его усиленно работать с эмигрантами, занятыми на строительстве метро. Судя по реакции Профсоюза рабочих-строителей, избравшего председателем Рикардо Санса, можно сделать вывод, что «Солидарные» продолжали активно влиять на рабочих и активистов в Каталонии, хотя многие из них находились в изгнании или в тюрьме.

В конце 1929 года возможно было предсказать скорый конец диктаторского режима, и не по причине народного давления, а вследствие износа самого правительства и потому что большинство организаций и людей, ранее поддерживавших его, постепенно становились в оппозицию. Монархия вступала в период кризисной агонии, и даже самый мудрый из «докторов от политики» не был способен приписать какое-либо лекарство, способное возродить её функции. В силу настолько жалкого положения королевской власти любая помеха только ускоряла указанную агонию. Абсурдная деятельность Мигеля Примо де Риверы, противоречия, создаваемые им в политике, и особенно иллюзия диктатора, считавшего самого себя «народным любимцем», — всё это вместе послужило причиной его краха. 28 января 1930 года диктатор в чине генерала поставил на кон своё будущее — и проиграл. Король заменил его другим офицером — генералом Беренгером, — а низложенному не оставалось ничего другого, как искать убежища в Париже. Казалось, в стране всё осталось по-прежнему: диктаторская власть продолжалась, всё так же функционировал репрессивный аппарат, законы оставались в силе. Тем не менее все

почувствовали, что смена премьер-министра означала нечто большее, нежели замена одного человека другим. Испания — страна парадоксов и необъяснимых явлений. Непоследовательность её истории удивляет многих исследователей, не способных анализировать глубинные причины политических преобразований. Рассматривать социальные и политические изменения в Испании, применяя правила, действующие в других странах, в нашей стране не срабатывает. Такие аксиомы у нас не находят применения, потому что, когда на сцену, так сказать, на штурм истории, выходит простой народ, создаются неожиданные и непредсказуемые ситуации. Эта обычная для Испании характеристика проявилась вновь с передачей власти от Мигеля Примо де Риверы Дамасо Беренгеру. Какие указания в области политики дал Альфонсо XIII своему новому премьер-министру? Несомненно, не приказ ликвидировать монархию — напротив, спасти её. В той ситуации у монархии не было другой надежды на спасение, кроме как прибегнуть к жёстким мерам и постоянным репрессиям, что и происходило до того. Любая другая инструкция, в особенности позволяющая восстановление толерантности, должна была сразу же превратиться в противоречащую господствующему режиму. Именно это и произошло. В истории Испании имеются подобные примеры. Самым классическим и конкретным является период после смерти Фердинанда VII, в 1833 году: «когда пробка вылетела из бутылки», всю испанскую землю заполнили страстные волнения, подавляемые покойным королём постоянными репрессиями.

Альфонсо XIII с добровольной передачей власти в руки Мигеля Примо де Риверы сам лично покончил с Конституцией 1876 года. Семь лет диктатуры подавили своим грузом все политические свободы: право на собрания, печати без цензуры и личные права индивидов. Как же мог Дамасо Беренгер с самого порога сказать: здесь ничего особого не произошло, и давайте перестроим историю для испанского общества на основах либерализма и демократии? Но неожиданно так и случилось: постепенно генерал Беренгер начал процесс, основанный на идее возвращения конституционных норм, по которым страна жила вплоть до 1923 года. Принимая меры, преследующие такую цель, развитие событий набрало неожиданный импульс и курс на опасный поворот, что привело к потере управления рычагами власти со стороны Беренгера. Тот страх, что ранее испытывали рабочие массы перед лицом каждодневных репрессий, вдруг сменил направление и поселился в правящих кругах. Мы проанализируем такое перемещение страха на общественной лестнице применительно к ситуации в НКТ ввиду связи этой организации с жизнью Дуррути.

Начальной мерой, принятой НКТ в Барселоне, стал выпуск газеты для прямого контакта с рабочим классом. Первый номер еженедельника под названием *Assió* вышел 15 февраля 1930 года. В то же самое время НКТ проводила Национальный пленум, на который прибыли делегаты из Астурии, Леона и Паленсии, Арагона, Риохи-иНаварры, Каталонии и Леванте. На повестке дня стоял важный вопрос: «Реорганизация НКТ и открытие её синдикатов». Участники Пленума поняли, что возрождение НКТ — наиболее насущная задача. Быть может, было бы важным разрешить внутренние проблемы, перед тем как начинать вслепую процесс реорганизации, который выявил противоречия руководящих структур, многие из которых не разделяли взглядов региональных филиалов НКТ, прибывших на данный пленум. Именно поэтому параллельно с процессом реорганизации произошло столкновение между фундаментом и верхним этажом. Этот конфликт исходил из лона НКТ, когда она в тот политический момент так определила позицию организации:

- «1. НКТ будет поддерживать общественное мнение в отношении всех попыток образования конституционных судов.
2. Восстановление конституционных гарантий и всех прав испанских граждан.
3. Абсолютная свобода профсоюзов.
4. Соблюдение восьмичасового рабочего дня и всех завоёванных ранее прав.
5. Освобождение всех политических заключённых и пересмотр судебных приговоров»²⁴⁷.

В этих пяти пунктах были такие, в отношении которых НКТ ещё не определила свою позицию; но тем не менее Национальный комитет, со своей стороны, обозначал своё мнение. Здесь чувствовалось влияние Пестаньи. Сразу же был составлен ответ Национальному комитету, критикуя то, что он брал на себя чрезмерные полномочия. За этим последовали объяснения со стороны Национального комитета, но как бы ни старались разъяснить его намерения, произведённое впечатление оставалось. После вновь завязалась ненужная полемика в письменном виде, что не укрепляло, а напротив, ослабляло НКТ именно в те моменты, когда организация нуждалась в соединении всех сил для огромной политической задачи реорганизации.

Политический мир, или мирок, оживился. На поверхность неожиданно всплыли республиканцы с явно монархической душой. Две главные фигуры монархического сценария — Мигель Маура и Нисето Алькалá Самора — пополнили лагерь республиканцев без должного перехода; и, соблюдая порядок значительности, также стал именоваться республиканцем в прошлом известный политикмонархист Хосе Санчес Герра, публично объявивший Альфонсо XIII своим врагом.

После того, как указанные монархисты заняли республиканские позиции, республиканцы-либералы и социалисты также принялись за дело, внося во все сферы деятельности поспешные образцы решения всех национальных проблем. Страна переживала действительно безумный период. Эти великие политические деятели так энергично говорили и обещали, как будто бы за ними следовали толпы сторонников. Политическое и идеологическое сумасшествие заразило и репрезентативных деятелей НКТ, например, Хуана Пейро и Пера Фуа (Делавиля), и др. Они, хотя только от своего личного имени, подписали «Манифест каталонской интеллигенции», опубликованный в марте. Одним из требований этого документа, подписанного представителями всех политических партий Каталонии, было образование федеративной республики.

Tierra y Libertad («Земля и свобода») — анархистский еженедельник, вторично увидевший свет 19 апреля, — используя приём политической сатиры под заголовком: «В Испании насчитывается 36 партий», так описывал общественное положение в стране:

«36 партий, и ни на одну меньше! Мы провели статистический подсчёт — в результате на сегодняшний день мы имеем 36 программ, составленных деятелями левых, правых и центра. Для того чтобы прочесть манифесты и официальные заявления, требуется приблизительно четыре с половиной часа в день при отягчающем обстоятельстве, что мы так ничего и не узнаем. Все апелляции и зажигательные речи замалчивают самое главное: их авторы преследуют цель властвовать над нами, то есть проглотить нас живьём»²⁴⁸.

Несколько дней спустя после опубликования этого документа, а точнее — 27 апреля 1930 года НКТ созвала митинг, где двое из ораторов не имели права выступать от имени этой организации. Речь идёт о Хуане Пейро и Анхеле Пестанье. Пейро в скором времени реабилитировал себя. Сначала, после подписания манифеста, он послал открытое письмо в газету *Acción*, в котором отказывался от всех постов в НКТ, а спустя некоторое время убрал свою подпись из Манифеста. Проблема Пестаньи была сложнее, так как он «думал о чём-либо, а потом не говорил об этом». Другими словами, в общении с ним чувствовалась некая зыбкость. Однако настал день митинга. Он прошёл в здание Театро Нуэво дель Паралело (*Teatro Nuevo del Paralelo*) в Барселоне. Публики пришло вдвое больше, чем мог вместить зал, что было полным успехом. На митинге высказались за одобрение деятельности профсоюзов и продолжение процесса реорганизации НКТ, начатого в феврале. Выступили, кроме уже двух упомянутых ораторов, Себастьян Кларá и Педро Массони. Собравшиеся с энтузиазмом приняли Кларá и Массони, при выступлении Пестаньи их энтузиазм убавился, а когда вышел Пейро, послышался неодобрительный шёпот. Тот, стоя на трибуне, заверил публику в неизменности идеям анархизма и объявил, что убрал свою подпись из документа Манифеста. Участники на волне оптимизма встретили аплодисментами решение Пейро, показывая готовность забыть его промашку и бросить все силы на возрождение НКТ.

Глава XXIII. Убийство Фермина Галана

249

Удивительно быстрое восстановление профсоюзной силы НКТ, влияние её митингов на рабочих и распространение её газет должны были превратить это объединение в самую значительную пролетарскую организацию страны. Такое утверждение со стороны анархо-синдикалистов наполняло ужасом сердца не только господствующих классов монархии, но также и политиков, борющихся против неё. Но если этот факт устрашал всех вышеуказанных, то беженцы, укрывшиеся во Франции и Бельгии, были очень ему рады. Все лишения и преследования теперь, казалось, оправдывали себя. Наступало время жатвы, и надежда была на обильные плоды. Многие ссыльные, воодушевлённые сопротивлением в Испании, не желали ожидать победы республики и вместе с ней — политической амнистии и приняли решение тайком пересечь границу. Среди активистов, строивших такие планы в Париже, был и Хуан Мануэль Молина, который вскоре станет известным под псевдонимом Хуанэль, возглавляя печатный орган *Tierra y Libertad* («Земля и свобода»), а также издательство «Этил». По причине многочисленных судебных процессов ему будут предъявлять постоянные обвинения в «нарушении законов печати».

Для беженцев в Брюсселе возрождение конфедерации и анархизма в Испании было огромной радостью, манящей вернуться к революционной работе. Но предостерегающий голос, например, Либерто Кальехаса или Эметерио де ла Орден, притормаживал начальные и буйные порывы Аскасо и Дуррути. Действительно, их час пока ещё не пришёл. В Испании дела обстояли по-прежнему, и старые судебные структуры тотчас же принялись бы за своё дело, в том случае если бы наёмные палачи Мартинеса Анидо, сводя старые счёты, раньше не изрешетили их пулями. Другими словами, необходимо было подождать. Однако ожидание было не только долгим, но и чреватым сомнениями и беспокойствами: реорганизация НКТ шла в хорошем ритме, и анархизм тоже, казалось, восстанавливался, но наряду со всем этим существовали глубинные противоречия, влияющие на будущие решения. Действия антагонистических сил пестаньизма и анархизма, каждая из которых тянула к себе, тормозили ход НКТ и мешали радикализации революционного процесса.

Тем временем новости из Испании для бездействующих в Брюсселе активистов были полны оптимизма: НКТ в Валенсии возрождалась быстрыми темпами; занимала новые позиции в Арагоне; пробивалась вперёд, хотя и с трудностями, в Мадриде; хромала в Севилье по причине лидеров сталинистского характера, в прошлом двух членов НКТ — Хосе Диаса и Мануэля Адаме, — которые намеревались превратить этот филиал НКТ в придаток московского монстра (КП). Но где организация была наиболее активной, так это в Каталонии и особенно в Барселоне. Профсоюз рабочих-строителей, насчитывающий 42 тыс. членов,

избрал своим председателем одного из «Солидарных» — Рикардо Санса. Профсоюз металлургов, также восстановленный, наложил вето на вступление Пестаньи на пост генерального секретаря НКТ. Но что более всего поражало — так это то, что заводские текстильные рабочие пополнили ряды НКТ в результате решения всеобщего собрания фабричных делегатов, проведённого 29 апреля 1930 года в кинотеатре Меридиана, в квартале Клот. Две тысячи делегатов — представители пролетариев из различных подразделений текстильной профессии — единодушно проголосовали за вступление в профсоюз НКТ. Остальные каталонские провинции не отставали от столицы. 17 мая на Региональном пленуме был вынесен на обсуждение вопрос о создании конфедерального органа печати *Solidaridad Obrera* («Рабочая солидарность»). 6 июля ещё один Региональный пленум, на котором были представлены 22 местные организации, решил, что 1 августа выйдет в свет первый номер *Solidaridad Obrera*.

27 июня был избран секретариат Национального комитета без Пестаньи. Генеральным секретарём стал Прогресо Альфараче, другим его представителем — Мануэль Сирвент, одновременно входивший в Иберийский комитет ФАИ²⁵⁰.

Одновременно с реорганизацией НКТ анархистские группы готовили план мятежа, задуманного капитаном Алехандро Санчо, бывшим в тесном контакте с ФАИ. План подразумевал восстания и забастовки в ряде важных провинциальных столиц, что впоследствии привело бы к движению с последующей поддержкой в таком направлении: Бильбао, Логроньо, Сарагоса, Калатаюд, Теруэль, Сагунто и Валенсия. Таким образом, вся Андалузия в результате революционной волны охватывалась рабочим энтузиазмом. Перерезав коммуникации и заставив правительство решать многие срочные вопросы, между тем как Каталония оказывалась в изоляции от всей Испании, не оставалось ничего другого, как вооружить народные массы, и для этого было достаточно атаковать Маестранса и Артиллерийский парк в Барселоне, где имелось большое количество ружей, боеприпасов и другого вооружения²⁵¹.

Чтобы привести в исполнение этот повстанческий план, заговорщики создали в Каталонии Революционный комитет военно-технического характера, который должен был действовать совместно с Региональным каталонским комитетом НКТ. В него входили: капитан Алехандро Санчо (техническая часть); студент и офицер телеграфной службы Рикардо Эскриг (представлял студентов, симпатизирующих ФАИ), Мануэль Эрнандес (Иберийский комитет ФАИ), а Бернардо Поу и Х.Р. Магринья представляли революционный комитет НКТ Каталонии.

Восстановление рабочего движения анархо-синдикалистской тенденции являлось составной частью процесса, начавшегося с приходом к власти Дамасо Беренгера. Однако в то же время нельзя было упускать из вида негативные аспекты этого процесса, которые могли привести к контрреволюции, замаскированной демагогией под истинно революционное действие.

Контрреволюция нашла нужного ей человека, которому удалось сплотить вокруг себя все оппозиционные и монархические силы. Это был Мигель Маура, сын Антонио Мауры. В этом случае справедлива поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает». Мигель Маура,

монархист до мозга костей, с самого начала головокружительного процесса разложения аристократии и монархии ясно уловил, что наилучшим способом спасти интересы привилегированных слоёв и даже саму монархическую власть, являются переход со всеми своими чемоданами в лагерь оппозиции и публичное заявление о своих республиканских идеях. Он сообщил своё мнение королю, перед тем как во всеуслышание заявить о своей позиции: «либерал правого толка умеренных республиканских взглядов». «Если мои коллеги по партии пойдут тем же путём, — провозгласил Маура, — мы не только создадим “матрас” для удобного и безопасного падения монархии, но и добьёмся политических перемен, всего лишь слегка подкрашивая королевский герб»²⁵². Однако «партнёры» по партии Мигеля Мауры, ленивые до бесконечности, решили, что если они дадут свободу действия Мауре, то всё остальное уладится само собой. Лишь один товарищ из лагеря Мауры, помощник графа де Романонеса, встал на позицию республиканцев (наверняка по приказу шефа) в апреле 1930 года, объявляя себя приверженцем этой идеологии, ещё более умеренным, чем Маура. Его звали Нисето Алькала Самора, в прошлом — министр обороны в правительстве Альфонсо XIII.

Мигель Маура и Нисето Алькала Самора с дрожью наблюдали за возрождением профсоюзного объединения и за тем, как рабочие, особенно в Барселоне, начинали диктовать свои правила каталонским предпринимателям, бросая им вызов проведением крупных стачек. «Революционный процесс, — говорил себе Маура, — ведёт себя как вырвавшаяся из удила лошадь. Правительство Беренгера запустило в ход машину, но не способно контролировать её и стало слугой этого механизма. Если мы допустим, — повторял Маура, — развитие данного процесса без направления и контроля, то его результатом будет не что иное, как глубинная революция, которая полностью снесёт монархическое государство: народная волна сметёт всё подряд, и Испания превратится в огромного масштаба “совет”, и кроме того, анархистского толка».

Как же управлять такой ситуацией, на какие силы опереться и как направить народное движение в нужное русло, добиться его превращения в послушную массу, реагирующую на жезл правителей? Теперь Мауре было недостаточно стать республиканцем; на этот раз обстоятельства вынуждали его вступить на путь «революционера». Но при чьей поддержке?

Единственной политической силой, способной поддержать Мауру и привести к победе его контрреволюционный план, были Социалистическая рабочая партия Испании и Всесоюзная конфедерация труда, полностью послушная этой партии. Основная причина эффективности данной силы состояла в том, что она была единственным политическим объединением, входящим в революционный процесс. При этом полностью управляла своими силами и организационными партийными и профсоюзными структурами, не тронутыми в годы репрессий. Её кадры почти не пострадали от преследований, потому что подчинились диктатуре. Кроме того, Маура мог успешно маневрировать, если заручался поддержкой Индалесио Прието, стоявшего в оппозиции политической линии ИСРП перед самой диктатурой и вследствие этого имевшего бóльшую популярность, чем Ларго Кабальеро, который служил государственным советником в правительстве Примо де Риверы.

Как только Маура в своих размышлениях пришёл к этому пункту, было уже недопустимо терять время. Он переговорил с Прието и, придя к согласию, перешёл Рубикон. 17 августа

1930 года он созвал в Атенео Сан-Себастьяна совещание политических «лидеров, не имеющих представительства», другими словами — не обладающих поддержкой народа. Там, на его кухне, должен был быть «приготовлен» так называемый Сан-Себастьянский пакт. На этой знаменитой встрече присутствовали: Алехандро Леррус, Марселино Доминго, Альваро де Альборнос, Анхель Галарса, Мануэль Асанья, Сантьяго Касарес Кирога, Мануэль Карраской-Формигера, Матиас Мальол, Хауме Айгуадер, Нисето Алькала Самора, Мигель Маура, Индалесио Прието и Фернандо-де-лос Риос. Эта горстка людей претендовала на представительство нижеуказанных политических уродов, причём от каждой партии участвовало определённое количество членов: Республиканский альянс (1), Социалистическая радикальная партия (3), Республиканская левая (1), Республиканская галисийская федерация (1), Аксио Каталана (Каталонское действие) (1), Республиканское действие Каталонии (1), Естат Каталá (Каталонское государство) (1), Республиканская либеральная правая (2). Индалесио Прието и де-лос-Риос представляли сами себя. Почётными участниками были Фелипе Санчес Роман (юрист), Эдуардо Ортега-и-Гассет (юрист) и Грегорио Мараньон (врач). Профессии политических представителей: неопределённые (2), школьный учитель (1), историк (1), преподаватель литературы (1), адвокат-писатель, пишущий на военные темы в мирное время (1), адвокаты (3), экономисты (2), врач (1), неопределённая, с претензией на журналиста и экономиста на базе самообразования (1).

О чём шла речь на этом собрании?

«Мы говорили о подготовке революционного движения, в которое верили совсем немногие, однако оно считалось необходимым в качестве орудия истощения режима и знака тревоги для правителей. Затем был назначен Революционный исполнительный комитет, призванный руководить республиканской политикой и самим движением, если в таком была бы необходимость. Состав Комитета: Алькала Самора (президент), Индалесио Прието, Мануэль Асанья, Фернандо-де-лос-Риос, Марселино Доминго, Альваро де Альборнос и Мигель Маура»²⁵³.

Первое, что сделал данный Комитет, — это пришёл к согласию с Социалистической партией, которая заявляла о поддержке «пакта» с условием, что ей будут отданы четыре министерства в республиканском правительстве. В случае если движение набирало силу, Социалистическая партия обязывалась через ВКТ объявить всеобщую забастовку, но это должно было произойти после того, как преданные Комитету военные выступили бы на улицы городов с оружием в руках против монархистов. Как умелый адвокат, Мигель Маура добился наиболее оптимальных условий для капитуляции монархии. Верно и то, что существовала политическая и рабочая сила, которую никто не принял во внимание и не подписал с ней никакого соглашения, то есть НКТ и ФАИ. Кроме того, существовали военные, имевшие связи с этими организациями, например, капитаны Алехандро Санчо и Фермин Галан, которые, если и не входили в ряды ФАИ, то поддерживали с ними прочные отношения; и с другой стороны, они, так же, как и другие молодые офицеры, подготавливали восстания, причём некоторые из таких проектов заслуживали внимания. Как демонтировать все упомянутые операции, планируемые анархистами, и каким образом помешать прямому вмешательству НКТ в процесс передачи власти, не затрагивая при этом манёвры политиканов? Мигель Маура не располагал средствами для излечения этих

недугов. Трюк с министерскими постами, быть может, оказался бы действенным для пестаньистской фракции НКТ, но влияние ФАИ в рядах НКТ превращало в иллюзию любое похожее намерение. В такой ситуации наилучшим решением являлся кол... И таким колом обладал некий генерал, поклонник монархии и друг Мауры Эмилио Мола, Генеральный директор безопасности. Если бы Мола смог умело обходиться с таким колом и если бы Исполнительному комитету удалась дипломатическая игра, то повстанческие планы капитанов-анархистов были бы сорваны, самые неуёмные рабочие заключены в тюрьмы, все профсоюзные организации закрыты — таким образом, НКТ оказалась бы разрозненной. Именно такой план задумали Маура и Мола.

Первой практической акцией плана явилось официальное письмо от Мола всем губернаторам, приказывая начать 11 октября аресты в рядах НКТ и ФАИ. В результате этой облавы были арестованы Алехандро Санчо, впоследствии погибший в военной тюрьме; Рамон Франко, Рикардо Эскриг, Анхель Пестанья, Мануэль Сирвент, Пер Фуа, Себастьян Кларá. Целый ряд активистов были вынуждены скрываться, что ослабляло их взаимодействие и силу. Эта атака на анархистов и мятежных военных проявила значимость генерала Мола, который своими действиями оказал большую услугу конспираторам из Сан-Себастьяна, так как практически подготовил почву для их политических манёвров. Быть может, Мола, сам того не замечая, направил историю в иное русло. Если бы раскрытый заговор — по причине арестов в Барселоне — имел успех, то, как его следствие, произошла бы социально-политическая революция с целью установления республики. Но жребий был брошен. И аресты анархистов пошли на пользу заговорщикам, так как привлекли в их ряды многих сторонников, выполнявших приказы Мола. За всеми этими движениями, фабрикуя цепь событий и строя планы на будущее, стояла фигура Мигеля Мауры, который, среди других игроков, практически ставил Мола на свою шахматную доску.

История не один раз свершается по воле случая; и именно случай содействовал передаче Моле 12 ноября одного обстоятельства, определившего превосходство заговорщиков. В этот день в одном из неудачно построенных домов на мадридской улице Алонсо Кано произошла ужасная катастрофа. В здании работало четверо рабочих, и, когда дом осел, все погибли. Испания, сверхчувствительная по причине политической нестабильности, содрогнулась от этой трагедии. Рабочие — строители Мадрида объявили забастовку и организовали публичные похороны своих товарищей. Вмешалась полиция, намереваясь разогнать манифестацию, и, разрядив свои ружья, покончила с жизнью двух участников. В Мадриде объявили всеобщую забастовку, и Барселона присоединилась к мадридцам. Репрессия в столице была слабой, так как ВКТ была под началом социалистов, но в Барселоне была страшной; правительство закрыло все синдикаты НКТ, и тюрьмы вновь заполнились активистами. После такой суровой расправы организация практически оказалась в безвыходном положении; так был нанесён тяжёлый удар испанскому пролетариату — ведь Барселона представляла из себя движущую силу рабочего движения в Испании.

В кабинете генерала Мола накапливались нерешённые проблемы общественного порядка. Между тем последней новостью был побег командира авиации Рамона Франко, арестованного 11 октября по обвинению в заговоре с анархистами. Календарь показывал 25 ноября. Как бы поступил Рамон Франко? Присоединился бы он к Фермину Галану, который энергично продолжал подготовку военного манифеста? Мола был старым другом Фермина

Галана — ещё со времён их совместной службы в Марокко. Генерал Мола знал, что заговор Нисето Алькалы Саморы был полнейшим бредом и что Фермин Галан выступит один. Что же делать, как изменить его намерение? У Мола под рукой не нашлось ничего иного, кроме чернильного пера, и 27 ноября 1930 года он написал Фермину Галану письмо. Там он говорил следующее: «Правительству и мне также известны Ваши революционные действия и Ваши намерения поднять мятеж в гарнизоне. Дело крайне серьёзное и может привести к непоправимым последствиям (...). Я Вас очень прошу подумать над моими словами и, приняв решение, руководствоваться не преходящими страстями, а тем, что Вам продиктует Ваша совесть»²⁵⁴.

Искал ли Фермин Галан своей смерти? Этого мы никогда не узнаем. Правда то, что после размышлений совесть Галана вопрошала его — и за это он заплатил собственной жизнью: — существовали ли на самом деле революционные намерения в испанских вооружённых силах и политических совещаниях руководителей Мадрида? «Галан, как он чётко заявил в телихорадочные дни, был сыт по горло неудачами 1926 года и не желал рассчитывать на поддержку ни генералов псевдо-революционеров на манер Бласкеса, ни политиков-оппортунистов, каковыми практически были для него все “телефонные” (как называл он членов Революционного исполнительного комитета). Большинство солдат Хаки благоговели перед ним и последовали бы за ним повсюду. Ему удалось привлечь к себе достаточное число офицеров, даже из консерваторов и католиков, как, например, капитана пулемётной части Анхеля Гарсию Эрнандеса. Другие товарищи не поддерживали его донкихотства, но по крайней мере шестьдесят офицеров и унтер-офицеров Хаки стояли на его стороне»²⁵⁵. Верно то, что после ареста Алехандро Санчо и краха всего Революционного комитета Каталонии Галан потерял наиболее важную точку опоры. Однако мы повторяем: у него было право предпринять попытку мятежа как наиболее открытый и честный способ испытать на деле всех заговорщиков. И если они покидали его на поле боя, то рабочий класс был обязан извлечь полезные уроки и принять меры, чтобы не стать пушечным мясом под руководством изменников из Исполнительного комитета в Мадриде. Галан знал: это могло стоить ему жизни. Оставим теперь рассуждения о том, искал ли он сам смерти или нет.

Всеобщая забастовка, объявленная НКТ в ноябре в Барселоне как акт солидарности с Мадридом, продержалась с 16 до 22 ноября. Затем последовала репрессия. Именно в самый её разгар Исполнительный комитет Мадрида впервые установил контакт с НКТ. Мигель Маура и Анхель Галарса выехали в Барселону. Они побеседовали с Пейро, задав ему такой вопрос: «В случае развития революционного подъёма поддержит ли его НКТ, объявляя всеобщую забастовку?»²⁵⁶ Пейро, директор Solidaridad Obrera, ответил, что передаст вопрос Национальному комитету. Поскольку тот не располагал полномочиями для принятия решения, то созвал Национальный пленум на 15 ноября; там было принято решение при оппозиции со стороны филиала в Леванте «организовать службу сбора информации при участии политических элементов с целью создания революционного движения»²⁵⁷. Эта резолюция представляла из себя уверенный шаг назад. До сих пор позиция НКТ была такой: «составлять конспиративные планы, не входя в союз и не принимая обязательств с политиками». Что же произошло? Смена тактики может быть объяснена различными причинами: истощение сил ввиду стачечных проблем в Барселоне — таких как, например, конфликт с Трамвайной компанией, спровоцированный губернатором, который категорически отказывался признать профсоюз работников транспорта; репрессия 11

октября, которая лишала НКТ её военного конспиративного аппарата, и последующая расправа в ноябре. Всё это вместе взятое, думается, ослабило НКТ и влияние ФАИ. В снижении революционного радикализма наверняка вышла на поверхность позиция «паузы», пропагандируемая Пейро и Пестаньей, которые искали альянса с политическими элементами с целью отвести прямую атаку против НКТ, хотя это и не входило в планы генерала Моля, так как для него наиболее ярым врагом была именно эта организация, неважно под чьим руководством: Пестаньи или Альфараче. Такого же мнения придерживался Мигель Маура, без всякого стеснения не раз заявлявший об этом и опубликовавший свои тогдашние намерения об указанных событиях в труде, написанном через некоторое время²⁵⁸.

В первых числах декабря 1930 года все события вели к развязке первого и самого драматичного факта революции 1931-го. Революционный комитет Мадрида намечает приблизительную дату: в середине декабря, однако раньше было определено — 12 декабря. Можно было бы сказать, что Мадрид на самом деле и не желал, чтобы люди вышли с протестами на улицы: такие малоконкретные лозунги позволяли любому заговорщику наметить любое число, более подходящее для него самого, или вовсе не выбирать никакого и выжидать, поразмыслив: может быть, и совсем не стоит трогаться с места. Короче, именно это и произойдёт в декабре. Фермин Галан придерживался первой намеченной даты, то есть 12 декабря, и приступил к подготовке военного мятежа, с тем чтобы начать его на рассвете того же дня. Время идёт, и Галан уже беспокоится: в Хаку не приезжает его связной из Мадрида, журналист Грако Марсá. Рано утром 11 декабря он посылает зашифрованную телеграмму в Мадрид: «Пришлите книги в пятницу, 12-го». Это означало: «12 декабря я начинаю восстание». Революционный комитет получил сообщение в тот же самый день — 11-го утром. Тем временем данный комитет уже определил, что 15-е число — день всеобщего восстания. Что же предпринимает Революционный комитет, получив телеграмму? «Телефонные» забывают о телеграфе и вместо того, чтобы отправить телеграмму Галану с подтверждением дня выступления на 15 декабря, прибегают к дешёвой конспирации: поручают журналисту Грако Марсá и Касаресу Кироге выехать в Хаку с целью отговорить «безумного Галана от совершения безумств». Эмиссары выезжают из Мадрида в одиннадцать утра 11 декабря. Через семь часов прибывают в Сарагосу. Чем занимались эти делегаты в Сарагосе? Тайна! Известно только то, что по прибытии в Сарагосу в шесть вечера 11-го числа до Хаки они добрались в час ночи 12 декабря. Приехав в указанную местность, первым делом принялись за поиски гостиницы. Галан жил в гостинице «Мур». Мадридские посланники остановились в «Ла Пальма» на Калье Майор, в двух шагах от «безумца из Хаки». Марсá предлагает выйти на связь с Галаном, однако Касарес Кирога убеждает того, что лучше им лечь спать, так как они очень устали»²⁵⁹.

В то же самое время, когда Грако Марсá и Касарес Кирога принимают решение заснуть без задних ног, в гостиничном номере Галана держат совет самые преданные офицеры-мятежники. Они оттачивают последние детали плана и заканчивают примерно в четыре часа на рассвете. В это время Галан направляется в казарму «Виктория» и возгласом «Да здравствует Республика!» поднимает на ноги солдат. Солдаты шумно приветствуют его. Восстание начинается, «в то время как эмиссары Республики в полном неведении спят в своё удовольствие ещё несколько часов».

Военные из Барселоны — участники заговора — получили сообщение от Регионального комитета НКТ с напоминанием, что нельзя оставлять мятежников из Хаки без поддержки. Они пожалы плечами и даже не пошевелили пальцем, чтобы прийти на помощь. Гарнизон в Лэриде, также информированный тем же Региональным комитетом НКТ, (Бернардо Поу и Х.Р. Магриньей), тоже не сдвинулся с места²⁶⁰. На рассвете 13 декабря повстанцы завязали бой против гарнизона из Уески под началом генерала Лас Эраса в местности Сильяс. То был бесславный бой как для побеждённых, так и для победителей. Фермин Галан мог бы спастись бегством, как и поступили некоторые товарищи, последовав его совету, но сдался в плен. Спустя несколько часов после боя он вместе с некоторыми боевыми соратниками предстал перед военным трибуналом. Из восьми осуждённых двое были приговорены к смертной казни: Фермин Галан и его друг Гарсия Эрнандес. В 14 часов 14 декабря 1930 года приговор привели в исполнение.

Капитан Гарсия Эрнандес пожелал встречи с духовным служителем. Фермин Галан в уважительной форме отказался от беседы с капелланом: «Вы, наверное, поймёте, что я не изменю мой образ мыслей в столь короткое время, тем более при таких обстоятельствах». Оба капитана попросили убрать им повязку с глаз при расстреле и пожелали встать лицом к стрелявшим. Прощаясь со своими палачами, Галан произнёс: «До нескорой встречи!» И махнул им рукой в знак приветствия²⁶¹. Изрешечённые пулями Фермин Галан и Гарсия Эрнандес погибли, и с ними — Республика...

15 декабря 1930 года, как и ожидалось, не произошло восстания под руководством Нисето Алькалы Саморы. Члены Революционного комитета, опубликовавшие знаменитый манифест «Почему мы восстаём», в ночь с 14 на 15 декабря спокойно разошлись по домам. 15 декабря полиция арестовала всех, пока они принимали ванну или завтракали. Задержанных с большой заботой отправили в тюрьму Modelo в Мадриде, где сам директор приготовил для них «оплачиваемые камеры», включающие прислугу.

В то время как «высшие структуры Революционного исполнительного комитета», с августа работавшие над подготовкой грандиозного восстания, покорно входили в тюремные застенки, на улицах их боевые подразделения оставались в одиночестве. Но поскольку на самом деле единственными бойцами, готовыми идти до конца, были рабочие — а они совсем не доверяли ни этим своим «руководителям», ни социалистам, — то такая ситуация никак не повлияла. Плохо подготовленное военное восстание и пострадавший рабочий класс, особенно в Барселоне, в то же самое время удручённый непонятными событиями в Хаке, привели к тому, что всеобщая забастовка в каталонской столице была мирной и едва проявила себя в Мадриде. Однако в Астурии, где до сих пор не происходили выступления, присутствие пролетариев на улицах было значительным — произошли жёсткие столкновения с полицией, в частности в Хихоне.

С революционной точки зрения баланс оказался отрицательным, особенно если принять во внимание, что слабая организация восстания в Барселоне потерпела поражение после попытки нападения на аэродром в Эль-Прат-де-Льобрегат. Эта атака не удалась, потому что офицеры, принимавшие участие в заговоре, в решающий момент действия отступили от плана. Единственным положительным уроком для рабочего класса являлись те же самые выводы, к которым он пришёл после всеобщей забастовки августа 1917 года: тогда рабочий

класс разрушил мосты, соединявшие его с оппозиционными политическими партиями. Поэтому в настоящей ситуации также можно было ожидать, что после своевременного размышления рабочие поступят точно так же и будут готовы, уже окончательно, сами принимать свои собственные решения...

Антонио Элорса, анализируя последствия декабрьского восстания для НКТ, пишет: «Синдикаты, которые в Барселоне возвратились к нормальной работе лишь после ноябрьской стачки, 30 декабря были закрыты по причине политической всеобщей забастовки. На этот раз Конфедерация предоставила генералу Моле недостающий предлог, для того чтобы покончить с революционным синдикализмом. Так он заявил 7 декабря на собрании губернаторов, а забастовка подтверждала возможность такой меры: “ввиду революционной позиции НКТ мы воспользовались возможностью распустить профсоюзные организации, что являлось настоящей потребностью”»²⁶². Те, кто на Национальном пленуме НКТ в ноябре способствовал собиранию «сведений совместно с политическими партиями», на собственном опыте испытали последствия такой позиции. Некоторые из них — Анхель Пестанья и члены Национального комитета — находились среди сотни активистов, заселившихся в тюремные камеры Ла Модело вплоть до 24 марта 1931 года.

Приведём ещё одну цитату из труда Элорсы. Она ярко показывает, что представлял для НКТ первый триместр 1931 года: «В течение трёх первых месяцев 1931 года основной заботой конфедеральных органов будет возобновление работы вновь закрытых профсоюзов. За исключением ослабленной эффективности репрессивного аппарата, всё напоминало положение при диктатуре, даже правительственные распоряжения преследовать тех, кто платил профсоюзные взносы»²⁶³.

Во время данного трёхмесячного периода, предшествовавшего провозглашению Республики, для этой цели, сознательно или нет, поработали три деятеля: граф де Романонес, Эмилио Мола и Хосе Санчес Герра. Трёхсторонняя деятельность упомянутых лиц прекрасно дополнила друг друга: Мола посредством репрессий обеспечил полную изоляцию НКТ от всех видов деятельности; граф де Романонес вызвал февральский кризис и вместе с ним — крах генерала Дамасо Беренгера и вступление в должность адмирала Аснара. И, наконец, Санчес Герра отказался от формирования правительственного кабинета 17 февраля, если в нём не участвовали деятели от Революционного исполнительного комитета, заключённые в Ла Модело. Монархия не обладала реальной властью, и при таком состоянии дел представлялись возможными только два сценария: либо народное восстание, последствия которого никто не мог предвидеть, либо провозглашение Республики с передачей власти группе людей, которые «покаялись действовать сообща для провозглашения такой Республики, которая бы оставила неизменными экономические и социальные основы Испании». И именно это произошло 13 апреля 1931 года.

Период политической истории с января и вплоть по 12 апреля 1931 года может быть определён как буффонада. В нём особенно выделяется всеобщая трусость монархических кругов, возглавляемых графом де Романонесом, проявленная в феврале, когда граф провоцирует кризис, покончивший с правительством Беренгера.

Причина кризиса заслуживает внимания. Беренгер и Альфонсо XIII пришли к заключению, что единственный способ спасти монархию — это созвать всеобщие выборы. Расчёт был верным: несмотря на заявление оппозиции, объявившей о своём неучастии, мы уверены, что в конце концов, если избирательная кампания и имела бы место, то оппозиция (тогда состоявшая из соцпартии), следуя той же самой линии, что и при диктатуре Примо де Риверы, рискнёт утверждать, бросилась бы в избирательную «схватку», входя таким образом в «игру». Что происходит на всех избирательных кампаниях? Как ведут себя в это время «наиболее радикальные» политики? Каковы их цели и какие средства они планируют использовать? Само собой разумеется, их средства не революционны. Политики от оппозиции всегда претендуют представить себя «добрыми братьями», подмигивая налево и направо с целью заполучить наибольшее количество голосов, и т.д. и т.п. Одни лишь анархисты могли причинить беспокойство избирательному процессу, в который раз разоблачая уловки нормативов. Однако Мола постарался отодвинуть их «в тень» и обеспечить хаос в их организациях. Тогда в результате этих всеобщих выборов — если мы будем руководствоваться результатами муниципальных кампаний от 12 апреля, — монархистам удалось бы заполучить большинство в парламенте, так как в муниципалитеты были избраны 22 150 монархистов и 5875 республиканцев.

Мы располагаем ещё одним веским аргументом в нашу пользу, так как граф де Романонес открыл тюремные застенки тем узникам, которые в будущем могли бы сформировать Временное республиканское правительство, потому что поначалу монархисты способствовали установлению Республики, а затем избежали выполнения официальных результатов выборов. Именно он определил для монархии, какой политической линии ей следовало придерживаться начиная с февраля 1931 года вплоть до самого 13 апреля. Наш аргумент основывается на идее самого Мигеля Мауры. В своей книге он выделяет две вещи: оппозиция не желала социальной революции, даже не политической, и не верила в провозглашение Республики. Мигель Маура пишет: «Уже почти светало (13 апреля), было где-то пять утра, когда мы — Ларго Кабальеро, Фернандо де лос Риос и я — покидали “Каса дель Пуэбло”. Усталые и молчаливые, мы медленно шли пешком до “пасео де Реколетос”. Внезапно Фернандо сказал:

“Сегодняшняя победа позволяет нам принять участие во всеобщих выборах в октябре, и если успех будет таким, как и сегодня, то мы придём к Республике”.

Я бросил взгляд на Ларго и с удивлением заметил, что он выражал согласие с таким странным доводом. Очевидно, ни один, ни другой ясно не представляли себе неизбежные последствия недавних событий».

По словам Мигеля Мауры, он сказал им, что «менее чем через двое суток они придут к власти».

“Они назвали меня мечтателем. Мы простились, договариваясь встретиться спустя несколько часов у меня дома, который с самого начала служил нам главным штабом Комитета»²⁶⁴

Глава XXIV. Да здравствует Масиá! Долой Камбо!

Всё началось в мгновение ока, приблизительно в 13:00 14 апреля 1931 года, с трёхцветными флагами на улицах. Всё было неожиданно, искренне, полно энтузиазма. Необычайно быстро пошились флаги из кусочков тканей на самих же текстильных фабриках.

«На Барселону!» — кричали на фабриках. Один за одним останавливались ткацкие станки, другое оборудование, прекращались ремонтные работы, закрывались магазины, торговые точки, бары...

С остановкой заводов и рабочими на улицах всё преобразилось: установилась праздничная атмосфера, полная весёлой и заразной суматохи, которая не одному старому рабочему напоминала июльские дни 1909 или 1917 годов — конечно, без агрессии и баррикад.

Даже дети, путавшиеся под ногами рабочих демонстрантов, кричали вместе со старшими: «Да здравствует Республика! Да здравствует Масиá! Долой Камбó!»

С другой стороны, день был похож на женский праздник. Женщины, взволнованные и страстные, выделялись во всех скоплениях народа; сначала собирались вместе рабочие одной фабрики, а затем к ним присоединялись служащие лавок, оставлявшие свою торговлю, официанты, дезертирующие из баров... Именно так растёт снежный ком, подталкиваемый руками. Из рабочих кварталов Сант-Марти, Побле Ноу, Сант-Андреу, Грасия, Орта, Сантс, Санта-Еулалиа и близлежащих к Барселоне — Бадалона и Ла Лорасса — народ направлялся к центру каталонской столицы, чтобы потом сойтись на Площади Каталонии или Площади Правительства и вновь и вновь кричать «Виват!» Республике и Масиá, и «Долой!» — королю и Камбó.

Отдавая должное правде, совсем немногие манифестанты знали о событиях, имевших место в то время в Мадриде, и даже не представляли себе, что на самом деле происходило в Барселоне. В 13:35 Луис Компанис вошёл в Городской совет, чтобы поднять на балконе флаг. В 13:47 знамя Республики уже развевалось на ветру. Рабочие, покинувшие в 13:00 свои места на фабриках, в 14:00 заполняют Площадь правительства и прилегающие улицы.

Луис Компанис водрузил республиканский флаг в 13 часов и 42 минуты, в то время как народ провозгласил Республику в 13:00 ровно. Как видно из этого, политика всегда запрыгивает на уже набравший ход поезд... Давайте посмотрим, что же происходило в Барселоне за несколько часов до этих событий:

Люди из НКТ вышли на улицы. В частности, в Барселоне именно они взяли инициативу в свои руки. Тюрьмы, Гражданское правительство, здание Военного губернатора, Городской совет, Дворец правосудия и буквально всё было сметено членами НКТ. В Гражданском правительстве ранее устроился со всеми удобствами беспринципный политикан — старший помощник Алехандро Лерруса по имени Эмилиано Иглесиас. «НКТ заставила его покинуть кабинет и усадила на его место Луиса Компаниса. В Городской совет вошёл Хауме Айгуадер. В Военное губернаторство — генерал Лопес Очоа. НКТ присутствовала на всех значимых государственных пунктах. Везде она занималась расчисткой дорог от тех, которых едва принимали в расчёт в каком-либо другом месте»²⁶⁵.

Эйбар была первой испанской местностью, провозгласившей Республику. Это случилось в семь утра 14 апреля. За ней последовали другие: Валенсия, Севилья, Овьедо, Хихон, Сарагоса и Уэска, затем Барселона. В Мадриде рабочие тоже вышли на улицы. Республиканские знамёна развевались в толпах людей. Но никто не говорил об официальных новостях. На двух политических полюсах выжидали результатов развития событий; другими словами, то были дом Мигеля Мауры и Восточный (королевский) дворец. Между одним и другим центром установились нити коммуникаций, неся в два конца срочные сообщения: дезертирства из второго пункта и присоединения к первому. Первым, кто определил свою позицию, был генерал Санхурхо — командующий Гражданской гвардией. Он предоставил себя в распоряжение того политика, кто через несколько часов будет назначен министром внутренних дел, — Мигеля Мауры. Переход Санхурхо в лагерь республиканцев прояснял все инкогнито: монарх собирал чемоданы.

Начиная с девяти утра граф Романонес не переставал ломать голову: каким образом осуществить передачу власти? Посоветовавшись с королём, было решено, что церемония состоится у доктора Мараньона. Там, на нейтральной территории, граф де Романонес вручит своему помощнику Нисето Алькале Саморе манифест отречения Альфонсо XIII. После присоединения Гражданской гвардии к Республике и согласно имевшимся данным Временное правительство приняло решение собраться в полном составе. Все будущие правители находились у Мигеля Мауры, за исключением министра обороны Мануэля Асаньи. Лишь ему одному удалось спастись от тюремного заключения в Модело. Говоря символически, его дело слушалось в суде в отсутствие ответчика. С момента полицейской облавы, после которой Асанья скрылся «в одном мадридском доме», никто из его коллег не имел ни малейшего представления о местонахождении будущего министра обороны. Но уже 14 апреля во второй половине дня найти министра представлялось очень срочной задачей, с тем чтобы правительство смогло провести полноценное совещание. Обнаружить Асанью было поручено Мигелю Мауре. «Найти его было нелегко, потому что родственники ревниво охраняли секрет его местопребывания. Наконец мне передали адрес деверя — Сиприано Риваса Шерифа. Я отправился на поиски. После целого ряда формальностей, назвав своё имя, я был вынужден ждать довольно долго; затем меня отвели в комнату, расположенную в самом конце дома. Там, бледный как мрамор, без тени сомнения, просидевший в этих стенах более четырёх месяцев, находился Мануэль Асанья. Я объяснил цель моего визита и потребовал, не теряя времени, следовать за мной. Он категорически отказался, аргументируя тем, что, хотя нас осудили и практически оправдали, но вследствие его не появления в суде, любой страж порядка мог арестовать его и засадить в тюрьму. Я не мог прийти в себя от удивления! Рассказал ему об атмосфере народной эйфории, визите и

предложении Санхурхо; всё это могло ободрить самую трусливую душу; однако его решение оставаться в подполье не изменилось. Я уже собирался уходить и оставить Асанью в четырёх стенах, когда появился его деверь Ривас Шериф, возвратившийся с улицы в возбуждённом состоянии и полный энтузиазма, как и все сторонники республики в те моменты. Он дословно подтвердил мой рассказ, и наконец Асанья нехотя решился ехать со мной.

По дороге в автомобиле до моего дома он что-то бормотал себе под нос и был в скверном расположении духа. Затем мы зашли в библиотеку, он поздоровался с каждым из собравшихся, и тогда я с удивлением понял, что он не видел ни одного из них с 13 декабря, то есть в течение четырёх месяцев. Никто не поддерживал с ним отношения и даже не знал, где он находился всё это время. Таким образом, я сейчас подтвердил для себя факт, о котором подозревал ранее: Асанья — человек необычайного ума и благородных качеств характера — был физически болен: его снедал неодолимый страх (...). Страх был сильнее его, и он делал всё возможное и невозможное, чтобы скрыть это»²⁶⁶. Вот таким был человек, который должен был управлять министерством обороны в составе правительства Второй республики.

В 14:00 в доме доктора Мараньона состоялось интервью между графом Романонесом и Нисето Алькалой Саморой: Алькала Самора: «У нас нет другого выхода, кроме немедленного отречения короля от трона (...). Необходимо, чтобы сегодня вечером, ещё до заката солнца, он срочно выехал...» Алькала Самора прибёг к наивысшему аргументу:

«Незадолго до прибытия на данное совещание мы получили известие о присоединении к республиканцам генерала Санхурхо, начальника Гражданской гвардии. Услышав это, я изменился в лице. Я больше ничего не сказал. Бой был проигран окончательно»²⁶⁷.

Граф де Романонес провёл два часа консультаций и в пять часов пополудни переговорил с королём, который подписал обращение к народу, отредактированное герцогом де Маурой:

“ «(...) Я не отрекаюсь ни от одного из моих прав, потому что они не мои, а наследие самой Истории, и придёт час отдать строгий отчёт относительно охраны этих прав. Я надеюсь узнать подлинное и адекватное выражение коллективного сознания, и пока нация ведёт разговор, я по доброй воле прекращаю моё царствование и отдаляюсь от Испании, признавая её таким образом, как истинную повелительницу своей судьбы»²⁶⁸.

С пяти часов второй половины дня до 20:30 наблюдалась самое настоящее отсутствие Власти. Мигель Маура нервничал ввиду такой пустоты и убедил своих коллег, что они в случае передачи или не передачи власти должны были занять министерство внутренних дел и запустить машину нового Республиканского правительства, задуманного Мигелем Маурой как “матрас”, сфабрикованный в результате Сан-Себастьянского пакта, предмет для спасения многих, очень многих вещей, в событиях 14 апреля...»²⁶⁹.

Глава XXV. Новое правительство и его политическая программа

Gaceta Oficial («Официальный бюллетень») от 15 апреля информировал всю страну о составе нового правительства, а также оповещал обо всех декретах относительно назначений на посты и распоряжений. У государства был новый бюрократический аппарат. Министерства разделились между теми, кто заключил СанСебастьянский пакт и следовал установленному договору о союзе.

Социалисты получили три министерства:

Фернандо де лос Риос — министерство юстиции.

Франсиско Ларго Кабальеро — министерство труда. Индалесио Прието — министерство финансов.

По порядку значимости за социалистами следовали социалисты-радикалы, которым достались два министерства:

Альваро де Альборнос — министерство развития. Марселино Доминго — министерство образования.

Затем шли — с тем же количеством министерств — радикалы:

Алехандро Леррус — министерство иностранных дел. Мартинес Баррио — министерство связи.

Республиканцы, возглавляемые Асаньей, получили одно министерство — обороны (министр — Мануэль Асанья).

Республиканцы из Галисии под руководством Касареса Кироги (того, кто был послан в Хаку) — одно министерство, по морским делам (министр — Сантьяго Касарес Кирога).

Министерство экономики досталось каталонцу — Николау д'Олверу.

Министерство внутренних дел возглавил Мигель Маура — бывший монархист, который желал для страны республику на базе общественного порядка. Его присоединение к республиканцам основывалось на такой логике: «Монархия покончила с собой —

следовательно, либо мы вступаем в процесс зарождающейся революции, для того чтобы вместе с ней защитить законные консервативные принципы, либо предоставляем свободу действий левым силам и группам рабочих, притом в опаснейшем исключительном варианте»²⁷⁰.

Нисето Алькала Самора, также в прошлом монархист, возглавил кабинет министров. Он добавляет к рассуждениям Мауры свои собственные: «Жизнеспособная правительственная консервативная республика с последовательным присоединением среднего класса и испанской интеллигенции; такой республике я служу, управляю ею и защищаю её. Но та конвульсивная, эпилептическая, полная энтузиазма, идеализма и нерациональная — нет, я не беру на себя такую же ответственность, как и Керенский, чтобы создать такой строй на моей родине»²⁷¹.

Какова же была политическая программа данного правительства? Как бы мы ни пытались читать и перечитывать документы, на основе которых создаются законы, мы не находим ничего похожего на политическую программу. Единственное, что там имеется, — так это обязательство поддержания союза для противостояния народным волнениям и создания своего рода «матраса» перед лицом кризиса и краха монархии.

На каких ключевых идеях был создан фундамент обязательств, принятых на себя деятелями из Сан-Себастьяна? Защитить законные консервативные договорённости. Но используя какие силы? Среднего класса (буржуазии) и испанской интеллигенции. В чём заключались эти законные консервативные договорённости? В праве на частную собственность. Что есть это право? Это злоупотребление правом поддерживать существование анахроничных экономических структур в сельской местности, насаждённое ещё при монархах Фернандо де Арагоне и Исабель де Кастилья, после Реконкисты и грабежа, когда награбленное на войне было отдано в награду военным капитанам. Эти земли превратились потом в графства, герцогства и маркграфства, закладывая таким образом основы латифундизма в Андалузии и части Новой Кастилии.

В состав «законных консервативных договорённостей» входили сама аристократия и самоуправство деревенских землевладельцев. Церковь продолжала оставаться, несмотря на все попытки реформаторов, экономической мощной силой, монополизирующей образование, культурную и интеллектуальную жизнь страны. В состав «законных консервативных договорённостей» входила и армия, насчитывающая больше офицеров, чем солдат, а также государственная бюрократия, удушающая своим грузом экономику страны, — каста паразитов, поглощающая собранные налоги, с тем чтобы поддерживать функции государственного аппарата.

На кого рассчитывали для защиты этих консервативных и законных принципов? На «испанскую интеллигенцию и средний класс», то есть на буржуазию. От «интеллигенции» несло ризницей, и она не представляла своей жизни без церкви. «Средний класс» состоял из государственной бюрократии, и сама буржуазия, как политический класс, не существовала, поскольку монархия, судя по её действиям на протяжении истории, воспрепятствовала её развитию и поддерживала превосходство сельской олигархии над промышленной.

Данная политическая программа, если её и можно назвать программой, была задумана новым правительством для того, чтобы оставить всё, как и было, другими словами — игнорируя социальную и политическую проблематику, которая в действительности, лежала в корне причин, приведших монархию к поражению. Таким способом пытались поддержать социальный статус самодержавия под личиной республики. Могла ли осуществиться такая программа? Могла ли выжить республика такого типа, в которой полностью не принимались в расчёт рабочие и крестьяне, которые на самом деле её же и провозгласили? Алькала Самора поступил неправильно, приводя в пример Керенского. Хотелось ему этого или нет, но Алькала Самора всё же станет испанским Керенским...